

МИРА АРМАНТ

КРАСНЫЙ ВОЛК

ПРОКЛЯТЫЙ ОСТРОВ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Татьяна Захарова
Мира Армант
Красный волк.
Проклятый остров

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579451

Красный волк. Проклятый остров: Дрим Менеджмент; Москва; 2023

ISBN 978-5-6046466-6-3

Аннотация

«Красный волк» – дебютный роман Миры Армант. Молодой король объединённого королевства на острове Пэй оказывается вовлечен в странные и ужасающиеся события, переворачивающие всю его жизнь. Кто тому виной: огромный волк со шкурой красного цвета, являющийся ему во снах с самого детства, или загадочный молодой путник, который оказался могущественным колдуном?

Захватывающий мир «Красного волка» увлечёт вас и не оставит лицом к лицу с устрашающей бездной иллюзий, одиночества, надежд и мифов, которых в реальной жизни развелось куда больше, чем в литературе – даже фантастической. Книга вырывает читателя из-под власти этих монстров, предлагая момент мыслительной остановки и преодоления темноты потока окружающей жизни.

Содержание

Предисловие	7
Глава I	12
Глава II	25
Глава III	30
Глава IV	36
Глава V	44
Глава VI	49
Глава VII	85
Глава VIII	105
Глава IX	123
Глава X	147
Глава XI	175
Глава XII	194
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Мира Армант

Красный волк.

Проклятый остров

© Мира Армант, текст, 2023

© Татьяна Захарова, иллюстрации, 2023

© Азазель Аль-Калифа, обложка, 2023

© Ксения Кеупагі Рыжикова, обложка, 2023

© Дрим Менеджмент, 2023

* * *

МИРА АРМАНТ

КРАСНЫЙ ВОЛК

ПРОКЛЯТЫЙ ОСТРОВ

Dream Management

Москва

2023

Предисловие

Создать свой мир отваживаются не многие. Мире Армант, автору «Красного волка», это вполне удалось. Мир в данном случае равен термину «вселенная» – как, например, вселенные известных компаний комиксов о супергероях, другая – мир взрослеющих юных волшебников или Семь королевств Джорджа Мартина; фанаты всё чаще ругают Анджея Сапковского, но виной тому торопливость стриминговых платформ, не развернувших как следует мир «Ведьмака» в сериале. В российской литературе создать свой мир дано лишь избранным. Неплохим результатам завершилась попытка Марии Семёновой с её «Волкодавом», то было освоением почвы славянского язычества. Ещё раньше Ник Перумов взялся за ниву Толкина – за условное продолжение «Алой книги Западных пределов», «Сильмариллиона», «Великих сказаний Средиземья» и прочего наследия автора, которого фанаты, памятуя о его учёном звании, уважительно именуют профессором. У Перумова вышло слабо, потому что, будучи талантливым исследователем по призванию, он возжелал административных должностей в фанатской иерархии, председательства в конах, безусловности собственного авторитета... Ну да бог с ним, с Перумовым, ведь все знают, что в конце Третьей эпохи волшебники навсегда уплыли в сторону Заокраинного Запада... В урбанистической фантастике тре-

вожрый, но логичный мир создал Вадим Панов, его «Kamata Yarı» гармонично собирается и разбирается с циклом «Тайный город», по которому был снят один из первых сериалов такого рода с модным Павлом Прилучным. Очень хорош роман «Боги богов» Андрея Рубанова, но то – автор такого дарования, которое не предполагает циклов, и потому создателем собственной вселенной считаться не может. Вселенные «Ночного дозора» Сергея Лукьяненко и циклов Василия Головачёва раздрают фанатское сообщество на непримиримо враждующие стороны. Есть пара неплохих примеров российского стим-панка, но далёкий мир раннего викторианского капитализма нашим авторам чужд. Мира Армант создала одновременно знакомый, комфортный для любителей фэнтези мир.

Остров Пэй и описываемая часть Материка достаточно обширны для того, чтобы уместить несколько королевств. Великолепные, хоть и мрачноватые дворцы скрывают тайны и интриги. Впечатляющий архитектуры храмы и монастыри населены представителями жреческого сословия, отчасти напоминающего средневековые монашеские ордены и конгрегации, действуют жрецы и при дворе молодого короля Льенара. Он получил в наследство от отца едва объединившееся государство, и всё указывает на то, что вельможи покорённой его части вынашивают планы о возвращении прежнего статуса. В объёмной, подробной вводной части мы исчерпывающим образом знакомимся с миром «Кол-

дуна». Если основа «Песни льда и пламени» Мартина – английская Война Алой и Белой розы, то исторической опорой писательницы, по-видимому, стали бесконечные кровопролитные войны итальянского ренессанса. Эпичная кульминация масштабного пролога – битва за Эсбор, в которой участвуют наёмники, напоминающие кондотьеров.

Ещё одно, тайное сословие мира писательницы – это так называемые Серые. Если у Джоан Роулинг это просто волшебники, у Мосян Тунсю в «Мастере тёмного пути» – заклинатели, то у Миры Армант просматривается концепция «Фауста». Маги здесь обретают свои способности, заключив сделку с тёмными силами. Колдунов немного, они являются редкостью, исключением в мире автора романа. Отношение к ним и у самой писательницы двойственное, оно не сопоставимо с присущим ей, да и всему литературному направлению, гуманизмом. Колдун Марк, исполняя желание покорить сильное мятежное герцогство, насылает на противников чуму, увиденное ужасает короля, но, как известно, дьявол всегда обманет. Но всё в этом романе имеет логичное, даже художественное объяснение. Вставная новелла о том, как юный сын фермера стал Серым, чем заплатил за своё могущество, поистине трагична...

Сами тёмные силы появляются в виде призраков, однако оставляющих полное впечатление телесности. Ещё одно проявление – огромный красный волк, здесь, по-видимому, неосознанная переключка с ранобэ Исумы Хасэкуры «Вол-

чица и пряности». Но и это мистическое существо объяснено особой притчей, писательница не экономит на подробностях, потому её мир столь достоверен.

Мир острова Пэй привлекателен и разработан без противоречий. Однако важнее то, что в нём происходит. Скажут: фантастика вообще, а фэнтези, миры и вселенные меча и магии и подавно – вариант эскапизма, возможность ухода от действительности; именно так рассматривали критики советской эпохи «Властелина колец» Толкина. Отчасти так оно и было. Сейчас массовые технологии манипулирования достигают целей, обратных поставленным. Люди становятся непредсказуемыми, способными на необдуманную щедрость, яростную злобу, полную апатию – и часто это одна личность. Нынешний «эскапизм» как раз полезен, он может освободить от социальных комплексов, уродств развития двуногих млекопитающих. Роман Миры Армант не оставляет нас лицом к лицу с устрашающей бездной иллюзий, которых в реальном мире развелось куда как больше, чем в литературе, даже фантастической. Коллективные надежды, мифы, политические стремления становятся всё менее реальными, настоящими. Писательница вырывает нас из-под власти этих монстров, предлагая момент мыслительной остановки, преодоления темноты потока окружающей жизни.

Сергей Шулаков

Всякое же зло есть душевный недуг.
Свт. Василий Великий

Глава I

В том ноябре стояла необычная для этих мест погода. Яркое солнце пробивалось из-за низких серых облаков, едва прогревая воздух, наполненный запахом осени. Это был не тяжёлый запах раскисших прелых листьев, а тот звенящий и невесомый, который хотелось вдыхать, вдыхать жадно снова и снова, словно, измученный жаждой, не можешь оторваться от сосуда с чудесным нектаром. В пустеющих после сбора урожая полях, в пожелтевших лесах стояла обволакивающая тишина. Перелётные птицы, подчиняясь извечным правилам, улетели на юг, а местные пернатые вели себя тише обычного. Они, настороженно нахохлившись, затаились, будто не доверяя затянувшейся осени. Листья, теряя силу и осеннее очарование, обычно опадали к этому времени, но в тот год их что-то задержало, и они с трепетом и надеждой оставались на ветвях тучных деревьев. Зима всё никак не наступала.

На скалистых берегах острова Пэй уютно расположилось небольшое королевство Фортресс. Мир и добро царили в этом наполненном размеренным существованием государстве. И вот здесь произошло по-настоящему долгожданное событие: у короля Эдмунда Вильгемонта и королевы Элеоноры родился первый и единственный сын. Королевская семья слишком долго ждала появления наследника, но рожда-

лись только девочки. Да и те появлялись на свет слабыми и безжизненными.

Первую дочь звали Аурелия. Её жизнь была коротка. Всего одну неделю ей было суждено радовать родителей. Король с королевой действительно радовались своей малышке, ведь ничто не предвещало такого стремительного несчастья. Девочка родилась в срок, положенный природой, она была крепким милым ребёнком и вызывала у всех только восхищение и искренние улыбки. Но в одно злосчастное утро кормилица нашла в колыбели уже остывшее тельце несчастного младенца. Она умерла во сне, так и не проснувшись, не издав ни единого звука. Ушла тихо. О судьбе нянек и кормилицы никто не знает. Их больше не видели. Возможно, в смерти ребёнка и вовсе не было их вины, так бывает. Дети иногда умирают без всякой видимой причины.

Похоронив Аурелию, королевская чета и весь двор год носили траур. А спустя ещё год всё королевство уже снова ждало появления наследника. Король с особым вниманием приглядывался к королеве: живот у неё был острый, и лицом она похорошела. «А ещё и ворон на крыше поселился», – будет мальчик. По крайней мере, так говорили придворные предсказатели. И вот подошёл срок. Ждали, что со дня на день забьют в колокола, возвещая о рождении ребёнка у королевской четы. И обязательно сначала ударят двенадцать раз в набатный колокол, подтверждая, что родился именно наследник. И начнётся веселье под игривый перезвон колоколов

поменьше. Но...колокола не зазвенели, ни большие, ни маленькие, а вместо общего веселья королевство вновь накрыло трауром. Вместо праздника весь двор собрался позади кафедрального собора, на погосте. В землю опустили ещё один крохотный гроб со второй дочерью короля – Луизой, которая, в отличие от своей старшей сестры Аурелии, уже родилась мёртвой. Элеоноры не было на похоронах. Неделю она металась в горячке, увлажняя болезненным, липким потом простыни, горячечными стонами и криками содрогая стены замка и пугая придворных детей. Она вопила, требуя вернуть ей Аурелию и Луизу. «Королева двинулась рассудком», – судачили вокруг и боязненно обращали взгляд к небесам. А поседевший за последние несколько дней Эдмунд каждый день молился в соборе, давая Богу невыполнимые клятвы, лишь бы тот оставил ему его жену. И суровый Пэйский Бог сжалился над королём, его супруга не умерла.

Медленно, очень медленно она поправлялась, и так же медленно возвращался к обычной жизни король. Он так же и продолжал проводить время за молитвами по полночи. А порой и днём, бросив всё, уходил молиться, и никто не удивился, когда малый трапезный зал, примыкающей к спальне короля, вдруг превратился в часовню. Теперь король обращался к Богу с просьбой послать ему наследника. Молитвы короля вскоре были услышаны – через долгих пять лет после похорон второй дочери Элеонора вновь понесла. На сей раз король приказал скрывать положение королевы

до тех пор, пока это будет возможно. Он окружил себя монахами в голубых рясах. Монашеское облачение такого цвета указывало на особое положение служителей Говерской церкви. Эдмунд все ночи напролёт проводил в своей часовне, а днём, осунувшийся и бледный, был рядом с супругой. Четверо лучших лекарей жили при дворце без права покидать его. Дела, требующие вмешательства короля, проходили через Хранителя Большого Ключа, и только если у Хранителя не хватало мужества принять решение за короля, он писал ему записку, которую передавал через одного из монахов голубых рясах. Но, как правило, ответа он не получал. Тогда Хранитель, сокрушённо качая головой, откладывал неразрешимое дело на потом. Обращаться повторно к королю было бессмысленно, а порой даже опасно, ведь все вокруг знали: гнев короля Вильгельмонта может быть разрушителен. Однажды Хранитель аккуратно намекнул Эдмунду, что его отход от дел королевства может неблагоприятно сказаться на положении дел. Но он король ничего не хотел слушать. Один его яростный взгляд сказал больше, чем тысяча слов. Больше Хранитель не пытался вразумить правителя.

Роды были долгими и мучительными, и они извели и без того ослабленную Элеонору. Но наконец её мученья закончились, и двадцать пятого ноября, с первыми лучами солнца воздух над замком разорвало от удара набатного колокола. Всё вокруг замка, где был слышен колокол, замерло – каждый в Фортрессе знал: один раз бьют в колокол, если умер член королевской семьи, два – пожар, три – чума, четыре – нападение врага, а после пяти начинаются праздничные набаты. И тут же последовал второй удар! Третий! Четвёртый! Пятый! Слава Говеру – Богу остова Пэй! Праздников на острове больше, чем бед, и многим из них соответствовал набатный счёт. Двенадцать ударов! И колокола на колокольне собора взорвались долгожданным перезвоном. Его подхватили колокола и колокольчики всех церквей и храмов по всему Фортрессу. Весть о рождении наследника долетела до соседних королевств острова, и там тоже раздались праздничные колокольные перезвоны, приветствующие появление на свет принца Льенара. Так мать попросила назвать своего долгожданного сына.

Счастью короля не было предела. Но к вечеру он вновь удалился в часовню в окружении свиты монахов в голубом. Элеонору вновь, как в прошлые роды, настигла горячка. Короткая радость от рождения сына перекрылась зудящей тревогой за жизнь жены. В полночь король вышел из часовни и призвал к себе лекарей, но по растерянными их взглядам

понял, что надежды почти нет. Лекарши же по взгляду короля тоже многое поняли...

Монах, отличавшийся от других нашитым на голубой рясе кроваво-красным глазом Говера, взял короля под руку и аккуратно увёл в часовню. Через мгновение из часовни высыпали остальные восемь монахов, дверь за ними захлопнулась и скрежетнул засов. За закрытыми дверями, стоя на коленях под чашей Говера, главный монах шептал королю на ухо:

– Нет... Говер дозволяет. Он и сам к ним ходил. Ходил, ходил! Нет... в откровениях этого нет. Поверь мне. Я-то знаю! Просто знаю... просто поверь! Знаю и всё!

Монах вскочил с колен, приложил руки к губам и поклонился чаше.

– Завтра её доставят. Через неё Говер откроет тебе будущее. Если на то будет его Воля. Всё только через его Волю!

Всю ночь Эдмунд провёл за закрытыми дверями часовни, поглощённый своими мыслями, молитвами и надеждами. Полумрак молельной комнаты порой обрывался в полную тьму, и тогда король зажигал следующую свечу, смотря на неё немигающим взором. Он беспрестанно нашёптывал священные тексты, смиренно стоя на коленях, уткнувшись взглядом в пол.

На рассвете, изнеможённый, он пришёл в спальню Элеоноры. Эдмунд присел на край кровати королевы и положил ей на лоб руку, отчего она открыла глаза. Всю ночь её тер-

зала лихорадка, но лекари свершили, казалось, невозможное, или молитвы мужа возымели действие, и под утро жар отступил. Королева пришла в себя и попросила, чтобы ей принесли сына. Как только колыбель с наследником внесли в опочивальню, Элеонора приподнялась на локтях и неясным взглядом посмотрела на спящего малыша. Слезы материнской любви и нежности покатались по её щекам. Однако королева тут же опустила голову на подушку и крепко заснула, ведь она была ещё очень слаба. Эдмунд, увидев жену и сына рядом, почувствовал прилив осторожной радости, и надежда опять затрепетала у него в душе. Он тихо, чтоб не разбудить новорождённого и благоверную, сел в углу в расшитое кресло и через минуту уснул сам крепким сном.

Проснулся король от того, что кто-то осторожно тряс его за плечо. Он продрал глаза и увидел перед собой суровое, но с едва заметной кривой улыбкой лицо монаха. На его рясе горел красный глаз Говера.

– Чего тебе надо? – недовольно прошептал Эдмунд, бегло оглядев комнату, и, убедившись, что королева не разбужена, а сына унесла кормилица, добавил, – Что случилось?

Монах молча указал взглядом на дверь и жестом пригласил короля пройти за ним. Они оба тихо вышли из комнаты королевы.

– Она пришла, – прошептал монах Эдмунду, когда король закрыл за собой дверь в спальню, – Пришла и ждёт. Она говорит, что должна видеть наследника.

– Кто она? – у короля кружилась голова от утомления. Он потёр виски. Короткий сон в кресле дал ещё и головную боль, и он не очень понимал, что происходит и чего от него хотят.

Монах некоторое время смотрел в сонные глаза короля в ожидании, что тот вот-вот вспомнит об их разговоре. Таковую дерзость сложно себе представить, но между этим двумя не было тайн. За семь лет король полностью открылся старику, и тот стал ему отцом. Настоящим отцом! В нём было всё то, чего не было в настоящем отце короля, покинувшем мир задолго до того, как он сел на престол. А главное, в этом монахе-старце была искренность и неподдельная доброта, которыми не был наделён природой родитель Эдмунда.

– А-а-а... – протянул король, – Послушай, – он взял монаха под локоть, и они прошли немного по коридору, отдаляясь от опочивальни королевы, – Я даже не знаю... Так вроде всё наладилось... Благоверная пришла в себя... Она даже попросила принести ей сына! Представляешь? Сын тоже, вот видишь... Спит, ест... Может, беды обошли мой дом стороной? Мои молитвы были услышаны! Спасибо тебе в первую очередь! – Эдмунд коротко взглянул вверх.

– Второй раз она не придёт, – нахмурился монах. – Я надеюсь, ты понимаешь? Если ты её сейчас не примешь, она не придёт больше никогда!

– Да и Бог с ней! – король уже было направился обратно к спальне жены, но монах удержал его за рукав туники.

– Я прошу тебя! Прими! Хотя бы просто поговори с ней... Выйди, встретить и просто поговори! С ней нельзя так! Это опасно.

– Зачем? – Эдмунд раздражённо одёрнул руку старика. – Зачем это надо? Что за условности, или, может, она забыла, куда пришла?! К кому она пришла?! Может, прикажешь мне выйти к ней лично и напомнить кто есть кто?!

– Пойми, Эдмунд, – суровость взгляда монаха как испарилась, – Сейчас ты думаешь, что всё наладилось и отвергнешь её. Оскорбишь! Понимаешь, оскорбишь! Но в следующий раз, а следующий раз может наступить уже завтра, она не придёт. И... – монах закрыл рукой глаза, и его ладонь сползла вниз по морщинистому лицу до самого кончика бороды, – И... Я не уверен, что, оскорбившись, она не наделает... Не сделает... – от волнения он дёргал носом, нервно выдыхая при этом.

– Что-о?! – король повысил голос, – Ты кого ко мне привёл?! Ведьму?!

Эдмунд крайне негативно относился ко всему, что связано с колдовством, магией и целительством в целом. По его мнению, ничто не могло принести выгоду и добро, если к этому приложили руку тёмные силы.

– Тише, тише! – зашипел монах, поднимая в успокаивающем жесте ладонь, – Просто с ней надо как со змеёй. Не обижай – и она не укусит. А поставишь блюдечко с молоком – передавит всех крыс в подвале. Ну? Послушай меня! Она по-

лезная старуха. Я знаю её достаточно долгое время. При-
ми!.. – монах умоляюще взял короля за рукав.

Эдмунд в раздражении выдернул свой рукав из пальцев монаха и посмотрел на него с такой укоризной, что тот склонился в поклоне, чего не было уже много лет. Король зашагал по коридору, впечатывая каблуки сапог в каменный пол древнего замка. Монах засеменил за ним.

– Как её зовут? – бросил через плечо Эдмунд.

– Севелина...

– Севелина?.. – удивился король, – Она что, с юга?

– Точно не знаю. Она живёт в Фортрессе уже очень давно, и никто не может припомнить, как она тут появилась.

Стражники, стоявшие у дверей приёмного зала, звякнув латами, распахнули двери. Король решительно вошёл, и при неярком свете факелов он не сразу различил на фоне портьер тёмную фигуру, стоящую спиной к нему. Серый плащ с накиннутым на голову капюшоном медленно повернулся в его сторону. Тень скрывала лицо гостя.

– Ты желал встречи со мной? – проскрипел голос из-под капюшона, – Вот я здесь.

– Я не то чтобы... Э-э... Да, желал! – король растерялся от такой наглости, никто не смел заговаривать с ним первым.

– Покажи мне его, – плащ колыхнулся и как бы поплыл по воздуху к нему.

Сгорбленная фигура приближалась всё ближе и ближе, и когда капюшон почти коснулся лица короля, она остано-

лась. Эдмунда окутал запах горных фиалок, и он неожиданно для себя глубоко вдохнул этот необыкновенный аромат, который на мгновение отправил его в блаженную негу. Это так не вязалось с пугающим образом гостя. И вдруг совершенно другой, чарующе прекрасный голос донёсся до него:

– Покажи мне сына.

Словно под гипнозом, король повернулся и направился в комнату малыша. За ним тенью поплыла фигура Севелины. Монах, как оглушённый, остался стоять в приёмном зале.

Эдмунд распахнул дверь детской, пропуская вперёд гостью. Не останавливаясь, та скользнула прямо к колыбели и слегка склонилась над ней, рассматривая ребёнка. Король резким движением руки приказал уйти прочь кормилице и прислуге. Они безропотно покинули комнату, озираясь на фигуру в плаще. Севелина долго смотрела на младенца, не прикасаясь к нему, но вдруг её голос снова зазвучал:

– Будь спокоен, король Фортресса. Твой наследник вырастет здоровым. Да... Я вижу ум и силу. Он превзойдёт тебя на троне. Конечно, ты этого не увидишь. Но теперь хотя бы знаешь. – Севелина тихонько засмеялась, и смех её был тонок и прекрасен, как журчанье горного ручейка.

– Элеонора? – прошептал король.

– Умрёт! – оборвав серебристый смех, безжалостно и коротко проскрежетала Севелина. – Уйдёт до рассвета. Но это не важно.

Севелина развернулась и снова приблизилась вплотную

к Эдмунду, источая запах тех же фиалок, только теперь был он уже приторным и слишком навязчивым. Лицо короля слегка перекосило, и он пытался задержать дыхание. Суровый мужчина пытался рассмотреть лицо старухи под капюшоном, но, как он ни всматривался во тьму, ничего не выходило. Скороговоркой, так что было трудно разобрать отдельные слова, Севелина зашептала ему в лицо:

– Ты не увидишь его свадьбы. Ты не увидишь его славы. Ты не увидишь его побед. И никто из ныне живущих. Никто! И даже Я! Не увидим его смерть. Никто... – и снова зазвенел прекрасный смех, подобный утреннему пению диких птиц.

Так, посмеиваясь и подрагивая под плащом плечами, Севелина выскользнула из комнаты, оставив онемевшего Эдмунда один на один со всем тем, что свалилось на него за эти несколько странных минут.

Глава II

Элеоноре было семнадцать лет, когда Эдмунд взял её в жёны. К тому времени он потерял и отца, и мать, и уже семь лет носил королевскую корону. И некому было противиться браку короля с дочерью всего-навсего какого-то герцога, да к тому же ещё и с материка. Советники и придворные все семь лет его безбрачного царствования старались подобрать для короля достойную пару, но молодой король отвергал всех претенденток. Ни пышные формы, ни ангельская их красота не вызывали у Эдмунда желания вступить в семейный союз. Он ждал любви.

Шло время, и вот однажды король получил с материка предложение рассмотреть в качестве будущей жены дочь герцога Латрианского. Если бы такое предложение поступило в начале его правления, то, безусловно, Хранитель даже не доложил бы Эдмунду, и письмо вместе с приложенным к нему портретом отправилось бы на вечное хранение в дальние кладовые, скорее всего, даже не вскрытым. Но когда вопрос наследования престола стоит так остро, рассматриваются все варианты; и портрет юной Латрианской красавицы был водружён на каминную полку в тронном зале напротив окон, чтобы свет из них как можно выгоднее донёс до взора короля красоту юной девы.

Когда Хранитель Большого Ключа как бы невзначай под-

вёл Эдмунда к портрету Элеоноры, он постарался обставить всё так, будто это вовсе не важно, потому что знал: чем больше Эдмунду что-то навязывают, тем больше тот сопротивляется. Он словно закрывается щитом и опускает забрало шлема, отстраняясь от окружающих, категорически делая всё вопреки. Даже выглядел он как молодой лев, с такой же пышной непослушной шевелюрой и густой бородой, красиво подчёркивающей мужественное красивое лицо.

– Пишут с южного Форпоста о нехватке продовольствия, – докладывал Хранитель, следуя за Эдмундом, в нетерпении кружившем по тронному залу, ведь он хотел побыстрее закончить дела и отправиться на охоту, – Просят увеличить фураж. Пришлось добавить конницу в гарнизон из-за Габсорских лесных банд.

– Увеличьте, – безразлично обронил король. Бросив взгляд в окно, он развернулся на каблуках и пошёл на очередной круг по залу.

– С материка прибыл гонец. – продолжал Хранитель, – Ну, тут ничего нового... Требования по уплате долга за вина из Форгии. Приглашение на свадьбу от Вашего кузена, принца Кромпа, с которым вы не слишком дружны... Ну, и портрет дочери какого-то герцога, – он брезгливо отмахнулся, – Поставили его вон, на каминную полку, – Хранитель, не отрывая взгляда от бумаг в своих руках, нарочито безразлично кивнул в сторону портрета. – А! Вот ещё! – Он потряс одним из писем, – Это может быть интересно! Просьба о займе

под двадцать процентов от... Ваше Величество?!

Эдмунд стоял напротив портрета, в задумчивости кусая ноготь на указательном пальце. Хранитель усмехнулся в усы, но, спохватившись, вновь принял безразличный вид.

– Ваше Величество? Двадцать процентов – это по нынешним временам очень выгодный займ. Тем более запрашиваемая сумма вполне по казне. Мы могли бы поторговаться, но, на мой взгляд и так...

– Кто она? – оторвав на секунду взгляд от портрета, спросил король.

– Вы о ком? – Хранитель заметил заинтересованность Эдмунда и продолжил свою игру. – Ах, эта! Да дочь какого-то герцога... Не припомню, какого! Ваше Величество, так что с займом?

– Кто она?! – повторил свой вопрос король. Голос его был раздражённый, но глаза рассеянно добры и полны нежности.

– Я, право, не думал, Ваше Величество, что... Но я непременно найду, если уж... – Хранитель ковырялся в бумагах, выскальзывающих из рук. – Вот! Эле... Не разобрать... Тут на аквитанском языке. Эленора вроде... – Он протянул королю письмо, – Вот... письмо от её отца, Герцога Латрианского.

– Элеонора, – тихо почти пропел Эдмунд, вновь обратившись к портрету.

С холста на него смотрела юная голубоглазая девица. Бледная кожа её, если не была приукрашена художником,

выгодно оттенялась чёрными, как уголь, волосами. Глаза, наполненные откровенностью и непорочностью, поглощающая глубина чёрных локонов, полноватые губы в лёгком изгибе скромной улыбки, тонкая шея – что же сражает мужчин наповал? Кто знает, как объяснить то, что случается с ними, когда они теряют голову от одного облика женщины?

– Я еду в Латриан, Чарлиз!

– Простите, Ваше Величество, – поклонился Хранитель, – Могу я узнать, зачем?

– Я хочу её видеть, готовьте корабль.

– Но Ваше Величество! Вы собрали на следующей неделе совет старейшин. Двадцать четыре представителя из всех...

– Перенеси.

– Могу я предложить Вашему Величеству другой вариант? Я отправлю Ваш корабль за Эленор в Латриан...

– Элеонорой, – недовольно поправил Хранителя король.

– Что, простите?

– Её имя Элеонора. Элеонора! Не Эленор!

– Да, Ваше Величество, конечно! Элеонора. Корабль за ней отправим, и она к концу следующей недели будет здесь. Раз отец сам предлагает её в жёны, отказа быть не может. А Вы уж там посмотрите, может, и ездить-то незачем было. Эти художники насочиняют такого... Да и отправите к отцу обратно.

– Да! Ты прав! Так и сделай, – Эдмунд потёр руки, улыбаясь своим мыслям. – На охоту со мной поедешь?

– Ваше Величество!.. – Хранитель развёл руки, в каждой из которых было по пачке писем.

– Да-да! – Эдмунд рассмеялся, – Дела! Если бы не ты, дорогой Чарлиз! Если бы не ты!

В приподнятом расположении духа король стремительно вышел из тронного зала. Хранитель довольно усмехнулся: «Если бы не я! Конечно. Такой молодой, а уже упрямый!».

Свернув бумаги в трубку, он сунул их подмышку и трижды хлопнул в ладоши. Потайная дверь, скрытая тяжёлой портьерой, открылась, и из неё вышел молодой монах в голубой рясе. Он почтительно склонил голову, не отходя от двери. Хранитель сам подошёл к нему и, приблизив губы к самому уху монаха, зашептал распоряжения о подготовке корабля, апартаментов для гостя, нарядов и прочих мелочах и важных нюансах, способных расположить короля к браку. Уж если Хранитель за что брался, то делал всё на совесть и всегда доводил дело до конца.

Глава III

Совет старейшин подошёл к концу, и из тронного зала, пятясь спиной и кланяясь, выходили посланники графств. Последним вышел Хранитель Большого Ключа. Двери за ним закрылись.

– Отправляйтесь по домам, на этом всё! Подорожные грамоты возьмёте у капитана стражи. Доброго пути! Говер да сопровождает вас!

Когда посланники начали расходиться, Хранитель увидел монаха, стоящего у противоположной стены. Тот еле заметно кивнул ему и показал оттопыренный мизинец, не поднимая руки. Увидев тайный знак, Чарлиз понял, что дело сделано, и Элеонору доставили во дворец, препроводили в комнаты и подготовили ко встрече с королём. Глубоко вздохнув, Чарлиз вернулся в тронный зал.

– Ваше Величество! – Хранитель поклонился.

Эдмунд снял с пышной шевелюры корону и, не найдя взглядом пажа с подушкой, положил её на трон, собираясь удалиться в свои покои.

– Что такое, Чарлиз? – устало произнёс король.

– Если вы не утомились, может, взглянете на Эленор?

– Эленор? – Эдмунд замер на полушаге, – Элеонору, ты хотел сказать?

– О! Простите, Ваше Величество! Никак не запомню. Да,

она ожидает аудиенции в гостевых комнатах. Прикажите привести?

– Нет-нет, я сам... Проводи меня.

Хранитель, повинувшись, повёл Эдмунда в комнату, где в ожидании встречи скромно сидела девушка. У дверей гостевой Чарлиз на секунду замер и, распахнув двери, громко произнёс:

– Король Фортресса Эдмунд Вильгемонт!

Эдмунд, отстранив Хранителя, вошёл в комнату. Чарлиз попятился и закрыл за королём дверь, оставив Эдмунда и гостью наедине.

У приоткрытого окна спиной к дверям стояла она. Её чёрные волосы слегка трепал нежный ветерок. Эдмунд сделал несколько робких шагов к точёному стану Элеоноры. Она стояла неподвижно. Король подошёл совсем близко, протянул руку к плечу девушки, но дотронуться не посмел. Он убрал руку и чуть слышно произнёс:

– Я очень рад, что вы...

Но закончить он не смог. Элеонора медленно повернулась, король взглянул ей в лицо и отступил назад. Тогда, когда перед ним был её портрет, он и представить себе не мог, насколько тот придворный художник был бездарен. Перед ним был ангел – наверное, ни один художник мира не в силах передать такую неземную красоту. Элеонора посмотрела в глаза Эдмунду, и он растерянно потупил взор. Девушка сделала реверанс и протянула руку королю. На её ладони

лежал небольшой золотой медальон с выгравированной диковинной птицей.

– Это вам, – промолвила она чуть слышно, и её голос наполнил красотой всю комнату.

Эдмунд поклонился и принял подарок Элеоноры, боясь коснуться её ладони.

– Он будет хранить вас в самые трудные минуты, – продолжила девушка.

Король крепко сжал медальон в руке, прислонил к груди и поклонился снова в знак благодарности.

* * *

Об этой первой встрече вспоминал сейчас Эдмунд. Позади кафедрального собора, сидя на мраморной скамье у трёх могил, на одной из которых ещё не просохла земля, он так же, как тогда, держал на груди медальон, подаренный Элеонорой.

– Вот так, девочки мои... И мама ваша к вам отправилась. Оставила нас с Льенаром, чтобы приглядывать за вами. Ну, на всё Воля Говера. Элеонора, ты тоже присматривай за нами, чтоб мы тут не начудили здесь с Льенаром, а вы, девочки, позаботьтесь о матери. Для неё там всё в новинку, а вы уж освоились, наверное.

Эдмунд закашлялся, проглатывая слёзы, но не удержался и разрыдался, закрывая рот ладонью.

– Элеонора! Как я без тебя? – рычал он, закусывая руку. – Зачем мне всё это? Замок этот, что я для тебя построил! Видеть его не могу! Со всеми этими парками и прудами, огромными зеркалами, в которых до сих пор живёт твоё отражение... Я же для тебя старался!.. Ничего не жалел. Ничего. А ты... ты ушла...

Неслышно подойдя, рядом с ним бесшумно опустился на скамью монах с красным глазом Говера на рясе. Эдмунд не обернулся на него. Молча они сидели на скамье некоторое время. Наконец король заговорил.

– Я и сам знаю всё, что ты можешь сказать, Веко. И про Говера, и про Волю его, и что ей там лучше, что измучилась она здесь.

– Говер... Он отец нам всем. Теперь и ты отец. И сын твой нуждается в тебе, как ты в Говере. Иди к нему. Я только спрошу тебя о Севелине. Что она сказала?

– Сказала, что до утра Элеонора не доживёт. Так и вышло.

– А Льенар?

– С ним всё будет хорошо, – король встал и положил руку на плечо монаха, – Если я узнаю... Правда, пока не знаю, как... Но если я узнаю, что это не предсказание, а что-то ещё... – и он так сжал плечо старика, что тот взвизгнул.

Эдмунд зашагал к калитке погоста, крикнув: «Хранителя в мою трапезную!». Тут же из-за розового куста выскочил монах и стремглав побежал исполнять приказ.

В личной трапезной короля стоял стол на четверых. За этим столом собирался малый королевский совет, на который допускались только самые приближённые к правителю и высокопоставленные придворные. Помимо самого короля, в совет входил Хранитель Большого Ключа, отвечавший за внешнюю и внутреннюю политику, Генерал Большого Шлема, командовавший войсками, и Веко Ока – наивысший сан Говерской Церкви. Сегодня за столом сидели двое – король и Хранитель.

– Распорядись о няньках. Сделай так, чтоб проверили всех. Только самых надёжных, и чтоб немного их было. Две или три, сколько надо, но как можно меньше. Сейчас же начинай искать учителей. Самые лучших. Проверь и отбирай, а потом ещё проверь и снова отбирай! Не мне тебя учить. Да так подбирай, как будто завтра нас с тобой не будет на этом свете. Поручи Генералу, чтобы подобрал самых преданных для охраны. Опять же... Не больше, чем нужно, но самых-самых, чтоб как собаки преданные, готовые умереть за хозяина. Монахов я сам назначу. Из девяти троих, чтобы следили за всеми, кто рядом. И пусть знают, что следят. Пусть все знают, что все за всеми следят. Другого наследника не будет. Льенар – будущий король! После меня он! Если не он, то никто.

Эдмунд встал из-за стола. Чарлиз хотел было подскочить, но король жестом приказал сидеть. Он сделал несколько кругов по трапезной, заложив руки за спину, затем подошёл к Хранителю и присел на край стола, глядя ему в глаза.

– У тебя ведь тоже сын родился?

– Морис, – кивнул Хранитель.

– Сколько ему?

– Год скоро будет.

– Почему ты мне не говорил об этом? Рядом с детской Льенара есть ещё одна комната. Будущему королю нужен верный друг, такой же надёжный и верный, как ты. Теперь это комната Мориса. Пусть твой сын будет рядом с моим. Пусть растут вместе. Всё, что нужно для него, обеспечь из казны. Я подпишу всё, что надо.

Хранитель молчал, изумлённо округлив глаза. Эдмунд встал, сделал несколько шагов и вдруг сказал:

– Ах, ещё вот что... Подними бокал!

Хранитель повиновался.

– Давай-ка выпьем за нашу давнюю дружбу и за сыновей! Прости, что не спрашивал о твоей семье раньше.

Они звякнули хрусталём и выпили ещё по бокалу любимого форгийского вина.

Глава IV

Шли годы. Зимы сменялись вёснами. Молодой клён, посаженный Эдмундом под окнами комнат Льенара в год его рождения, покрывался молодыми листьями семнадцать раз и вырос раскидистым сильным деревом с мощным стволом и пышной кроной. И Льенар превратился из озорного мальчишки в крепкого молодого человека.

Детство и отрочество его прошли бок о бок с верным другом Морисом. Вместе они учились, вместе играли, вместе на празднике посвящения в мужчины распили ритуальную чашу вина над камнем предков центральной площади, и сам король вручил им оклсы – засапожные ножи, служившие символом вхождения во взрослую жизнь. Старик Чарлиз стоял за правым плечом короля и утирал платком слёзы с незрячих глаз.

– Ты не видишь, Чарлиз, – говорил Хранителю король, когда они пешком возвращались в замок с площади, – но я тебе расскажу... Замок теперь другой. Помнишь, каким он был, когда мы закончили строительство? Белый камень сверкал на солнце... Теперь он посерел, и из-под крыш ползут рыжие подтёки ржавчины. Дикий виноград поднялся до окон третьего этажа. Помнишь, мы вместе воткнули три лозы с локоть длиной и просто придавили их ногами к земле? Вот же какой живучий.

– Ваше Величество! Я всё помню... Всё и всех. Может, я не вижу винограда, но слышу шелест его листьев на ветру. И ещё я слышу, как на юге звенит оружие. Слышу, как с южного форпоста тянет костром.

– Сегодня в полночь я соберу малый совет. Обсудим, – немного помолчав, Эдмунд продолжил, – Я хочу передать сыну Фортресс под мирным небом. А если на южной границе будет гореть, то, как только я отправлюсь к праотцам, тут же огонь войны перекинется на нас. Габсор выжидает, я чувствую. Они ждут, что я преставлюсь, а Льенар, не набрав сил, не удержится. Ты – старая развалина, но ещё держишь в руках узду. Сам понимаешь... Завтра она может выпасть. Кто из нас первый уйдёт, уже и неважно...

– На опережение будем ставить, Ваше Величество?

– Обсудим... Обсудим, – король взял Чарлиза под руку, жестом отпустив пажа, помогающего идти слепому Хранителю. Чарлиз незряче повернул в его сторону голову, и из глаз его в который раз за сегодня побежали слёзы.

– Ну-ка, – шикнул на него Эдмунд, – утрись.

* * *

– Через неделю-другую пойдёт снег, – Генерал Большого Шлема нервно крутил в руках куриную костяшку, – на юге, конечно, попозже, но разница невелика! Вы предлагаете начать военные действия накануне зимы. Фураж, коммуника-

ции, трудности похода... Это же зима! Одно дело обороняться. Даже в осаде можно зиму переждать! Кладовые полны провизии, после сбора урожая. Запасы... Конница в обороне не нужна, лошадей можно извести. Но наступать зимой!

– Грегор, ты абсолютно прав, – король, чьи густые волосы стали почти совсем седыми, хотя ему не стукнуло даже пятидесяти, наклонился вперёд, вперив взгляд в Генерала.

– Так же рассуждают все генералы. Ну кто в здравом уме зимой начинает войну? Значит, не ждут!

– Ждать они, может, и не ждут, но запрутся по крепостям и замкам при нашем появлении. И не выкурим их оттуда.

– А если стремительно?

– Эсбор – большое королевство, Ваше Величество! И рек там как у нас камней. И все поперёк, – Генерал куриной костяшкой провёл по тарелке несколько раз, изображая реки Эсбора, – форсировать их с марша невозможно. Глубина! – он показал рукой выше головы, – От брода к броду терять внезапность. Через мосты – один-другой пройдем, на третьем уже будут ждать. А оборонять мост можно и парой сотен крестьян. Или ещё лучше – сжечь.

– А если рассредоточиться? – Веко Ока задумчиво крутил бокал с вином, – Малыми группами, кто в брод, кто через мосты?

– Я так ходил в Эстер, – Генерал поёжился, – Треть заблудилась, треть разогнали кавалерией, остальных пока собрал, эстерцы все уже за стенами сидели и ржали над нами.

– Да-да, – король схватился за лоб, – помню... До весны ждать нельзя. Время уходит. Лазутчики, – Эдмунд кивнул на Хранителя, – доносят, что увеличивают гарнизоны, запасают продовольствие в фортах, подвозят целыми обозами стрелы и копыя. Зачем, как думаешь? А? А я скажу! К весне готовятся! И весной нам придётся сидеть по крепостям. А после зимы кладовые только мышами полны. Думайте.

– Переговоры, – тихо сказал Хранитель.

– Какие ещё переговоры? – Веко Ока в изумлении устался на старика Чарлиза.

– Дружеский визит для обсуждения текущих вопросов, – Хранитель неопределённо помахал в воздухе белоснежной салфеткой. – Мир!

– Не предлагаете ли вы, уважаемый, сдаваться? – Генерал, хохоча ткнул пальцем в колышающуюся салфетку.

– Отнюдь. Я предлагаю королю нанести визит к соседу. Поболтать о том о сём. Взять с собой сотню гвардейцев для личной охраны. Беспрепятственно достигнуть замка. С почестями, подобающими его положению, пройти через парадный вход. Провести вечер за ужином с соседом. Обсудить возможный союз.

– Союз?! – Эдмунд даже подпрыгнул на стуле.

– Да, хоть союз, хоть брак Льенара с дочерью Виктора, хоть погоду... Это неважно, вы всё равно не договоритесь, – отмахнулся Чарлиз. – Повздорите. Перчатку в морду. Дуэль на столе. Виктор повержен. Ура!

– Бред какой-то... – Генерал в раздражении отвернулся от Хранителя.

– Такой же, как начинать войну зимой, – Хранитель нащупал бокал и отхлебнул, – Продолжу. С сотней отборных гвардейцев король Эдмунд запирается в замке покойного короля Виктора. Тем временем по ставшему на реках льду наша кавалерия под предводительством принца Льенара спешит на выручку осаждённому в чужом замке отцу, не отвлекаясь на стычки с врагом. Если от границы походной рысью – это сутки. Генерал Большого Шлема, – Хранитель поднял в приветствии бокал в сторону Грегора, – следом ведёт пехоту, не задерживаясь у форпостов и крепостей, обтекая их, как вода камни, и вступает в бой только в полях. Поджидающей за островом Хус флот внезапно врывается в незамерзающую бухту Рейма, как только Виктор отправится к протцам, и высаживает десант из головорезов Глотчера. Столица наша. Льенар разгоняет успевших собраться под стенами замка, снимая осаду. Замок взят. Король Виктор мёртв. Да здравствует король Фортресса и Эсбора – Эдмунд!

– М-да... – протянул король, откинувшись на спинку стула, – Недаром на твоём гербе змея, Чарлиз. Это коварно. Чертовски коварно!

– Змея, Ваше Величество, символ мудрости, – Хранитель постучал пальцами по лбу.

– Какое коварство?! Какая мудрость?! – взвился Генерал, – Это самоубийство! С сотней захватывать замок. Нет,

я допускаю такую возможность. Возможно! Если хозяева перепьют, если удастся пронести оружие. Если все сохранить в тайне...

– Вот! – Веко хлопнул ладонью по столу, – А я думаю, в чём слабость этого плана. Так красиво Хранитель пел. Чарлиз! Твои лазутчики заметили приготовления на границе, значит, и эсборские заметят. И тогда всё пропало. Эдмунда пропустят в замок и... Ага!

– Не будет никаких приготовлений к войне. Да, – король рассмеялся, – и войны не будет. Будут приготовления к визиту. Обмен письмами. Условности. Будем оговаривать свиту, цвет лошадей и камзолов. Тула-сюда будут сновать гонцы. Дотянем до льда. Никто знать ничего не будет, кроме нас четверых. А вот это всё, что рассказал Хранитель, займёт от силы пару недель.

– А как руководить такой атакой? – Генерал развёл руками, – Тут кавалерия скачет, тут корабли стоят за Хусом, тут пехота марширует... Я что, один всем командовать буду?! Поделим меня? Тут голова Генерала скачет, на кораблях нога командует? Или старик Чарлиз сядет на коня? Вы то, Ваше Величество, будете в это время в осаде сидеть... Про тебя я вообще молчу, – отмахнулся он от Века.

– Напрасно. У меня есть люди, которым можно поручить кое-что... Как Вы, Ваше Величество, посмотрите на то, чтобы использовать братьев-монахов для передачи приказов?

– Поясни, – король взъерошил седые волосы.

– Четырём старшим братьям можно доверить любое дело. Вы знаете, они не подведут, даже если с них будут сдирать кожу. Они преданы мне фанатично. Если я прикажу им умереть, они перестанут дышать и умрут. Перегрызут себе язык и истекут кровью. Мы посвятим каждого из них в часть плана. Одного – на корабли, и приказываем Адмиралу подчиняться ему. В нужный момент он передаст ваше распоряжение идти к Хусу. Когда наступит время десанта, он передаст Ваш приказ...

– И так по всем фронтам... – король задумался.

– Так никто, кроме нас четверых, не будет знать о плане.

– Погодите-погодите, – поднял руки Генерал, – Ещё вопросы! Кто сказал, что сто гвардейцев пропустят в замок? Кто сказал, что им оставят оружие? Они там не идиоты, и...

Внезапно раздался удар о столешницу со стороны Хранителя. Все резко обернулись к нему. Чарлиз сжимал рукоятку засапожного ножа, который только что вонзил в стол.

– Мы сдадим оружие. Это будет скорее всего оговорено в протоколе. И мы согласимся. Но оклс не оружие. Все на острове носят их. Это уже давно часть туалета, – Чарлиз пальцем дёрнул за простую деревянную ручку ножа, и он затрепетал, издавая вибрирующий звук.

– Предлагаешь перерезать их, как кур? – Эдмунд в ужасе смотрел на старого друга.

– Монахи в последний момент обойдут гвардейцев и дадут каждому распоряжение резать вооружённых, забирая

оружие. По условному сигналу... Ну, скажем тост «за процветание роз». Да... Вот это уже коварно! У меня даже волосы на спине встали, – Чарлиз захохотал.

– Начиная договариваться с Хранителем Эсбора о встрече. – уверенно сказал Эдмунд, – Ищи подходящий повод и начинай переписку. А вы двое разработайте тщательный план действий. Никого больше не привлекать. Следующий совет через неделю, доложите, как всё продвигается. К моменту, как реки закроются, мы должны быть готовы. Придумайте повод для выхода кораблей в море. Сотню гвардейцев я отберу сам.

Глава V

Гвардейцы выстроились во дворе замка для торжественного выезда. На каждом из них, поверх кольчуг, голубой с белым сюрко и подбитая волчьим мехом накидка. На гнедых лошадях – яркие парадные попоны тех же гербовых бело-голубых цветов. Знамёна и прапоры в руках каждого пятого гвардейца ухали и щёлкали от порывов холодного зимнего ветра.

Король Эдмунд в шлеме, украшенном позолоченной короной, вышел из дверей замка в сопровождении принца Лье-нара и Генерала Грегора.

– Да здравствует король Эдмунд! – прокричал на весь двор Генерал.

– Арах! Арах! Арах! – раздался громогласный приветственный клич гвардейцев. Они трясли над головами копьями и развевающимися на ветру стягами.

– На две недели Фортресс твой, мальчик мой, – Эдмунд похлопал сына по плечу и, не удержавшись, притянул его в объятия, – слушайся брата Гарри, как меня. Всё, что он скажет – мои слова, – прошептал он принцу на ухо.

Отстранив сына, король стремительно подошёл к коню и ловко заскочил в седло.

– Поднять ворота! – прокричал капитан стражи.

Решётка ворот со скрежетом и позвякиванием цепей по-

ползла вверх, и кавалькада двинулась через них, нагибая в поклоне знамёна.

В это же самое время, борясь с волнами и склоняясь под порывами ветра со снежной крупой, из бухты Глотчера вышли двенадцать кораблей. Предлог для похода искать не пришлось – на Северных Берегах началось восстание креаков, и король Торсван попросил помощи у Фортресса, в чём, конечно, ему отказано не было. Вот только об истинном маршруте знал лишь один человек на всех двенадцати кораблях. Монах Лиам, одетый как простой горожанин, стоял сейчас рядом с Адмиралом на шканцах лидера. А в трюмах боролись с приступами морской болезни пятьсот наёмных головорезов, которым, в общем-то, было всё равно, куда их везут, лишь бы оплата была вовремя.

– Всё это необычно, Лиам! Я знаю путь до Северных Берегов, – усмехнулся Адмирал, – Не понимаю, для чего вас ко мне приставили и велели подчиняться беспрекословно. Может, поделитесь?

– Мне, поверьте, неприятны слова «приставили», «подчиняться», «беспрекословно»... Давайте так: я – голос короля. И подчиняться вы будете королю. Единственное, чем могу поделиться с вами – это то, что в определённый момент я передам вам его приказ. До тех пор, – брат Лиам развёл руками, – Увы! Ничего не могу сказать.

– Ох уж мне эти загадки! – Адмирал поёжился под пла-

щом, – Пойдём ко мне в каюту. Наш славный король никогда не отказывался от бутылочки форгийского. Думаю, его голос тоже не прочь, судя по красному носу.

Как только король выехал за крепостные ворота столицы, генерал Грегор забрался в седло, приложил озябшие руки к губам и поклонился в сторону кафедрального собора. Пришпорив коня, он рысью направился в сторону Риокских гор, где его ожидала мёрзнувшая пехота.

– Не нравится мне всё это! Ой, не нравится, – бормотал Грегор, пряча лицо в воротник накидки, – Помяните моё слово... Надерут нам задницы! Если не перемерзнем раньше...

Через две ночёвки, на третье утро, королевская кавалькада походной колонной подходила к «мосту вдов» через реку Ло, разделяющую два королевства. На другом берегу их ожидал отряд под командованием Генерала Эсбора. Бело-голубые флаги Фортресса встретились с чёрно-жёлтыми эсборскими. Спешившись, Генерал подошёл к королевскому коню и взял узду.

– Король Эсбора Виктор Прозорливый приветствует своего брата Эдмунда Вильгельмонта на своих землях!

Эдмунд слегка склонил голову, принимая приветствие. Генерал провёл королевского коня под уздцы мимо приветствующих его рыцарей Виктора.

– Арах! Арах! Арах! – кричали они, однако в лицах их не было приветливости.

За Эдмундом по одному следовали его гвардейцы, и когда они равнялись с одним из рыцарей Эсбора, тот пристраивался к ним в пару. К концу церемонии встречи король с генералом по левую руку возглавили двойную колонну, где бок о бок ехали рыцари двух королевств. Замыкали процессию обозы с поклажей и провиантом. На козлах телег тряслись переодетые монахи.

Ночью море утихло, и утром, хоть и было морозно, солнце светило, как летом. Лиам поднялся к румпелю, где с рассвета стоял Адмирал, вглядываясь в горизонт.

– Адмирал! – позвал Лиам, – Мне нужно вам кое-что сказать.

Адмирал недовольно взглянул на него:

– Нам нужно уединиться? Или вы хотите рассказать мне о странствиях Говера? Тогда валяйте, мы все послушаем, – рулевые и боцман загоготали.

– Идёмте, – Лиам развернулся и пошёл в каюту Адмирала.

– Ну, началось, – пробурчал Адмирал, однако поплёлся вслед за монахом.

За закрытыми дверями каюты Лиам передал приказ короля – «следовать к острову Хус, укрыться за восточным берегом, ожидать дальнейших указаний».

– И что это значит? – хмурился Адмирал. – Война, я по-

лагаю?

– Могу сказать лишь то, что для вас у меня остался всего один приказ короля, который я передам в назначенное время. Есть ещё один, но он для капитана наёмников. Вот так.

– Ну, что ж, – Адмирал хлопнул себя по коленям и встал со стула. – Приказы короля не обсуждаются, не так ли? Подождите меня тут. Я дам распоряжение рулевым и вернусь. У меня ещё осталось форгийское, – и он подмигнул Лиаму.

Глава VI

– Ваше Высочество! – брат Гарри догнал принца Льенара в галерее ведущей в конюшни.

Услышав голос монаха, Льенар остановился в недоумении. Брат Гарри был взволнован, и это насторожило принца.

– Что случилось?

– У меня для вас приказ короля. Я должен передать его сейчас и ни минутой позже. Но нам нужно укромное место.

– Со мной только Морис, – недоумевал принц, – Ты же знаешь, у меня нет от него секретов.

Монах поклонился и продолжил:

– Вы правы, Ваше Высочество, тем более что через час это уже нельзя будет скрыть. Ваш отец, Его Величество король Фортресса Эдмунд Вильгемонт, приказывает: «Сын мой, бери всю конницу и в полном вооружении отправляйся в Глотчер. В Глотчере ты должен быть к завтрашнему закату, не позже. Завтра вечером ты получишь новый приказ от брата Гарри».

– Завтра к закату? Пока мы соберём конницу, пока до Глотчера... Нам придётся идти рысью всю дорогу... Морис, что происходит?

Морис выглядел не менее растерянным, чем сам принц.

– Я спрошу у отца... Я не в курсе.

– Не стоит терять время, – монах жестом остановил Мо-

риса, – Хранитель ничего не скажет вам. Быстрее в дорогу. Пусть конница берёт подменных лошадей. На полпути, в Кавриане, вас ожидает трёхчасовой привал, смена лошадей и короткий сон. Торопитесь. Всё нужно делать быстро и по возможности скрытно.

* * *

Торжественная процессия наконец добралась до городских ворот столицы Эсбора – прибрежного города Рейма. Вдоль городских улиц толпились горожане, высыпавшие из домов поглазеть на короля Фортресса. Последний дружеский визит совершал дед Эдмунда. С тех пор эти два королевства постоянно враждовали, и войны между ними вспыхивали постоянно, изматывая и казну, и народ обоих королевств. Вековая вражда отражалась напряжённостью и недоверчивостью на лицах как простых людей, так и стражников, оцепивших улицы на пути следования Эдмунда. Не было ни приветственных криков, ни улыбок на лицах. Лишь конский топот, отражаясь от стен домов, нарушал повисшую тишину, в которой процессия добралась до ворот замка. Флаги обоих государств украшали башенки над въездом, трепеща в холодном ветре, дующем со стороны бухты.

Двенадцать кораблей без флагов бросили якоря у восточного берега острова Хус.

Четыреста всадников под предводительством наследного принца въехали в город Глотчер. Две тысячи пехотинцев без знамён шли маршем от Глотчера, и к закату они должны были пройти «Мост вдов». Во главе колонн на вороном коне, кутаясь в меха, ехал генерал Большого Шлема.

В замке города Рейм начинался пир по случаю визита короля соседнего государства. Пирующих разводили по их местам за столами согласно протоколу. Виночерпии уже вносили в зал бутылки с крепкими винами. Кухонные мальчишки по двое несли целые запечённые тушки поросят на дубовых досках, медные подносы с разнообразной птицей, рыбу и овощи в корзинах. Проносить мечи в трапезный зал было разрешено только королям, остальные были обязаны явиться безоружными, за чем следили капитан дворцовой стражи и двое стражников, стоявших у входа. Засапожные ножи у гостей не изымались...

Зал, в котором должен был состояться пир, был огромным. Двенадцать колонн в три ряда подпирали высокий потолок наподобие корабельных мачт. По всему периметру зала шёл балкон, на котором расположились музыканты с причудливыми инструментами. Не меньше сотни фа-

келов и несчётное количество свечей освещали расставленные по всему залу столы. Напротив входа находилось каменное возвышение, на которое вели семь ступеней. Там расположили стол для королей и приближённых особ. Стол был устлан сшитой по случаю скатертью из чередующихся голубых, белых, чёрных и жёлтых полос. Над столом водрузили два щита с гербами Фортресса и Эсбора: червлёный вздыбленный лев в рассечённом на лазурь и серебро щите и бегущий чёрный волк в золотом поле.

Зал наполнялся бородатыми гостями из Фортресса и местными гладковыбритыми светловолосыми мужчинами. Гул голосов нарастал. То здесь, то там слышался смех. Музыканты на балконе настраивали инструменты, устраивая полную какофонию.

Подчиняясь приказу короля, переданному через брата Лиама, двенадцать кораблей подняли якоря и вошли в длинный пролив ведущий в бухту Рейма. Огней на кораблях не зажгли. В это время пехота Фортресса перешла «Мост вдов» и двинулась на столицу Эсбора. А принц Льенар повёл кавалерию просёлочными дорогами, срезая путь через льды Эсборских рек.

Два гонца с дозорной башни у «Моста Вдов» поскакали в Рейм с донесением, что войска Фортресса пересекли границу. Никто им не препятствовал.

Пир шёл своим чередом. Вино текло рекой. Столы ломились от кулинарных изысков. Одним лишь видом можно

было утолить голод и получить эстетическое наслаждение от разнообразия и великолепия оформления блюд. В трапезном зале стоял запах, противостоять которому было невозможно. Аромат вынуждал гостей постоянно что-то есть. Здесь были и запечённые языки фламинго, и верблюжьи пятки в лавандовом соусе, и маринованное в медовом вине мясо домашней свиньи, откормленной сушёными фидами. На длинных блюдах из ржаного хлеба вытянулись молюски мурен; в узких высоких, расписанных причудливыми узорами чашах – павлиньи мозги, украшенные гребнями петухов; пышные, румяные пироги с разнообразными начинками; жареные карликовые куры и цапли, гусиные шеи с миндалём. Слово живые, возвышались на подносах дрофы, фаршированные кашей из пшена, молока и мёда, дрозды, чибисы, прочая дичь и многое, многое другое.

Музыканты с балконов проливали на пирующих то заводные, то печальные мелодии. Эсборцы славились своей музыкальностью, и сегодня они ещё раз доказывали, что это не пустые слова, услаждая слух публики балладами. А возбуждённые игривыми композициями слушатели едва сдерживали себя, чтобы не броситься в пляс.

Вино выплёскивалось из до краёв наполненных кубков, когда звучали тосты за здоровье монархов. Пили, не выпуская из рук чаш, за процветание королевств, за королевские династии, соблюдались и другие формальности. Однако за дружбу и мир никто чаши не поднимал. Переговоры бы-

ли запланированы на следующий день. Только Эдмунд и два монаха знали, что никаких переговоров не будет. Всё закончится в ближайший час. Эдмунд первым поднялся с кубком в руках, чтобы произнести тост. Музыка осеклась и умолкла. Тут же все присутствующие повернулись к монаршему столу, и, увидев, что Эдмунд поднялся для речи, задвигали стульями и скамьями, пытаясь встать на ноги, некоторые уже делали это с трудом.

Эдмунд дождался полной тишины и начал. Он говорил медленно, но чётко и уверенно:

– Когда вчера утром мы пересекали реку по «Мосту вдов», я вспомнил, почему он так называется. – Эдмунд поднял вверх указательный палец, блеснув камнем на золотом массивном перстне. Это был сигнал для монахов. Они начали обходить гвардейцев, шёпотом призывая готовиться к резне, как только король закончит свою речь.

– Тогда, почти сто лет назад, – продолжал Эдмунд, – война затронула оба берега Ло, и фортресские и эсборские женщины устроили на этом мосту обмен. – Эдмунд опустил глаза и замолчал на несколько секунд. Гробовая тишина повисла в зале. – Это был страшный обмен! – снова заговорил он, – Обмен телами мужей и сыновей. Их меняли один к одному. За одно тело с южного берега давали одно тело с северного... Да, так страшно закончилась та битва между нашими народами, можно сказать, она закончилась торговлей телами наших дедов. Но это не всё! Страшно ещё и то, что тогда в Фор-

трессе остались тела эсборских воинов... Не хватило покойников. И теперь я хочу поднять этот кубок за торговлю. Чтобы «Мост вдов» сменил имя, пусть хоть на «Мост менял». Пусть этот мост объединит два наши королевства. Не может вражда длиться вечно. Мы должны положить конец...

– Прекрасный тост, Эдмунд! – прервал речь короля Виктор. – Я только хотел уточнить насчёт вот этого «объединения»... – Улыбаясь, он тоже поднял вверх указательный палец.

И тут же с балкона послышался звон, перемежающийся со стуком – музыканты побросали свои инструменты, извлекли из-под одежд луки и, молниеносно приведя их в боевое состояние, выпустили несколько стрел в Эдмунда, но ни одна из них не достигла цели: короля прикрыл своим телом стоявший по левую руку от него капитан гвардии. Гвардейцы Фортресса, даже те, кого не успели предупредить монахи, достали оклсы и началась резня за столами. Когда, обнажив меч, Эдмунд высвободился из-под тела своего погибшего защитника, Виктор уже пропал из вида. Король Эсбора скрылся. Вдруг резкая боль пронзила грудь Эдмунда. Опустив голову, он увидел стрелу, которая насквозь пробила медальон Элеоноры, висевший у него на груди.

* * *

– Они думают, это прогулочка на лодочке! Чего там слож-

ного?! – передразнивая кого-то, ворчал Адмирал. Он давно, отпихнув рулевых, сам схватился за румпель. – Лот! – утрашающе шипел он кому-то невидимому на форштевне корабля.

– Двенадцать – шипели в ответ из темноты, – Песок и ил.

– Ночью! Без лоцмана! Да раз плюнуть! Лот!

– Одиннадцать! Песок и ил.

Лиам пристроился недалеко от румпеля на бочке. Он спокойно поглядывал вперёд, реагируя улыбкой на ворчание Адмирала. Наконец не выдержал:

– Адмирал!

Тот не ответил.

– Роберт! – снова позвал адмирала Лиам.

– Чёрт подери! Лиам! Что?! – раздражённо ответил Адмирал.

– Во-первых, не поминай при мне нечистого!

– Лот!

– Девять! – ответили из темноты, – Песок!

– А, во-вторых, не могу вспомнить, говорил я тебе или нет, что родом отсюда?

– Нет, Лиам, – Адмирал отклонил курс влево, подальше от появившейся из ночи скалы, – Ты говорил, что родом из задницы мира!

– Вот как... – Лиам ухмыльнулся, – Неважно. Роберт, я тут родился и вырос. Я рыбачил в этом заливе. Да-а. – мечтательно протянул монах, – Лет до двадцати где-то.

– Лот! Да что ты говоришь?

– Семь! Песок!

– Я знаю фарватер, Роб. – Лиам зевнул, – Тебе помочь?

– Лиам! Ты сукин сын, твою мать! Я, по-твоему, зря поил тебя всю дорогу? – рассмеялся Адмирал, – Иди отрабатывай!

– Не... – Лиам плотнее завернулся в плащ, – Пока ты и сам справляешься. Но скоро приготовься брать круто влево. Там банка прямо по ходу, надо обогнуть. И задних как-то предупредить.

* * *

Монахи подхватили на руки упавшего Эдмунда и волоком затащили за стулья. Два гвардейца, сорвав со стен щиты с гербами двух королевств, прикрыли ими короля. Резня в пиршественном зале продолжалась. Фортрессцы однозначно держали верх. Бой постепенно охватывал всю трапезную, и на балконах окровавленные сытые тела падали без чувств, сотрясая верхний ярус. Некоторые, круша балюстраду балкона, с безумным криком падали вниз, на накрытые столы, и здесь уже, среди копчёных козых ног и трюфелей, испускали дух. Положив на лестницах с полдюжины воинов, фортрессцы всё же добрались до лучников. Почувствовав необратимость ближнего боя, лучники побросали луки и тоже достали оклсы. Но нет на острове Пэй лучших поножовщиков, чем фортрессцы. Исход резни был предрешён. В две-

ри, закрытые изнутри на засов, ломилась стража, а по залу, поскользываясь в лужах крови и на извергнутых из желудков полупереваренных массах, бродили гвардейцы Эдмунда. Спотыкаясь об опрокинутые стулья и яростно пиная их, они выискивали раненых соплеменников и по ходу добивали корчившихся раненых эсборцев. Не жалея никого, фортрессцы, кроша каблуками черепки посуды, вышагивали по залу.

– Где Виктор?! – хрипел Эдмунд, – Где этот подлец?!

Монахи переглядывались, но ответить им было нечего. Никто не видел, куда делся Виктор. Король Эсбора словно испарился.

– Капитан! – призывал Эдмунд, – Где капитан?!

– Капитан погиб, Ваше Величество! – проблеял один из монахов, – Защищая Вас, он принял смерть от стрел...

– Где десятники? Десятников ко мне!

– Ваше Величество! Ваше... Вам нельзя говорить! – монах в ужасе рассматривал стрелу, которая торчала из груди короля, пригвоздив к телу медальон. – Берегите силы.

– К чёрту! – Эдмунд бешено вращал глазами. – Корабли... Роберт... Высадили?! В бухте корабли?! Они должны взять... Если их ждут? Знал Виктор про корабли?! Знал? Могут! Могут ждать... Плохо... Льенар спешит! К закату завтра будет. Будет к закату. Льена-а-а-р! – протянул король и потерял сознание.

На палубах кораблей стояли вооружённые двуручными мечами и устрашающими секирами головорезы Глотчера, готовые ринуться на пирсы, чтобы резать всех, кто встретится на пути. Свет от порта Рейма уже отражался в белках их глаз. Играл отблесками на стали их оружия. Устрашающее горловое пение сначала тихо, но всё нарастая раскатывалось над бухтой, вырываясь с паром из утроб безжалостных наёмников. Их предводитель в накинутой на плечи шкуре медведя стоял на носу головного корабля, держа в руке древко с обвивающей его фигурой змея, глаза которого тускло мерцали зелёным светом.

– Жуткие ребята, – Лиам косился на змея.

– Хотя червячок симпатичный, – прошептал, подмигнув, Адмирал. – Я вот что думаю, Лиам... А не прогуляться ли и нам до замка?

Брат Лиам удивлённо уставился на Адмирала Роберта.

– У них, – Роберт кивнул на головорезов, – какой приказ? Брать город? А король в замке... В осаде... Получается, червячки наши будут брать в осаду осаждающих. Я так понимаю, потом все дружно будут чего-то ждать. Неважно, чего. Для меня приказов нет?

– Нет...

– Ну, вот... Раз приказов нет... Давай я своих водопла-

вающих возьму, по пять с корабля, и прогуляемся до замка. Поглядим, что к чему. Может, внутрь позовут... Очень не люблю, когда без меня за стол садятся. У них же там пир? А нас не позвали... А ты дорогу покажешь... Только такую, знаешь, тихими улочками... Чтоб с хулиганами не столкнуться. Я, знаешь, хулиганов жутко боюсь. – Роберт наигранно сжался под плащом, – Ты же местный! Покажешь ещё раз фарватер?

Корабль заскрежетал бортом по обледеневшим доскам пирса, и ещё на ходу с него повалили головорезы.

– В самом деле, – Лиам скорчил обиженную физиономию, – сидят там без нас... Найдётся для меня сабелька абордажная? А то я свою уж лет двадцать как утопил!

– Обижает, брат! Свою дам! Эй, макрели протухшие! – крикнул он матросам, – По пять добровольцев с корабля за мной!

* * *

Обжигающий холодный ветер пробирался под накидки, доспехи и поддоспешники всадников Фортресса, рысью мчащихся через звёздную ночь. Звон брони, конский храп и топот копыт будили спящие степи Эсбора. Впереди на белоснежном, как освещающая путь луна, жеребце скакал наследный принц Фортресса Льенар бок о бок со своим верным товарищем Морисом. Последний приказ, который они

получили в Глотчере от брата Генри, гласил: «К закату следующего дня быть в Рейме. В бой не вступать, избегать мостов, идти кратчайшем путём через льды. Слушать брата Генри как меня самого».

Льенар не знал, что и думать. «Что произошло? Отец отправился на мирные переговоры и тут же вслед за собой отправил конницу». Переправляясь через льды Терби, Морис заметил и обратил его внимание на вереницу факелов, переходящих мост в двух-трёх милях западнее.

– Пехота! – только и сказал брат Генри, нагнав их.

«Неужели отец развязал новую войну? Почему сам при этом отправился в замок к врагу?». Льенар на скаку обернулся на Генри и наткнулся на холодный, как сама зима, взгляд монаха, облачённого в тяжёлые воинские доспехи. «Почему монах знает больше, чем я?».

– Это медальон покойной королевы Элеоноры. Она подарила его в день их первой встречи, – монах покачал головой, – Чудо, конечно... Если бы не медальон, стрела бы пронзила сердце. А так, не знаю даже... Может и достала всё же... Дышит, конечно. Но... Если сумку пробила...

– Какую, на хрен, сумку? – десятник, нависший над монахами, недоверчиво прищурился.

Монах вздохнул, прикрыл глаза на секунду и, обратив взор куда-то к потолку, спросил:

– Сын, мой! Ты никогда поросят не разделявал?

– Нет, ну почему, – шмыгнул носом десятник, – разделывал...

– Значит, видел поросячье сердце?

– И что?

– Ну, если видел, то мог заметить, что сердце как бы в плёнке. Вот это и есть сумка.

– Так то у поросят! – возмутился десятник, – Ты что ж короля с поросёнком равняешь?! Вот кретин!

Десятник развернулся на каблуках и зашагал к окнам. У окон стояли вооружённые трофейными луками гвардейцы, поглядывая на примыкающие улицы.

– Стрел сколько собрали? – зычно крикнул десятник, – Сотня есть?

– Две! Две сотни! – ответил один из лучников.

– Немного всё равно! Попусту не пускать. Только наверняка. Его Величество говорил о кораблях, о десанте, о подходе Льенара к закату. Это здорово, конечно... Но как знать, может, бредил?

Десятник прошёл к дверям, у которых возводились баррикады из столов и скамей.

– Ножки связывайте! – бросил он на ходу и пробормотал под нос: «Если подожгут, уже неважно...». – Ноэль! – позвал он, – Не нашли?

– Ни черта! – долговязый рыжий бородач вынырнул откуда-то из-под портьеры, – Нет... Но тут где-то у стола должен быть! Никто не видел! Представляешь? Ну как никто

не видел, как целый король сбежал?! Да если б он в подпол провалился даже, кто-нибудь да увидел бы. Не мог он через весь зал куда-то рвануть! Здесь! Тут у стола где-то ход. Или под... – и Ноэль, упав на колени, полез под стол.

– Ищи, Ноэль! Ищи, чёрт тебя дери! Если он через него ушёл, он и вернуться через него может. – десятник уселся на стол, – И не один...

– Вилли! – позвал один из дежуривших у окон десятника и поманил его рукой.

– Что? – Десятник соскочил со стола как ошпаренный и рванул к окну.

– Слышишь? – лучник указал рукой куда-то за крыши в направлении бухты, – Там!

– Вроде крики?... Да там бой!

Первое сопротивление головорезы из Глотчера встретили уже на выходе из порта в город. Отряд из сорока пикинёров городской стражи перегородил улицу в три ряда, выставив вперёд пики. Такой строй скорее всего остановил бы отряд лёгкой кавалерии, или тяжёлых, закованных в броню, неповоротливых мечников. Крестьян бы он напугал одним видом ошестинившихся пик и мощных мрачных доспехов с угрожающими изображениями клыкастых тварей. Но только не безумных наёмников Глотчера. Они смели пикинёров одним махом, ни на минуту не задумываясь. Вперёд выскочили здоровяки с двуручными мечами. Они рубили всё, что попадало под лезвие их оружия: выставленные

пики разлетались в щепки, как тростник; вылетали из рук стражников искорёженные щиты; шлемы слетали с голов, а вслед за ними и сами источающие кровь головы с застывшим ужасом на лице. Не останавливаясь, головорезы провалились сквозь ряды обезоруженных искалеченных пикинёров, втапывая в кроваво-снежное месиво обезглавленные тела. За ними двигались воины с секирами и топорами. Добив подчистую весь отряд стражников, они закончили дело.

– Пока эти мясники делают заготовки, мы, ребята, пройдемся, по задним дворам! – сказал адмирал Роберт, поправив перевязь абордажной сабли, которая так и норвила сползти куда-то за спину. – Веди нас, брат Лиам!

Перепрыгивая через изуродованные трупы пикинёров, отряд из полсотни моряков устремился в город, но тут же свернул, ведомый монахом, куда-то в узкий проулок.

– Генерал! Генерал Грегор! – остервенело хлеща коня, крикнул один из капитанов Грегора, пытавшийся его догнать.

– Тише, капитан. Коня пожалей! – спокойно ответил генерал, приостановившись.

– Ваша Милость! Дозор вернулся!

Грегор совсем остановил коня:

– Ну, что? Не тяни!

– Докладывают, что следующий мост, тот, что на реке Фрин, забаррикадирован. Разглядели около тридцати пала-

ток. Крупных. Знаете, на десяток... которые у эсборцев. Костров семнадцать насчитали. Выходит, двести-триста бойцов. Точно видели двадцать лошадей под попонами, обозов нет. Думаю, гарнизон из крепости Гальбера подошёл.

Грегор спешился и, бросив поводья, пошёл в сторону придорожного кустарника. Капитан тоже спрыгнул с коня и поспешил за ним.

– Генерал...

– Да, погоди ты, капитан! – отмахнулся Грегор, – по нужде я.

Капитан закрутился на месте, подхватил поводья обеих лошадей и отвернулся к дороге. Через минуту Генерал забрал у него свою лошадь и повёл её под уздцы.

– Значит, вот что ты сделаешь, капитан. Слушай! Берёшь свой отряд. Сколько у тебя? Сотня? – капитан кивнул, – И встаёшь напротив их лагеря. Из обоза возьмёте палатки. Ну, сколько? Возьмите, сколько унесёте. Хоть каждому по палатке. К рассвету чтоб все стояли. Задача твоя простая. Создаёшь видимость, что у тебя там целая армия. Костров побольше. Пусть бойцы снуют туда-сюда. Возьми мой штандарт. Свои все разверни. Ещё из обоза возьми сигнальных. Развесь. Они все равно не поймут. Всё!

– А если полезут?

– Ну... Полезут! Во-первых, вряд ли. А во-вторых... – генерал на секунду задумался, он прищурился и повторил, – Ну, вряд ли... Вряд ли. А вообще, капитан, смотри по обстоя-

новке. Понимаешь, главное связать их передвижения. Пусть думают, что перед ними целая армия.

– Ясно! – капитан вскочил в седло и умчался в арьергард колонны к своему отряду.

Генерал Грегор, оглянувшись и не увидев подле себя посыльных, гаркнул:

– Какого чёрта! Посыльный!

Тут же рядом с ним появились трое молодых парней без доспехов на поджарых, быстроногих жеребцах.

– Один в авангард! Принять с дороги вправо! Строго на запад! Пошёл! – выпалил генерал.

Посыльный, поднимая фонтаны снега, рванул в голову колонны, передавать приказ.

– Один в обоз! – продолжал раздавать команды Грегор, – Капитану Беррону выдать всё, что потребует!

Второй посыльный, круто повернув коня, поскакал в хвост колонны.

– Ты с Берроном! Пошёл!

* * *

Гвардейцы толпились у окон, выглядывая из-за плеч друг друга, сияясь разглядеть что-нибудь на улицах Рейма.

– Значит, не бред... – Вилли игриво взъерошил волосы Ноэлю, – Слышишь? Бой идёт! Десант высадили в бухте! Что делать будем? Здесь сидеть или навстречу идти?

– Здесь оставаться, – вмешался монах, – Наша задача – держать замок.

– Отче! Мы тут не замок держим! Мы заперты в зале. Замок держат эсборцы.

– Бой на улицах отвлечёт их. Им придётся на стены встать, чтоб десант не ворвался. И тогда мы выйдем и захватим замок изнутри.

– Угу. Мило. Вот этим! – Вилли показал оклс в запёкшейся крови.

– Тем более! Куда ты навстречу собрался? – Ноэль криво ухмыльнулся. – Сиди уж! Жди, пока вытащат.

– Чёрт!

– Вилли! – позвал дежуривший у дверей гвардеец, – Кажется, началось! Чуешь?!

Вилли принюхался.

– Жгут дверь? – десятник направился к дверям.

– Вряд ли. Запах не из-за двери.

– Здесь! – закричал кто-то из угла зала, – Здесь! Смотрите, дым!

Из щелей между плитами пола сочились тонкие голубоватые струйки дыма.

– Твою же мать! Вот твари! – Вилли в сердцах с грохотом прибил струи дыма кулаком к полу, – Снизу жгут! Выкуривают! Скоро запрыгаем на этом полу, как пескари на жаровне!

– Раньше задохнёмся, – Ноэль оторвал кусок полосатой

скатерти с монаршего стола, вылил на него полбутыли вина, слегка выжал ткань и намотал на лицо. – Делай как я! Ход надо искать! Виктор как-то ведь сбежал!

Вилли подошёл к монахам, уложившим бесчувственное тело короля на стол:

– Ну, и втянул ты нас, Ваше Величество! Эй, Ваше Величество! Втянул ты нас, говорю! – он посмотрел на стрелу, торчащую из груди короля, и обратился к монахам, – Может, достать? Я могу... Или давайте обломаем хоть? Нет? Чего она торчит-то?

– Опасно, Вилли. Тронешь и можешь убить! – монах сокрушённо покачал головой.

– Не будет же он со стрелой ходить? Тут или туда, – и он показал пальцем на небо, – или сюда. Тряпку на лицо положите. Сейчас тут дышать нечем будет. Эй! Ваше Величество! – он осторожно потряс короля за плечо, – Эй! Ну, понятно...

* * *

Пыхтя и сопя, пуская из ртов и носов клубы пара, моряки пробирались по мрачным закоулкам и дворам к замку, оставляя широкие улицы и площади в стороне. опережая отряд футов на пятьдесят, заглядывая за углы, крался брат Лиам. Время от времени до них доносились крики спешившейся городской стражи, которая отправилась на подмогу това-

рищам. Вдруг из-за угла появился небольшой отряд улан. Он пересёк дорогу морякам на одном из перекрёстков. Однако Лиам вовремя их заметил и приказал затаиться. Моряки вжались в стены домов и замерли, растворившись в темноте. Уланы проскакали мимо, не обратив на них внимания. Наконец монах присел у одного из домов на корточки и жестом позвал всех к себе.

– За этим углом, – уверенным шёпотом сказал он, – выход на площадь у южной стены. Она просматривается отовсюду, но! У этой стены есть для нас подарочек. Несколько камней выпали, а кое-где выступают. Опытной макаке не составит труда забраться по ней.

– Генри, – адмирал толкнул в бок одного из моряков, – верёвки!

Генри снял со спины мешок и вытряхнул на снег три мотка верёвки.

– Ну, друзья, – с усмешкой проговорил Адмирал, поглядывая на лица моряков, – По кабакам хвалиться вы все герои! Кто хвастался, что он лучше макаки по вантам ходит?

– Я! – выпалил один жилистый морячок и встал, скидывая полушубок, – Я пойду! – и протянул руку за верёвками, – Какая высота?

– Двадцать один фут ровно, – уверенно ответил Лиам, – Первый кирпич на высоте восьми футов. Двое должны подсадить.

Два мускулистых высоких моряка, похожие как две капли

воды, молча встали.

– О! – рассмеялся кто-то из моряков, – Они тебя и так на стену закинут!

– Пошли, – один из здоровяков положил свою огромную руку на плечо «макаки».

– погоди, – остановил моряков Лиам. Он подошёл к углу дома и, с осторожностью заглянув за него, скомандовал, – Теперь давай!

* * *

– Надо выходить, Вилли! – кашляя в пропитанную вином тряпку, сказал Ноэль, – Скоро уже и пол провалится!

– Ты лаз нашёл?

Ноэль отрицательно покачал головой.

– Гляньте! Гляньте! – закричал смотрящий у окна, тыкая кривым пальцем в темноту.

На серой замызганной замковой стене они увидели освещённую луной фигуру. Фигура суетилась в непонятных движениях и напоминала испуганную ящерицу, пытающуюся преодолеть преграду незамеченной.

– Что он делает? Не пойму... – Ноэль, щурясь, вглядывался в ночь сквозь валяющийся снизу дым.

– Верёвки крепит, – Вилли коротко свистнул.

Человек на стене замер и присел, оглядываясь по сторонам. Вилли из просвета окна неистово замахал ему руками.

«Макака», заметив его сигналы, помахал ему в ответ. Тут же на стене появилась ещё одна фигура, затем ещё и ещё. Моряки по верёвкам забирались на стену.

– Так! – Вилли с улыбкой до ушей жестами приказал всем отойти от окна. – Так! Слушай меня! Парни идут сюда на выручку. Отвлечём на себя! Убираем баррикаду, открываем двери, пускаем стрелы в проём и коридор. Они потянутся сюда, завяжем бой, парни ударят в спину. Вырвемся! Вырвемся и к воротам пойдём. Ноэль, возьми пятерых, охраняйте Эдмунда! Носилки делайте!

* * *

Генерал Грегор успешно обошёл мост на реке Фрин и снова вышел на дорогу. На рассвете колонну пехоты нагнал посыльный, отправленный им с капитаном Берроном. Он построился чуть позади генерала:

– Ваша Милость! Капитан Беррон выполнил порученное задание.

Генерал удовлетворённо кивнул.

– Ваша Милость! Там не триста воинов, как донесли донзорные.

– А сколько? – почти безразлично обронил Генерал.

– Около двух тысяч пехоты. Кавалерия – около двух сотен. Скрываются в лесу. Может, больше...

Генерал остановил коня. Обернулся на посыльного: в гла-

зах его читалась растерянность.

– Воин! Ты ничего не напутал?

– Нет, Ваша Милость. Я нарвался на них, когда обошёл мост с востока. Хотел через лес... Встретил разъезд, ушёл от них ещё восточнее и выскочил прямо на лагерь. Еле ушёл! Погнались за мной, да я, как заяц – петлю сделал и на запад двинул. Рыцари там тоже были. При полном... Видал пять палаток со щитами гербовыми. Сержанты у кухонь крутятся. Значит, рыцари с копьями своими пришли.

– Ясно, ясно. – Грегор в задумчивости уставился на освещённый первыми лучами восходящего солнца горизонт. – Только бы Льенар проскочил... – сказал он как будто сам себе. – Так! Коня смени. И ко мне!

Посыльный ускакал в обоз, а Грегор двинулся шагом, борюча под нос:

– М-да... Этого мы не предусмотрели. Не ждали... Не ждали. Значит, готовились они сами к нам топать. Да мы опередили чуток. Теперь я у них в тылу. А между ними и «Мостом вдов» несчастный Беррон с сотней пехотинцев корчит из себя целую армию. Почему они стоят? Почему не идут на север? Может... просто ночёвка? И сейчас они уже гонят моего Беррона по степи? Или гибнет он там героически? Повернуть? Ударить в спину? Продолжить идти в Рейм? Тогда, если они узнают, что к Рейму подходит армия, бросят всё и пойдут за мной? Или, наоборот, ринутся к нам опустошать Фортресс?

Проехав в задумчивости ещё сотню футов шагом, Грегор остановился.

– Говорил я вам!?! – закричал он озабоченно во весь голос, – Говорил!

Проходившие мимо копейщики остановились и уставились на генерала, который поднялся в стременах и грозил кулаком то на север, то на юг.

– Влипли, вашу мамашу! Мы... туды-растуды! Влипли! Этот там! Тот к нему летит! Кораблики плывут! Оставили дом... Вот что делать?! – Генерал взмахнул в отчаянии руками и рухнул в седло так, что у коня дрогнули копыта. – Ну?! – гаркнул он глазающим на него с открытыми ртами копейщикам, – Чего встали? Рты раззявили! – копейщики нервно переглянулись, – Обратно пошли! Воевать будем...

* * *

Моряки ворвались в замок через центральный вход и ринулись по лестницам на второй этаж, туда, где находился пиршественный зал. Неожиданная атака застала осаждающих врасплох, они так были увлечены и так наслаждались поджогом помещений под залом, что многие оставили своё оружие в стороне. В то же время двери зала распахнулись и со свистом полетели стрелы. Они стремительно поражали цель – ранили и убивали осаждающих. Такой натиск с двух сторон эсборцы не выдержали. Они поднимали руки и пада-

ли на колени перед нападавшими, пытаюсь сдаться, но бордачи с севера со взглядом, полным безразличия, а некоторые даже с жестокостью и ненавистью во взоре, наотмашь рубили головы и насквозь пронзали спины склонившихся перед ними. А если кто-то вдруг пытался оказать хоть какое-то сопротивление, оставляли истекать кровью без рук и без ног.

– Кто главный? – кричал Вилли, протискиваясь сквозь толпу радостно обнимающихся моряков и гвардейцев, – Главный кто?!

– Сынок! – позвал его адмирал, – Я здесь! Где Эдмунд?

– О! Ваша Милость!

– Брось! Просто адмирал. На море экономят слова. Где Эдмунд?

– Он при смерти!

– Сынок, прошу, не шути так!

Длинная седеющая борода адмирала затряслась.

– Стрела прям в сердце, – Вилли ткнул себя в грудь большим пальцем, – Вон, – он мотнул головой в сторону, – Несут на носилках. Говорят, если б не медальон, прям бы на месте... Того... А так... Без сознания он... Какие тут шутки!

Лиам бросился к монахам, которые несли носилки, и, отстранив одного, схватил одну из ручек.

– Адмирал! – продолжил Вилли, – Мы вооружимся трофейным и попробуем взять ворота. А вы со своими ребятами посмотрите, что творится в донжоне. Хорошо бы захватить его. Да, и ещё вот что... Чёртов Виктор бежал каким-то тай-

ным ходом. Уж не там ли он?

– В таком случае, он там и заперся. Ты же знаешь, донжон нахрапом не взять...

– Посмотрите там, а мы бросимся на ворота и стены. А что там за десант? Это вы?

– Полтысячи Глотчерских змей!

Вилли присвистнул.

– Пропал Рейм! Ой-ой... Хорошо, что они с нами, а не с ними... Даже не знаю, пускать ли их в замок, если попрутся, – и Вилли, заржав во всё горло, побежал к воротам, увлекая за собой вооружившихся трофеями гвардейцев.

Это кровавое утро Рейм запомнит навсегда. Наёмники Глотчера не знают пощады. К полудню город полыхал одним большим пожаром. Горело всё, и всё обращалось в пепел. Повсюду валялись изувеченные трупы городских стражников и простых горожан. Они застыли в причудливых позах, прихваченные морозцем. Заледеневшие их лица были спокойны от того, что их предсмертные мучения наконец-то закончились. Брусчатка улиц стала скользкой от замёрзшей крови. Городские стены и все ворота были захвачены. Замок полностью принадлежал фортрессцам. Донжон оказался пуст, если не считать десятка стражников, застигнутых врасплох и отправленных к праотцам. Виктор Прозорливый бесследно исчез. Ни поиски, ни пристрастные допросы пленных придворных и стражников не дали результата.

Раненого Эдмунда уложили в покоях Виктора в донжоне. Монахи хлопотали вокруг него, беспрестанно меняя мокрые тряпки на лбу. Они никак не могли решить, что делать со стрелой, торчащей из груди короля. Все попытки привести Эдмунда в сознание были тщетны.

– Ну, что, Лиам? – в дверь заглянул Адмирал, – Нет?

Монах покачал головой:

– Подожди, Роб. Я выйду.

Адмирал вышел на лестницу и сел на ступеньки, прислонив косматую голову к стене. Через пару мгновений он задремал. Разбудил его брат Лиам, присевший рядом:

– На, Роб, выпей! – монах протянул ему оплетённую бутылку. – Своими силами не обойдёмся. Тут лекарь нужен. Иначе никак. Может, поищите в городе?

– Какой там! – оторвавшись от бутылки, прохрипел Адмирал. – Наши червячки даже детей не жалели. Я был в городе... – он махнул рукой и ещё приложился к вину, – Мясники, одним словом. Хранителя Эсбора подвесили за ногу на дереве, представляешь? Поймали его где-то у ворот, он в женском платье, хотел сбежать. Можно сказать, червячки около часа не замечали, что он не баба. Да... Где-то час не замечали, по очереди. Им, похоже, вообще всё равно... А потом заметили, и вот... Значит, за ногу подвесили, за одну. А к другой пару коней привязали и стеганули хорошенько. Теперь у Эсбора, можно сказать, два Хранителя. Вернее,

две половины. Одна на дереве, а другая до сих пор по городу мотается за конями. Да, кстати, – вдруг оживился адмирал, – Ко мне тут подошла одна старуха... И ты знаешь, что интересно? Она сама дряхлая такая, невзрачная, в потёртом каком-то одеянии, но чистая, а пахло от неё фиалками. А я почему ещё удивился: зимой фиалками... Да и странно, как она осталась жива при такой резне. – Роберт пожал плечами. – Не знаю, может, цветочница... Так вот, – Роберт достал из-за пазухи расшитый жемчугом кисет, – Дала она вот это и сказала, голос у неё совершенно молодой, как у девочки пятнадцати лет, прям льётся–переливается. Удивительно, бывает же такое – у дряхлой старухи такой молодой голос! Так вот, говорит она: «Спящий проснётся, только вдохнёт».

– На! – он протянул кисет Лиаму. – А ещё она добавила: «Но только на час...».

– Вот так, да? – хмыкнув, Лиам осторожно взял кисет из рук адмирала. – Фиалками, говоришь? И плащ серый? Чистенький такой, да?

– Да-да. – невозмутимо ответил Роберт, медленно вставая, – Очень чистый. Необычная, такая старушка, знаешь ли... Я пойду, Лиам. Мне надо поспать. Мне уже не тридцать.

– Постой же! – уже в спину сказал монах, – Роб! Я рад, что меня тебе навязали.

– Увидимся! – Адмирал кивнул монаху, слегка улыбнувшись, и отсалютовал бутылкой, – Надо ещё запасы попол-

нить. Ты же должен вывести флот в море, лоцман! Старая ты портовая мидия!

Хихикая и напевая «Старая мидия в порту живёт...», Адмирал устало поковылял вниз.

– На час... – вспоминая слова старухи и в задумчивости крутя кiset в пальцах, бормотал Лиам, – Всего на час. И когда же этот час? Есть ли у нас час? Говер, Отец моих отцов и всего, что имеет сердце! Глаз Твой да зрит на нас непрестанно. Длань Твоя да сбережёт нас от дорог, не к Тебе ведущих! Направь на путь верный, прямой. Вручаю тебе всего себя!

Кряхтя, поднялся он со ступеней и, спрятав кiset за кушаком, вернулся к братьям.

* * *

Генерал Грегор вывел своё войско через лес прямо в лагерь обескураженных эсборцев. Не ожидая удара с юга, все дозоры эсборцы выставили с севера. Полный разгром трёхтысячного войска, подкреплённого пятнадцатью рыцарскими копьями, будут вспоминать в песнях ещё триста лет, как в печальных эсборских, так и в бахвальных фортресских. А лес, где произошла эта битва, с тех пор получил название «Лес Грегора».

Проведя в сёдлах почти двое суток, продрогшая кавал-

лерия Фортресса приближалась к городским стенам Рейма. При её появлении в окрестных городках и деревнях люди прятались по домам, с грохотом закрывая ставни. Но Льенар проводил свой отряд через них, не останавливаясь. Он так торопился к отцу, что прибыл ещё до заката. Остановив коней на холме в миле от ворот Рейма, всадники вглядывались в городской пейзаж.

– Льенар, – наклонившись со своего коня, сказал Морис, – Я не уверен, но мне кажется, над воротами бело-голубое знамя...

– Вижу, вижу!

Льенар почувствовал, как к горлу подступает ком.

– Вижу, Морис. А ещё вижу дым. Много дыма. Похоже, город горит.

– Ваше Высочество! – монах указывал рукой вперёд, – Там всадник.

От городских ворот к ним во весь опор мчался наездник в голубом плаще.

– Вперёд! – скомандовал Льенар и рванул с места.

Через несколько минут они были рядом.

– Ваше Высочество! – спрыгнув на ходу с коня и неуклюже поклонившись, поприветствовал Льенара всадник, когда они встретились. – Рейм взят! Поторопитесь! Король Эдмунд ранен! Он в замке!

Льенар переменялся в лице. Напряжённость сменилась тревогой. Пришпорив коня так, что с боков взмыленного жи-

вотного потекла кровь, он устремился к воротам.

Проскакав галопом по пылающим улицам Рейма, Льенар влетел во двор замка. Приветственные крики со стен, бряцание оружием несколько не впечатлили его. В растерянности он стоял посреди двора, вглядываясь в окна.

– Сюда! – услышал он голос сверху.

Из узкого окошка донжона высовывалась рука. Кто-то махал ему.

– Сюда, Ваше Высочество!

Взбежав по узкой винтовой лестнице, на которой двое не разойдутся, Льенар ворвался в открытую дверь бывших покоев Виктора. Лиам остановил принца за плечи. Тот хотел было вырваться, но монах крепко его удерживал.

– Ваше Высочество! Ради Говера! Спокойно!

– Пусти! – принц посмотрел на Лиамом взглядом, который, по его мнению, должен был поставить наглеца на место.

– Я отпущу сейчас! Только послушайте! Король без сознания, в груди стрела. Не трясги, не дёргать. Очень аккуратно. Ладно?

– Всё плохо? – принц смягчился.

Лиам погладил его по плечу.

– Плохо, – монах потряс головой, – Плохо, но не сделайте хуже!

И он отпустил Льенара. Тот на непослушных ногах подошёл к отцу и опустился на край кровати, вглядываясь в бледное лицо родителя. Так сидел пару минут, потом оглянулся

на Лиама.

– Без сознания почти сутки, – сказал монах, подойдя ближе, – Последнее, что от него слышали – это Ваше имя. Он очень ждал Вас.

– Не говори об отце в прошедшем времени, – принц строго посмотрел на монаха.

– Ваше Высочество, выйдем на лестницу.

– Говори тут.

Лиам, поколебавшись несколько секунд, стукнул два раза каблуком по полу. В ту же секунду два других монаха вышли за дверь, закрыв её за собой. Один спустился немного вниз по ступенькам, другой поднялся вверх с таким расчётом, чтобы не подпустить никого к двери и самим не слышать разговора. Лиам проверил окно и подошёл к принцу. Опустившись перед ним на колени, он привлёк голову принца к своей так, что его губы оказались у самого уха Льенара, и накрыл их обоих своим просторным голубым капюшоном. Так, скрытые тяжёлым, пропахшим потом и пылью капюшоном Лиама, под бдительной охраной двух монахов они проговорили почти до заката. Наконец монах скинул с их голов капюшон и, постанывая, поднялся с колен. На левой смуглой щеке его расплылось красноватое пятно, на бледном лице Льенара такой же краснотой выделялась правая щека. Монах отошёл в угол и в изнеможении сел на скамью, вытянув ноги. Льенар смотрел на него, не сводя глаз. В руке принц держал расшитый жемчугом кiset.

– Он может умереть в любую секунду, – Лиам постучал себя пальцем в грудь, – Если бы не медальон вашей матушки, это случилось бы мгновенно.

Льенар обречённо взглянул на кисет.

– Ты побудешь со мной?

– Как пожелаете, Ваше Высочество, – Лиам встал и поклонился.

Льенар распустил узелок на кисете, но вдруг замер в нерешительности.

– Подождите, – Лиам подошёл к постели, – Я подержу ему руки, чтобы он не схватился за стрелу. Давайте.

Принц поднёс раскрытый кисет к ноздрям Эдмунда. Единственный факел, горевший в изголовье, затрещал и тут же потух, погрузив комнату в темноту. Лишь полоса лунного света из узкого окна-бойницы лежала на каменном полу. Прислушиваясь к дыханию отца, Льенар приблизился к его лицу. Вдох, трепещущий, как свеча на ветру. Тишина. Ожидание. Выдох. Короткий и сильный. Словно морская волна, ласкающая песчаный берег, дыхание отца касалось лица принца. Снова дрожащий вдох. И тишина...

– Как я рад, что ты здесь, – вдруг в темноте раздался голос Эдмунда. Он казался совершенно обычным, будто не лежал он при смерти, не терял сознания на сутки, – Лиам, можешь отпустить!

– Отец, я здесь... Я здесь, – зашептал Льенар почти на ухо королю.

– Да, да, Льенар, ты здесь, а я должен уйти. Лиам! Не нужно света!

Монах уже взял факел, чтобы зажечь его, но тут же вернул его на место.

– Я оставлял тебе Фортресс на две недели, но, как видишь, он теперь твой навсегда. Эсбор теперь тоже твой. Лиам! Утром проведите церемонию! Король Фортресса и Эсбора теперь – Льенар! – Эдмунд улыбнулся, – Прости, мальчик мой, что не успел навести тут порядок. Но ты справишься. Я знаю, и я верю в тебя. Ты обязательно справишься! Никому не доверяй, кроме братства. Ещё один человек предан мне был. Это Чарлиз. Но дни его сочтены. Надеюсь, Морис скоро займёт его место, и так же, как отец его был верен мне, он будет верен трону Фортресса, а теперь ещё и Эсбора. Прости, если уделял тебе недостаточно внимания в детстве, я всего лишь хотел сделать из тебя настоящего мужчину...

Рука Эдмунда легла на ладонь Льенара. Она была холодной. Никогда он не держал в своей руке холодную руку отца. Его большие, надёжные руки всегда были тёплыми. Когда он гладил его по голове в детстве, когда жал его руку в юности. И пахли эти руки по-особенному, пахли любовью и заботой. Руки самого близкого для него человека. Сейчас же, здесь, в темноте эсборского замка, рука, которая коснулась его ладони, была холодна и слаба.

– Твоя мать и сёстры ждали меня. – продолжил Эдмунд. – Я уже вижу их силуэты где-то там, вдалеке. – Лиам! –

позвал король, – Убери стрелу.

– Но, Ваше Величество! Нет... Я не могу.

– Не бойся, Лиам! У меня ещё есть время. Я хочу, чтобы ты с братьями передел меня в рясу и принял наконец в братство.

– Я... Не в праве. Только Веко...

– Лиам! Завтра утром ты узнаешь от гонца, что Веко умер на рассвете. Теперь ты – Веко, и я верю в тебя. Давай! Вынь стрелу и позови братьев. Льенар, ты должен уйти. Встретимся по ту сторону зарниц. Прощай, сын!

Эдмунд убрал свою руку из руки сына, и Льенар робко повиновался. Он медленно пятился к выходу, пытаясь рассмотреть лицо отца. Но слёзы размывали очертания и без того терявшегося во мраке лика.

– Прощай, отец.

Глава VII

По утрам ощущалась прохлада надвигающейся осени, но к полудню возвращалось лето, прощаясь зыбким теплом. По традиции, устоявшейся веками, в сентябре устраивалась королевская охота. Загодя псары и конюшие начинали готовить животных. Собакам уменьшали пай, псары устраивали травли. Чесали и стригли лошадям гривы, заплетая локоны в причудливые косички. Чинили и меняли упряжь. Егеря примечали тропы и выпасы. Весь двор жил в предвкушении предстоящей не то забавы, не то церемонии. Всё должно было быть безупречно. Каждый из придворных, обязанных явиться на охоту, по мере своих возможностей или обновлял костюм, или чинил старый. И если рутинная охота была мероприятием исключительно мужским, то на королевской можно было встретить женщин и девушек в пышных праздничных нарядах, грациозно расположившихся в специально изготовленных дамских сёдлах. Жёны и дочери наравне с заядлыми охотниками – мужьями и отцами – принимали участие в этой церемонии. Девиц забавляло и веселило такое приключение. Азарт гнал по жилам молодую кровь, адреналин будоражил сознание при виде оружия, дикой природы и в целом всего антуража происходящего. А вот степенным матронам охота доставляла массу неудобств. Но виду подавать нельзя, и они мужественно переносили все тяготы это-

го дня, успокаивая себя мыслями, что в следующий раз они сядут в седло лишь через год.

Молодой король Льенар не сразу встал с постели. Он долго валялся в кровати и думал о предстоящей сегодня охоте. Она и радовала его, и тяготила.

«Вот бы оторваться ото всех и затеряться в чаще. Да разве скроешься? – рассуждал он, – и кто придумал таскать весь двор по лесу... Неужели им не хватает пирушек в замке?! Ну, хоть не в четырёх стенах, и то хорошо...»

Ему крайне надоели бесконечные приёмы, надоели напудренные девушки, увивающиеся вокруг него, их родители, мечтавшие, чтобы он обратил внимание на одну из дочерей. Размышления молодого короля прервал еле слышный стук. Дверь в спальню бесшумно открылась, и в комнату вошли слуги с кувшином воды, тазом и свежим платьем. Льенар нехотя поднялся и начался утренний туалет.

– Пошлите за Морисом, – приказал король, вытирая лицо белоснежной салфеткой с королевском монограммой, вышитой золотом.

Через несколько минут появился молодой Хранитель Большого Ключа. Он тихо вошёл и встал в углу, приглаживая растрёпанные волосы. Морис ждал, когда король заметит его.

Слуги, покончив с туалетом, наконец удалились, и молодые люди остались одни.

– Морис, друг мой! Ты забыл, как на прошлом совете Ге-

нерал назвал тебя выскочкой?

– Ваше Величество! Этот старый пень вечно меня третирует, он явно...

– Морис, как думаешь, дело в возрасте? – перебил Хранителя король.

– Да знаю я, почему он окрысился. Когда мой отец представился, он спал и видел, как бы протащить своего братца на его место.

– Одна сорока принесла мне на хвосте, что позавчера ты вернулся из города на рассвете.

– Но...

– Не перебивай, Морис! – тоном наставника прервал его король. – Вернулся перед рассветом, навеселе и не один. С девицей. Говорят, дочка портного...

– Сапожника, – вздохнул Морис, опустив голову и приняв смиренный вид.

– Э-э-э... Сапожника, – передразнил его Льенар. – Не мог что-нибудь получше найти? Мало при дворе девиц?

– Ваше Величество, она просто красавица! Божество! Со мной происходит что-то невообразимое, когда она рядом! А какая она кудесница в любовных утехах...

– Всё, хватит, Морис! Я не в настроении выслушивать подробности твоих любовных походов!

– Она прелестница, Ваше Величество! Лесная голубка... Стройна и скромна. Очаровала, что же сделать! Устоять перед ней было невозможно...

– Как, впрочем, и перед каждой предыдущей!

– Я могу объяснить...

– Довольно! – отрезал Льенар.

– К тому же она полезная девушка, – не унимался оправдываться Морис, однако уже не так эмоционально, – У неё в знакомых парочка эсборских купцов.

– И что же с этого?

– Она рассказывает мне про них весьма занятные вещи...

Тут отворилась дверь, и слуги внесли завтрак. Поверхность просторного круглого стола очень быстро была заставлена блюдами. Суп из голубей, жареный каплун, бараньи котлеты размером с ладонь, наштигованные чесноком и травами, овощное пюре с пшеничными гренками, оленья ветчина и варёные яйца с грибным соусом. Довершала этот кулинарный ансамбль королевского завтрака бутылка прохладного вина. Комната наполнилась ароматами, и, поторопив слуг удалиться, Льенар и Морис расположились за столом друг напротив друга. Принявшись трапезничать, они продолжили прерванный разговор.

– Так что там с этими эсборскими купцами? – напомнил Льенар.

– Да, да! – радостно отреагировал Морис, стараясь не отрываться от еды, – Так вот... Когда эти двое, изрядно набравшись пивом, начинают спорить, у них проскакивают такие словечки, что даже дочка сапожника поняла, что они вовсе не купцы.

– Шпионы? – король сделал наигранно серьёзное лицо.

– Льен... – Морис осёкся, учтиво покашляв, – Ваше Величество! А ведь возможно, что и шпионы. Или и того хуже...

– Морис, – Льенар серьёзно посмотрел на друга, – У тебя огромная сеть лазутчиков, шпионов, осведомителей. Твой отец достиг в этом деле таких высот!.. И тебе всё передал. Но ты смог расширить эту сеть всего за пару лет. Не пристало Хранителю с девками по городу гулять, да ещё в нетрезвом виде.

Морис хотел было что-то сказать в своё оправдание, но Льенар не дал ему открыть рта.

– Нет, ты послушай! Я серьёзно! Не знаю, каких ты там шпионов ловишь, но знаю точно, что лицо ты теряешь. И, между прочим, при этом моё лицо тоже страдает!

– Ваше Высочество, есть вопросы, которые я не могу доверить...

– Морис! – Льенар стукнул пальцами по столу. – Не ищущай меня! Завязывай с этой публичностью. Делай, что считаешь нужным, но чтоб ни одна подзаборная собака не видела тебя в неподобающем виде! Ты, чёрт подери, Хранитель Большого Ключа! Второе лицо в королевстве!

– Пока ты не женился! – хохоча, перебил Морис. – Тогда у королевства появится более симпатичное второе лицо!

Льенар схватил со стола кусок пшеничной лепёшки и бросил через стол в Мориса. Тот хотел увернуться, но лепёшка угодила ему прямо в лоб. Насмеявшись от души и как сле-

дует позавтракав, молодые люди встали из-за стола.

– Ну, что? – Льенар приобнял Мориса за плечи, – Готов?

– Если, Ваше Величество, Вы про охоту, то я, конечно, предпочёл бы остаться и приглядеть за кухарками да служанками. Чтобы к вашему возвращению всё было как надо.

– Я тебе пригляжу! Поскачешь со мной рядом. Как в тот ледовый рейд! Помнишь?

– Такое не забывается. Ну а моя Джоанна с папашей будут?

– Девиц будет полным-полно. Что тебе Джоанна? Разве тебе уже не всё равно?

* * *

В тронном зале появления короля ожидал весь высший свет двух объединённых королевств: Фортресса и Эсбора. Фортресские бородачи с вьющимися чёрными волосами ниже плеч в сопровождении своих красавиц-жён и дочерей в модных для Фортресса чёрных бархатных охотничьих костюмах, расшитых жемчугом и серебром. И, словно в противовес им, светловолосые гладковыбритые эсборские вельможи с семьями, сплошь облачённые в красное с безумными перьями в головных уборах. Фортрессцы ощущали себя хозяевами, и надо отдать им должное, вели они себя гостеприимно. Ни в чём нельзя было заподозрить неприязнь к гостям или, не дай Говер, нелюбовь. Эсборцы же изо всех сил

старались делать вид, будто не было три года назад той ужасной резни в Рейме, в которой почти у каждого погиб кто-то из родных. Не было будто поражения в лесу Грегора, наложившего тень позора на эсборское воинство. И не было никогда короля Виктора, таинственно исчезнувшего во время всех этих событий. И те, и эти понимали, что как никогда обоим королевствам нужен мир.

– Его Величество король Фортресса и Эсбора – Льенар Вильгемонт! – громогласно провозгласил церемониймейстер, отстучав положенные три раза жезлом по полу.

Чёрно-красный зал склонился в приветственном поклоне. Не склонив голов, остались лишь несколько человек, стоявших у стен. Крупные, с суровым взглядом мужчины внимательно следили за гостями. С момента смерти короля Эдмунда братство взяло на себя тайную охрану короля.

И вот появился молодой король. Он вошёл в зал, олицетворяя собой надежду на мирное сосуществование двух народов под одной короной. Черноволосый, гладко выбритый Вильгемонт был облачён в чёрный охотничий костюм с красной оторочкой и подпоясан красным же кушаком. Льенар коснулся двумя пальцами правой руки левого запястья, приветствуя тайным знаком членов братства.

Церемониймейстер двинулся в сторону выхода из зала, постукивая жезлом, при этом склонившиеся в поклоне придворные расступались, не разгибая спин и образуя проход для короля. За правым плечом Льенара шествовал, высоко

задрав нос, Морис. Он, широко улыбаясь, неприкрыто наслаждался своим положением. Пусть в нём не было той утончённой красоты Льенара и таких же длинных густых волос, но он компенсировал это безумным обаянием, острым умом и чувством юмора. Морис носил короткую бороду, а его тёмно-русые волосы были прямы и доходили почти до плеч. Высмотрев двух молодых эсборских красавиц, Хранитель открыто им подмигнул, чем вызвал у них улыбки и удивлённый взгляд их отца, стоящего рядом.

– Морис, – прошипел Льенар, – Я всё вижу!

– Но, Ваше Высочество! Их папаша явно не сапожник, – прошептал в ответ Морис.

– Их папаша... – возмутился король, – Их папаша – Великий Князь Корнфилский, племянник Виктора.

– Да знаю я. На последнем совете ты сам говорил об объединении знатных родов Фортресса и Эсбора. Чего ж мелочиться...

– Убью! – пригрозил король, спускаясь по лестнице во двор. Он еле сдерживал смех.

Кавалькада охотников под звуки рожков высыпала из ворот города. За подъёмным мостом их ожидали королевские псары, едва сдерживая рвущихся собак. Слившись в единый поток, охота направилась в лесные уголья Вильгемонтов.

У края леса их поджидал обер-егермейстер. Дюжина егерей за его спиной стояли с подносами наготове. Поприветствовав короля и его гостей, обер-егермейстер отдал приказ:

– Разноси!

И егеря принялись обносить охотников имбирным элем.

– Строго по одной чаше, не больше! – периодически выкрикивал обер-егермейстер. – Замеченные в употреблении большего количества к охоте не допускаются! – И он щёлкал в воздухе бичом.

– Отказываться возбраняется! – покрикивал он на чопорных дам, воротящих нос от чаш.

Дамы кривили лица, затыкали носы, но через силу тянули из чаши ядрёный напиток. Что касается мужчин, то те пили по-разному: одни махом выпивали эль и громко вдыхали носом, а уже на выдохе довольно мычали и утирали перчатками рты, другие неспешно, с довольной блаженной улыбкой на устах, небольшими глотками смаковали эль и при этом облизывали губы и причмокивали. Гости распивали свой эль, не спускаясь с коней, перекидываясь шуточками и глазами

друг на друга.

– Смотри, Морис! – наклонившись к Хранителю, шептал король. – Это же просто смешно – они разглядывают друг друга... Кто как одет, у кого какой конь... Они красуются!

– Ваше Величество, не будьте ханжой. Для них это праздник. Забава. Они ещё целый год будут обсуждать наряд графини Буль-Буль, коня герцога Ква-Ква и как барон Бульон свалился на задницу прямо в болото, – Морис приветственно поднял свою уже опустевшую чашу в сторону очередной блондинки, – Нравятся мне эсборки! Они такие румяные... Какие-то они... Сочные! Не то что наши поганки. Хотя всё-таки и среди поганочек находятся вполне съедобные варианты. Вон та, например, на мой взгляд и вкус, как раз их таких.

– Доклад пикера! – прокричал обер-егермейстер.

Гости, зная порядок, дружно побросали чаши в траву. Раздалась короткая трель рожка, и все приготовились слушать. Пикер – управляющий всей охотой егерь – выехал в середину всей компании и привстал в стременах. Все вокруг затихли, и только собак невозможно было успокоить. Пикер уверенно начал свою речь:

– Господа! Травля лисицы! – голос его был хриплым, он старался перекричать собачий лай. – Борзые встают здесь вдоль кромки. На триста ярдов, не ближе. Не толпитесь! Гончие зайдут через запад и погонят зверя. Напомню: со своры спускать только ближних! Или две, если между пойдёт. Остальные могут только принимать зверя! Больше свор

не спускать! – Он сделал паузу, откашлявшись в кулак, и в конце добавил:

– Разъезжайтесь! Доезжачие вперёд!

Псари с гончими на длинных поводках устремились в лес, забирая вправо. Конные охотники, шутя и бахвалясь, неспешно начали распределяться вдоль кромки леса. Борзятники семенили рядом, прислушиваясь к лаю, доносящемуся из леса.

– Далековато уходят, – генерал Грегор нагнал Льенара с Морисом, – Так они вглубь загонят.

– Уверен, что господин обер-егермейстер позаботился о подсадке, – ответил Морис, оглядевшись, не услышит ли кто. – Где-нибудь в подлеске сидят пара егерей с мешками. А в мешках у них две-три лисицы, пойманных ещё неделю назад. И сидят бедолаги в кустах с самого раннего утра. И точно у одного из них есть фляга. И во фляге точно не имбирный эль. И если они там не перепились, будет нам лиса.

Льенар поморщился своим мыслям, но ничего не сказал. Грегор же, неодобрительно помотав головой, пришпорил коня.

Заняв позиции, охотники застыли в ожидании, вглядываясь в лес и внимательно слушая лай гончих.

– Слышишь Верзилу? – Льенар приложил руку к уху, – Вот, вот!

– Может, и Верзила. А может, Звонарь... Но точно гонит. – Морис свистнул борзятнику, указывая рукой в сторону

лая, – Верзила?

Борзятник кивнул:

– Гонит. На нас идёт.

Шутки и смех утихли. Охотники, насторожившись, подобрали поводья. Из леса нёсся лай погони. Наполненный азартом, он приближался всё ближе и ближе. Пикер на гнедом мерине встал напротив места, где, судя по лаю, должна была появиться добыча, и поднял красный вымпел. Борзые перестали огрызаться и виться на поводках. Они напрягли слух, тихо поскуливая. Всё замерло, обратившись к лесу, в дрожащем ожидании добычи.

– Вот-вот-вот!!! – закричал вдруг пикер, резко опустив вымпел.

По знаку два ближних к пикеру борзятника спустили со своры собак. Длинноногие, узкомордые псы приготовились бежать, но добычи видно ещё не было. Внезапно из куста можжевельника вырвалась рыжая тень. Пробежав несколько десятков ярдов, лиса заскользила по траве, круто меняя направление бега. Борзые, разглядев добычу, рванули с места, начиная погоню. И вся охота устремилась вслед за ними.

– Хоп-хоп-хоп! – покрикивали псаря, увлекаемые на поводках сворами.

– Ату-у-у! – горланили всадники, поспешая за погоней.

Собачий лай разрывал воздух резкими звуками, топот копыт сотрясал землю – безумная скачка во весь опор на-

чалась. Перепрыгивая через канавы, прорываясь через кустарники, всадники старались подобраться как можно ближе к собакам, преследующим лису. Одному из них это удавалось заметно лучше других. Охотник в красном камзоле, держа наотмашь скрученный в руке арапник, вырвался вперёд погони. Его рыжий конь летел над лугом, словно ястреб, казалось, он не касался земли.

Переглянувшись, Льенар с Морисом прищпорили коней, в них тоже разыгрался азарт. Уверенно опережая одного преследователя за другим, постепенно они поравнялись с красно-камзольным охотником. Тот оглянулся на них, и порыв ветра сорвал с него шапку, обнажая белокурую голову, на лице его сверкнула злая улыбка. Внезапно лиса, проскальзывая по сырой траве, свернула в лес, увлекая за собой собак и охотников. Ворвавшись на полном скаку в подлесок, всадники пригнулись к холкам лошадей, чтобы уберечься от веток, хлещущих по лицу. Собаки ушли вперёд, лошадям пришлось сбавить скорость. Рыжий конь эсборца стал отставать. Летящий по открытому полю, как птица, конь оказался слаб для преследования по лесу. Милую-другую Льенар и Морис продвигались по густым зарослям, ориентируясь на звуки погони. Выскочив на лесную опушку, они увидели, как псы кружат вокруг добычи, стараясь схватить загнанного зверя.

Льенар влетел в самую гущу, на ходу спрыгивая с коня. Одна из борзых ухватила лису за заднюю лапу, и та крутилась, пытаясь освободиться. Улучив момент, король схватил

рыжую за загривок, она рванулась, но получив сокрушающий удар кнутовищем по переносице, обмякла. Подняв тушку над головой, король вырвал её из пасти борзой.

– Ай да Льенар! – прокричал Морис, подбегая к другу. – Ай да Льенар! Кто скажет, что он не самый достойный король?! Это триумф!

Отгоняя псов пинками, они в четыре руки принялись вторачивать лису в седло. Внезапно псы умолкли, как по чьей-то команде, и, зарывав, уставились на заросли орешника. Конь, взбрыкнув, дёрнулся, и Морис едва успел ухватить его под уздцы. Псы начали пятиться и жалобно поскуливать.

– Не понял... – тихо сказал Хранитель. – Что это с ними?

Морис снял с седла арбалет и принялся его заряжать. Он крутил ручки и насторожённо поглядывал на орешник. Льенар достал оклс и, повернув лезвием внутрь, спрятал его в рукаве. Ветви орешника вздрогнули, раздвинулись, и на поляну вышел человек в сером плаще с капюшоном на голове. Увидев охотников, он застыл.

– Стой, где стоишь! – Морис поднял арбалет и встал между ним и Льенаром.

– погоди, – Льенар положил руку на плечо друга.

Неподалёку слышался приближающийся шум охоты.

– Подойди, – приказал ему Льенар. – Кто ты такой и что тут делаешь?

Но незнакомец молчал. Он лишь медленно крутил головой под капюшоном.

– Я повторяю свой вопрос: куда держишь путь? – снова спросил король. – Ты знаешь, что это королевские уголья?

Тот продолжал молчать. Морис обвёл странную фигуру взглядом, и ему показалось, что серый плащ незнакомца напомнил старые фрески из монастыря, в котором он побывал около года назад, но что было за изображение, не мог вспомнить. «Монах из древнего ордена? Или колдун, сожжённый на костре? Что за чушь! Нет, видимо показалось». Морис бросил через плечо:

– Глухой что ли.

– Я так не думаю, – ответил Льенар – Давай, проверь его! Морис передал арбалет королю и подошёл к страннику.

– Снимай, – командовал Хранитель и указал рукой на пыльный холщовый мешок на плече незнакомца.

Человек высыпал на траву содержимое: пару старинных книг в потёртом переплёте, несколько горшочков, закупоренных шишками, пучки засохших трав и цветов.

– Ну-ка! – Морис жестом показал, чтобы тот поднял руки.

Охлопав незнакомца и ничего не найдя, он отошёл от него.

– Велите прогнать его, Ваше Величество? – спросил Морис.

Шум охоты прошёл мимо, видимо, потеряв след.

– Погоди, – сказал Льенар. – Если бы его спросили, он не смог бы сказать, что подтолкнуло его, но он подошёл к страннику, всё так же стоявшему неподвижно, и резким

движением сдёрнул капюшон с его головы.

Льенар ожидал увидеть что угодно: обезображенное гниющими язвами лицо или, может быть, прекрасную женщину, скрывающуюся от злых людей, но перед ним стоял молодой мужчина лет тридцати. Он был сторблен, стоял, немного опустив голову и потупив взгляд. Светлые волосы до плеч, давно немытые и нечёсанные, закрывали глаза и обрамляли на удивление приятное, гладко выбритое лицо. Губы его слегка подрагивали, будто он говорил что-то про себя, веки же были плотно сомкнуты.

– Посмотри на меня! – приказал король.

Незнакомец открыл глаза и посмотрел на него исподлобья. Пристальный и пронзительный взгляд серых глаз, в которых не было ни капли испуга, как будто обжёг короля. Сердце пропустило два удара, а потом забилось тяжело и часто.

– Ах, так ты зрячий! Может, ты и говорить можешь? Ау?! – спросил Морис.

Звуки охоты кружили где-то недалеко от поляны, но никто не появлялся. Льенар никак не мог оторвать взгляд от глаз незнакомца. Эти глаза, как показалось Льенару, смотрели на мир куда более продолжительное время, чем было лет их владельцу. Взгляд умудрённого и утомлённого жизнью старика.

Вдруг странник растянул губы в подобии улыбки. Молодой король, властитель половины острова Пэй, имеющий

власть над тысячами жизней, почувствовал себя сейчас беззащитным ребёнком.

Хранитель стоял в нескольких шагах позади и переминался с ноги на ногу, не понимая, почему Льенар так долго тянет с этим «непонятным бродягой», отпустил бы на все четыре стороны с Говером. А молодой король всё не сводил взгляда с незнакомца и стоял, словно замороженный. Тянулись мгновения, и, наконец, он проговорил:

– Если тебе нужен ночлег, можешь пойти с нами. А нет – иди своей дорогой.

Морис открыл рот от удивления.

– Ваше Величество! – неожиданно заговорил незнакомец. – Я шёл очень долго и очень устал. Не смел и надеяться на подобную щедрость. Утром, обещаю, я уйду.

– Хорошо, – ответил король, стараясь говорить бесстрастно. – Тебя накормят и предоставят кров. Позже я хочу послушать, кто ты такой, откуда пришёл и куда направляешься.

Путник снова натянул капюшон и принялся собирать с травы свои пожитки. Морис, подхватив короля под локоть, отвёл в сторону.

– Льенар! Ты с ума сошёл?! – возбуждённо шептал Хранитель. – Какого-то бродягу в замок тащишь? Может у него проказа? Или чума!

– Ага. Или это лазутчик, которого подослали убить меня? А книги – чтобы оглушить. Или нет! – король рассмеялся. – Он будет их читать мне, пока я не усну, а потом засыплет

в мой рот ядовитый порошок. Да знахарь он, разве не видишь? Расспрошу и отпущу. Любопытно мне, понял?

– Больше похож на проходимца и шарлатана, – презрительно прошипел Морис. – Нечего его в замок тащить.

– Не помню, чтобы я спрашивал твоего совета, – огрызнулся Льенар. Он сам не слишком хорошо понимал, что с ним происходит. Но очевидно, что нечто потустороннее принимало решение за него, ну, или вместе с ним. – Он пойдёт с нами, и я его не отпущу, пока он не расскажет мне всё, что я хочу знать о нём.

– Пусть хоть братство проверит его.

На поляну выскочили охотники, наконец обнаружив пропавшего короля. Лошади их заартачились и отказались идти дальше, остановившись на краю. Краснокамзолник, который вёл погоню по полю, соскочил с коня и побежал к Льенару.

– Да здравствует король Фортресса и Эсбора – Льенар Проворный! – Кричал он, размахивая кнутом. – Ваше Величество! Восхищён! Восхищён!

Морис презрительно сплюнул под ноги и подозвал к себе брата Гарри. Пока охотники в открытую льстили и восторгались храбростью и удалством короля, Хранитель шептал на ухо монаха распоряжения о сером бродяге.

– Впервые участвующие! Подойти к Его Величеству! – поркричал обер-егермейстер.

Достав из внутренностей своего камзола толстую серебря-

ную булавку, начальник охоты приколот её на грудь короля.

– Арах! Арах! Арах! – прокричали охотники, славя Льенара и приветствуя его удачу.

– Его Величество, король Фортресса и Эсбора! Герой сегодняшней охоты! – надрывался обер-егермейстер. – Посвящает новых охотников! Подойдите!

Молодые люди и девушки, впервые принимавшие участие в охоте, подошли и выстроились в шеренгу, ожидая церемонии. Льенар, достав оклс, перерезал лисе горло, а обер-егермейстер подставил серебряную чашку, собирая вытекающую кровь.

– Пора бы запретить эти ножички, – пробормотал Великий Князь Корнфилский, поморщившись.

Обе его молодые дочери стояли в шеренге новых охотников. И его тревожила такая близость коротких ножей к их нежным шейкам. И близость Мориса тоже вызывала некоторые небезосновательные опасения. Уж больно откровенные взгляды бросал он на его дочерей.

Льенар, приняв чашку, пошёл вдоль шеренги, окуная большой палец в кровь и пачкая им носы молодых охотников. Каждый новый член охотничьего общества горячо приветствовался громкими криками:

– Доброй охоты!

Льенар же бросал украдкой взгляды на проходимца в сером плаще, которого обступили монахи.

Глава VIII

Вилли дослужился до капитана королевской стражи. Никто, кроме Ноэля, теперь не звал его Вилли, что порой расстраивало капитана Вильяма Брока. Внезапно он обнаружил, что, помимо прозвища «Вилли Деловой», у него есть вполне сносная фамилия. Его тяготила новая должность, и он скукался по лихим временам, когда был простым десятником. Теперь нельзя было просто взять и отправиться вечером в таверну, плюнув на всё. Утром получить взбучку за потрёпанный вид, чем обычно всё и ограничивалось, и безмятежно дремать на посту. Чин капитана обязывал беречь лицо, оттого Вильям озлобился, стал придирчив к подчинённым, требовательным к исполнению приказов.

– Ноэль! – положив руку на плечо друга, сказал капитан, – возьми свою десятку и встань прямо за ними.

Вильям указал на эсборских музыкантов, начинающих располагаться на скамьях позади столов.

– Да их уже дважды проверили. Мы, потом брат Гарри со своими молодчиками. Нет у них ни черта, кроме дудок.

– Встань! – с напором повторил капитан.

– Ладно. Если тебе будет от этого легче, я, конечно, встану. Приставить им по оклсу к горлу или к спине?

– Это хорошая идея, но, наверное, всё же не стоит... Иди!

С минуты на минуту в зале должны были появиться охот-

ники, оголодавшие и замёрзшие в лесу. Уже слышались охотничьи рожки, предупреждающие, что охота возвращается с добычей. Подготовительная суэта в тронном зале достигла своего пика. Красный от волнения распорядитель без умолку кричал на мальчишек, бегающих по залу с блюдами. Веко Ока, брат Лиам, расставив по залу своих людей и ещё раз оглядев всё, поднялся в смежную с залом тёмную комнату с еле заметным слуховым окошком. Из этого окошка просматривался весь зал и особенно хорошо монарший стол. Поудобнее расположившись на стуле, он откупорил бутылку красного, сделал приличный глоток и приготовился наблюдать.

Топот копыт и возбуждённые крики, доносившиеся со двора, перекрываемые звуками горнов и рожков, известили о возвращении охотников. Двери распахнулись, и в зал вошёл король Льенар, потрясая тушкой лисы над головой. Вслед за ним ввалилась шумная толпа охотников. Прежде чем отправиться в обратный путь, егеря обнесли всех чашами ещё раз. Но на сей раз потребовалась закуска, потому что в чашах было кое-что покрепче имбирного эля. Музыканты грянули что-то разудалое и залихватское, да так, что многие бросились в весёлый пляс.

– Понеслась, – пробурчал, ухмыльнувшись, Лиам и отхлебнул ещё красного.

Обводя взглядом своих подопечных, он насторожился. Двое монахов, вернувшихся с охотниками, держали себя

за пояса, указывая оттопыренными большими пальцами на человека, стоявшего между ними.

– Так-так... – Лиам чуть не просунулся весь в окошко, через которое только кулак и пройдёт. – Кто тут у нас? Притащили какого-то бродягу... Что за!..

Лиам взял с крючка у окна узкую жёлтую ленту и вывесил её через окошко. Увидев знак, один из монахов поспешил к нему. Лиам накинул на ящик с бутылками холстину.

– Не дают работать, – недовольно пробормотал он.

Узкая дверка приоткрылась, пролив внутрь свет, монах просочился в неё и тут же захлопнул за собой. Вдвоём в комнатке стало тесновато.

– Веко! – поклонился монах. – В лесу король повстречал человека. Велел взять его с собой. Мы его проверили. Окультурные книги, травы для снадобий, неизвестные порошки. Однозначно он из Серых, – монах поднёс руки к губам. – Говорить отказывается. Сказал только, что с королём будет говорить или с Веком.

– Вот как. Со мной значит. А с чего он взял, что я захочу с ним говорить?

– Хранитель просил не убирать его до утра. Король хочет с ним пообщаться.

– Ну, а что... Что, если ваш дружок захочет сам уйти? Ладно. Ладно-ладно, – забубнил под нос Лиам, выглядывая из окошка.

Он поискал в толпе незнакомца из леса. Тот уже си-

дел за одним из столов, приставленный монах сидел рядом. Всё бы и ничего, но незванный гость издалека смотрел прямо в глаза Лиаму, как будто между ними не было стен.

– Вот так, да?.. Ну, хорошо же.

Лиам вывесил зелёную ленту вместо жёлтой, и незнакомец сразу поднялся из-за стола и направился к проходу, ведущему к нему. Приставленный монах чуть замешкался и засеменил за ним.

– Ишь, какой резвый! – Лиам аж присвистнул. – Оружия не нашли? Хотя да... какое там...

– Тут допросите? Или к нам?

– Ты тут останься. Смотри в оба.

Лиам вышел в коридор и отошёл на пару ярдов от двери, скрытой гобеленом, встав в тени. Из-за угла сначала появилась дрожащая в свете факелов тень человека, а уж потом белокурый путник и сопровождающий его монах.

«Вряд ли Джордж перестал отбрасывать тень... – в ужасе пронеслось в голове у Лиамы, – Да... Это вам не деревенская ведунья. Тут у нас гости посолиднее... Но тень ведь только одна... Одна!».

Внезапно, как будто прочитав его мысли, серый странник остановился, наклонился до пола, словно что-то поднимая, и тут же выпрямился, как бы вытягивая из-под себя тень.

– Почудилось тебе, Веко! – сказал странник. – Здравствуй!

– Идём! – чуть надломленным голосом проговорил Лиам

и привёл гостя в штаб братства.

Войдя внутрь, он стукнул два раза каблуком о пол, и дежуривший внутри монах с сопровождавшим путника братом Джорджем вышли, встав на страже.

– У меня мороз по коже от него, – прошептал Джордж, передёрнувшись.

– Кто это?

– Чернокнижник какой-то. В лесу подобрали.

Напарник улыбнулся, проведя большим пальцем по горлу. Джордж неоднозначно потряс головой.

– Чего это?

Джордж поёжился, ничего не ответив.

* * *

– ... а Его Величество ухватил лису за загривок. Я испугался, думал, что она ему в руку вгрызётся. А он ка-а-ак врежет ей по носу кнутовищем, – и Морис закрыл глаза, высушив язык.

Дружный хохот пронёсся по залу.

– За короля Льенара! – поднимая кубок над головой, прокричал Морис.

– За Короля! – грянул зал, и музыканты заиграли «Славься».

Льенар, не вставая, поклонился и, отпив немного из кубка, подозвал к себе брата Гарри.

– Где он?

– С ним Веко.

– Какого чёрта?! Что происходит за моей спиной? – взволновался король.

– Странник сказал, что будет говорить только с ним. Ну и с Вами, конечно, тоже... – брат Гарри поклонился.

– Я иду в мою трапезную. Вели принести туда снеди и вина. Морис! – позвал Льенар сидящего справа от него Хранителя.

Но тот был увлечён беседой с Князем Корнфилским. Князь изрядно набрался и растерял всю свою напыщенность. Похоже, он проникся симпатией к молодому повесе. Пару раз они уже обнимались и целовались.

– Морис! – король наступил ему на ногу.

– ...и говорит таким томным голосом: «Я вся горю!» А а у самой... – Морис давился от смеха, – юбка от костра загорелась! Ха-ха-ха!!!

Князь с хохотом повалился на бок, обнимая Мориса за плечи. Морис же поглядел совершенно трезвыми глазами на Льенара и кивнул ему.

– Сэм, дорогой – приобнял он князя. – Я во двор! Мне надо! Никуда не уходи! Я сейчас верн... верн... минуточку!

– Иди! – не мог успокоить смех князь. – Иди! Ох, рассмешил! Ох...

Морис, шатаясь, побрёл за королём, но, как только они вышли из зала, походка его стала ровной и взгляд прояснил-

ся.

– Почему Веко с этим человеком?! – Льенар сурово посмотрел на друга.

– Ничего страшного! Просто проверит. Поговорит.

– Я желаю его видеть в своей трапезной. Немедля!

– Веко?

– Нет! – король даже взвился. – Путника этого ко мне!

– Хорошо. Я распоряжусь. Только Веко спрошу...

– Немедленно! – процедил сквозь зубы король. – Если ты так беспокоишься, можешь посидеть за ширмой. Как тогда.

– Ага. Хорошо. Я понял. Как тогда... А я уж думал, что растерял твоё доверие. Сейчас! Сейчас всё сделаем.

Льенар уселся за стол в своей трапезной в ожидании странника. Налил сам себе вина. Взял кубок, покрутил в руках и поставил обратно. Потайная дверь за его спиной скрипнула, но король даже не обернулся, он знал, что это Морис вошёл и сел за ширмой. Пять ударов в дверь с разными интервалами.

– Войди, Лиам! – крикнул Льенар.

Вошёл Веко и остался стоять у двери.

– Привёл?

– Привёл, Ваше Величество!

– Ну?

– Я бы советовал отправить его восвояси. Говер мне свидетель, это сильный Серый. Конечно, это опасно. Опас-

но, как ребёнку с огнём играть. Сила в нём нереальная... Но огонь может быть и полезен. Поэтому, Ваше Величество! Очень осторожно! Таких людей нельзя обижать, но и нельзя им давать собой управлять... Покойный батюшка ваш... Тоже прибежал к их помощи. Редко. Неохотно, и с дозволения Века. Да что там, один раз всего лишь, и то был крайне зол! Я даю своё дозволение. Он может быть полезен. Мне он почти не открылся и цель его мне не ясна.

Видно было, что Лиам не сильно верил в свои слова.

– Довольно! Я понял. Впусти.

Лиам открыл дверь, впуская странника, сам же поспешил выйти. Человек в плаще подошёл к столу.

– Ну, что же, теперь скажи мне своё имя и кто ты такой. Хватит тайн.

Морис через щель в ширме заметил, как серый посмотрел в его сторону. «Понял, что король не один, чувствует... Проходимец», – подумал Хранитель.

– Ваше Величество, – приятным голосом произнёс незнакомец. – Что Вы хотите услышать? Моё имя Вам ничего не скажет, а история моя очень долгая.

– И дерзости тебе не занимать. Я не привык повторять свои вопросы. И у меня достаточно времени. Садись, выпей, поешь. Расскажи свою длинную историю.

– Спасибо, но я постою, – ответил странник, но всё же подошёл ближе.

За ширмой Морис приподнял арбалет.

– Я долго шёл, из другой страны. Настало время. Но, когда пришёл на Ваши земли, я почувствовал себя как дома, которого у меня нет. – с придыханием говорил он.

– Лесть, – улыбнулся Льенар, – Тебе что-то нужно от меня. Что?

В ответ тот загадочно улыбнулся:

– Позвольте мне остаться при Вас. Я смогу быть полезен, Вы не пожалеете.

– Чем же? Я не держу при себе бесполезных людей.

– Дайте мне свою руку, – проигнорировав вопрос, попросил странник.

Король недоверчиво протянул ему руку, незнакомец крепко сжал её и закрыл глаза. Через мгновение он заговорил:

– Несмотря на свою молодость, ты прошёл через многое. Умён. Талантливый правитель. Твоих родителей уже нет в живых, ты тоскуешь по матери, которую не видел и не помнишь. У тебя нет друзей, – он улыбнулся, кивнув на ширму, – кроме одного. Твоё сердце холодно, как лёд, ты никогда не любил. Ты скучаешь по своей собаке Харди, которую тебе подарил отец. Ты похоронил её у вяза возле конюшни. А вместе с ней положил в землю её любимую подстилку. Ты плохо спишь, часто видишь повторяющиеся сны. В этих снах тебя преследует красный волк. Когда умирал твой отец, ты дал ему кое-что...

– Хватит! – крикнул Льенар, но не мог отнять свою ру-

ку. – Лиам сказал? Веко сказал? Кто ты такой? Ты просишь остаться при мне, а почему бы мне не отдать тебя под суд церкви? Чернокнижники горят, как хворост! Видел я твои книжечки-баночки. – Льенар, будучи не в силах высвободить свою руку, сильнее сжал ладонь незнакомца, встав со стула.

– А колдуны ли горят? – хмыкнул гость.

– Не понимаю, о чём ты.

– Настоящие колдуны найдут способ скрыться от преследователей, даже не приложив усилий. А те, кто полыхает на кострах, просто измученные пытками невинные жертвы, которых обвиняют по причине своего невежества и скудоумия.

– Мы ушли от главной темы разговора, – Льенар напрягся и попытался отодвинуться, но Серый держал его.

– Я не боюсь суда церкви. Я никого не боюсь, – ответил он.

– Да уж! Скорее, церковь тебя боится. Тогда зачем тебе моё покровительство?

Странник внимательно посмотрел в глаза Льенара, будто искал в них ответы на какие-то вопросы. Хитро растянув губы в улыбке, незнакомец отпустил его ставшую влажной руку и сказал:

– Мне не нужно ваше покровительство. Я сейчас же уйду. Морис удовлетворённо кивнул, прижав ладони к губам.

– Я мог бы оставить тебя при себе, – Льенар снова сел. – Ты сказал, что можешь быть мне полезен, так расскажи, чем. Кроме того, ты знаешь обо мне то, чего знать не должен. Надёжнее, мне кажется, отправить тебя на костёр.

– Разве Лиам не предупреждал Вас об осторожности? Разве не говорил, что обижать Серого небезопасно? Огонь может обжечь, а может согреть. Но мне нравится твоя смелость, молодой король! Ты поступаешь сейчас, как на охоте. Хватаешь лисицу за загривок и надеешься убить её раньше, чем она вгрызётся тебе в руку. Успеешь? Я не скажу тебе о своей цели. Но скажу вот что... Послушай! Твоё королевство умножилось благодаря пролитой крови. Не ты этому виной. Но ты не дурак и понимаешь, что, возможно, платить придётся тебе. В любой момент всё может рухнуть. Сей-

час там, внизу, двое поспорят, чей камзол богаче, и может начаться новая резня. Я могу помочь укрепить твою власть и королевство. Казна пустеет. Тебе нужно затыкать золотом пасти эсборских волков. Ты не можешь задрать сейчас налоги, твои новые подданные будут недовольны, и никто не знает, во что это выльется. А брать с фортрессцев больше, чем с эсборцев, ты тоже не можешь. Свои же взбунтуются. А он, – серый кивнул на ширму, – хоть и умён, но ещё не мудр. Молодость... А я могу помочь и в этом деле. И вот ещё что. Я вижу не только тайны прошлого. Мне доступна и тайна будущего. Через пару лет здоровье твоё тебя подведёт. Вот когда я действительно пригожусь.

– Ладно говоришь! И про здоровье так прям... К месту. Пугать пытаешься?

– Зачем же пугать? Предупредить.

– Хорошо, – Льенар решительно хлопнул ладонью по столу. – Раз ты такой могущественный... Э-э-э... Как там называют... Серый? Да? Докажи! Я уже понял, что ты можешь за ручку подержать, как цыганка. Но после цыган денег становится меньше. Покажи, что ты сделаешь, чтобы их стало больше! И тогда поговорим. Завтра я пришлю за тобой, и ты сможешь показать на что способен. Сейчас иди! Ты меня утомил. Тебе дадут комнату, ужин, и одежду.

Льенар сам открыл дверь и дал монахам распоряжения. Когда чернокнижник вышел, король пригласил войти Веко.

– Ваше Величество! Всё хорошо? – обеспокоился Лиам. –

Что он...

– Умоляю, прогоните его! – выскочив, как ветер, из-за ширмы, затараторил Морис. – Он не должен здесь находиться. Он опасен! Чутьё никогда меня не подводило. Одумайтесь!

– Что ты так перепугался? – удивился Льенар, – Что за глупость? Вреда от него не будет. Я хочу посмотреть, на что он способен. Если ни на что, выгоню вшаей. Он много наговорил, и теперь должен либо оправдать свои слова, либо как-то выкрутиться. И мне интересно, как он это делает.

– Ваше Величество! – Лиам взял за руку Мориса, призывая того к молчанию. – Вы ему что-то обещали? Или он Вам? Расскажите.

– Морис всё слышал. – Льенар взял кубок и пригубил. – Он утверждает, что он Серый. Говорит, что силён. Предлагает помощь в управлении королевством. Вообще весь разговор путаный какой-то получился. Имя он так и не назвал своё...

– Да! – прервал короля взволнованный Хранитель. – А ещё он говорил о болезни!

– Что значит о болезни? – побледнел Лиам. – О какой болезни?

– Э-э-э... – протянул Льенар, – Бормотал что-то о моём здоровье. Дескать, через несколько лет я могу захворать, и вот тогда-то он и пригодится по-настоящему. Я так уто-

мился! Давайте всё это до завтра отложим. Завтра послы будут от Торгового Союза. Я хочу его испытать на них.

– Испытать?! – Лиам даже присел. – Вы хотите испытать Серого? Вы ему об этом сказали?

– Да. Сказал, – безразлично ответил король, приложив пальцы к вискам.

– А он что?

– Да ничего. Он вроде согласен.

– Говер! – Веко нащупал стул и сел. – Да где это видано, чтобы Серый соглашался или отказывался? Они делают то, что считают нужным. Ни у кого не спрашивают разрешения. Я ничего не понимаю! Может, он и вправду шарлатан и только прикидывается Серым?

– Да нет! – король сел рядом с Лиамом. – Он знает о кисете.

Лиам уставился на короля, как будто увидел самого Говера. Так и сидел с отвисшей челюстью и выпученными глазами.

– Каком кисете? – Морис встал за спинкой стула Лиама. – Что за кисет?

– Морис, – король закрыл глаза, – У меня от тебя нет тайн. Ты моя правая рука, уши и даже нос. Но Лиам... Он мой духовник. Понимаешь? Ты – рука, он – душа! Есть один маленький секретик у нас с Лиамом. Прости.

– Один?

– Один.

– Ладно. Один – это ничего. – Морис тоже сел за стол, недовольно говоря под нос. – Я, может, тоже заведу себе... Какой-нибудь секрет. Да! Прямо завтра начну.

Веко наконец пришёл в себя и потянулся за вином.

– У него не было тени, – Лиам налил кубок до краёв и держал его в руках. Капли красного вина стекали по стенкам кубка, пробегали по дрожащим пальцам и, срываясь, падали на белую салфетку, оставляя кровавые разводы. – Он шёл по коридору, и тени от него не было. Когда я только подумал, что тени нет, знаете, что он сделал? – Лиам залпом осушил бокал.

Молодые люди смотрели на него, не отрываясь. Веко взглянул им по очереди в глаза.

– Он достал тень из-под себя.

– Как это? – Морис весь подался вперёд.

– А вот так! Нагнулся и рукой вытянул из-под ног. Ваше Величество! Льенар! Морис! Я боюсь, мы выпускаем в курятник лису! Я Серых повидал. Ужасу они наводят много. Дурманят ум. Мерещится от них всякое. Я с ним говорил. Ну да... Колдун... – Лиам развёл руками, – Ну, сильный. Говорит, пришёл издалека. Откуда – не говорит. Сказал, что поманила его Сила, и он шёл по зову, пока Вас в лесу не встретил. Ну, думаю, Говер его ведёт. Они «Силой» называют волю Говера. Значит, думаю, надо вам поговорить. Но тут вот такая закавыка... Что Серый делает – другой не ведает. Они как бы невидимы друг другу. И то,

что он знает про кисет... – Лиам осёкся, поглядев на Мориса, но, махнув рукой, продолжил, – В общем, тут что-то не так... Или он так силён, что его можно королём Серых назвать, или... Ничего не понимаю. Путаница какая-то. Может, он нам уже разум мутит...

Отбросив стул, Морис вскочил на ноги и запустил руки в волосы. Пройдя несколько шагов, он остановился и взволнованно закричал:

– Вы все так спокойно об этом говорите? Очнитесь, наконец! Мы не знаем, кто он, откуда пришёл, из каких дальних или близких стран этот «человек», как он мог неожиданно оказаться на землях Фортресса?? Помимо всего, сильного колдуна привели в замок, и он ещё смеет пугать короля?! А что будет дальше? Может быть, все вместе покоримся ему и упадём в ноги, прося оставить в живых?!

Лиам поднял ладонь.

– Успокойся, прошу. Ты слишком горяч и многих вещей не понимаешь, хотя с твоим умом ты всё должен видеть лучше остальных.

– Есть у нас на него сила? – спросил тихо Морис. – Можем мы его прогнать, например? Сжечь на костре? Отравить?

– Можем. Последствия только предугадать нельзя. Его можно изгнать с наших земель, но, как ни крути, сейчас нам это не под силу. Помнится мне, я как-то читал послание полувековой давности, один из наших служителей церкви писал, что предостерегает опрометчивых храбрецов, утвер-

ждающих, что они не боятся нечистой силы, от того, чтобы они не пытались бороться с ней обычной оружием, какое человек использует против человека. Они могут нанести себе непоправимый вред. Один такой смельчак пытался пройтись нечистого мечом, а меч разлетелся на куски прямо у него в руках и жестоко ранил хозяина. Безумием было бы сражаться таким способом с любым из Серых... Будь то существо с неба или из недр преисподней. То, что колдун говорил про болезнь, это не предостережение.

– Угроза? – Льенар усмехнулся, но уже невесело.

– Я думаю, это гарантия, – Лиам взял кубок, чтобы наполнить его, и внезапно уставился на салфетку. – Гарантия... – мямлил он, не отрывая взгляда от салфетки, – Он уже, как бы... Навёл порчу... С отсрочкой, что ли... Гарантия... Да... И сможет снять только он... Что это?

Лиам взял со стола салфетку, долго смотрел на пятна от красного вина на ней, потом покрутил её и, расправив перед собой, показал Льенару. Винные пятна на салфетке отчётливо сливались в рисунок: бегущий красный волк.

Глава IX

За завтраком Морис заметил обеспокоенность Льенара. Король не проронил ни слова, почти ничего не съел, был бледен и нервно кусал губы. Наконец, как будто приняв решение, он резко встал из-за стола и потребовал, чтобы в тронный зал привели Серого. Морис понимал, что нет смысла сейчас перечить королю. Льенар перенял черту отца: чем большее сопротивление он встречал, тем усерднее стремился к исполнению своего решения.

Хранитель молча последовал за королём в зал. Он встал справа от резного трона, наблюдая за происходящим. В зал заходили вельможи, обязанные присутствовать на встрече посольства. Поклонившись королю, они занимали отведённые им места. Одетый в голубую рясу с кровавым глазом Говера, к трону подошёл Веко и, поклонившись, занял место слева от трона.

– Я отвык видеть тебя в таком облачении, – нервно ухмыльнулся король, – Ты хоть молитвы помнишь?

– На орден легло слишком много новых задач, Ваше Величество. Теперь лучше оставаться незаметным. Но без помощи Всезнающего мы бы не справлялись. Молитва всегда во мне.

– Как и форгийское. Где он?

– Уже ведут.

Двое монахов привели колдуна, и Льенар жестом велел ему приблизиться.

– У меня есть для тебя первое поручение, – сказал он, – Покажи, на что способен.

При этих словах Веко вздрогнул и посмотрел на Льенара. его и без того светлое лицо было бледней обычного. Он напустил на себя безразлично-надменный вид, но взгляд его так и впился в колдуна, стоявшего перед ним. Пальцы, унизанные перстнями и полузакрытые тяжёлыми, отороченными бобровым мехом рукавами, сжимали подлокотники трона сильнее, чем рукоятку меча.

– Сегодня прибыло посольство от торгового союза, чтобы заключить договор. Есть несколько уступок, выгодных для меня, на которые, как я знаю, они никогда не пойдут. Так вот, мне нужно, чтобы они согласились на все условия, которые я им выдвину.

Колдун молча выслушал задание, опять улыбнулся своей загадочной улыбкой и, поклонившись, встал рядом с Морисом. Не обрадованный таким соседством Хранитель брезгливо покосился на колдуна.

– Стоит ли ему у трона стоять, Ваше Величество? – прошептал Морис, наклонившись к Льенару. – В зале полно места.

Король отмахнулся от Хранителя:

– Пусть стоит, где хочет.

Придворные бросали взгляды на незнакомца, неизвестно

откуда взявшегося рядом с тронем, и задавались вопросом, что тут делает этот вчерашний оборванец. Недоумевающий шёпот зазвучал в зале. Заблестели косые взгляды. Но вскоре общее внимание привлекло что-то поважнее: двери распахнулись, и вошло посольство.

Одетые обманчиво скромно в чёрные тёплые плащи купцы приблизились к трону с надлежащим почтением и, степенно раскланявшись, приветствовали короля. Льенар ответил им со сдержанной любезностью и спросил, благополучно ли они добрались через море. Глава посольства, высокий и крепкий, с лицом не менее надменным, чем у самого короля, заверил его, что путешествие прошло как нельзя лучше, хвала Говеру; в его речи был едва слышен заморский акцент. После обмена любезностями король поднялся и пригласил их следовать в трапезную. В подготовленном для переговоров зале стоял длинный непокрытый дубовый стол. Льенар занял подобающее ему место во главе, справа от него расположились Хранитель Большого Ключа, Хранитель Малого Ключа, отвечающий за дела казны, Веко Ока и Мастер Печати, который был здесь для заверения договоров. По левую руку от короля разместилось посольство Торгового Союза. Вдоль стен стояла королевская стража и трое монахов, одетых слугами. Колдун встал у камина и почти растворился в его тени. Как только переговорщики расселись за столом, монахи расставили перед ними чаши, наполнив их вином, и выставили на стол каравай хлеба. По традиции перегово-

ры начинались с заверения друг друга в чистоте намерений, что сопровождалось преломлением хлеба и распитием символической чаши Говера.

Льенар разломил хлеб на две части и передал по половине на оба края стола.

– Преломляя с вами этот хлеб, – произнёс Льенар клятву, – я заверяю вас в чистоте своих целей и помыслов.

Веко приложил при этом руки к губам. Приняв из рук короля половину каравая, глава посольства ответил клятвой:

– Принимая этот хлеб из твоих рук, мы принимаем твою клятву и в ответ заверяем тебя в чистоте своих целей и помыслов.

Отламывая по куску, хлеб передавали из рук в руки, пока у всех сидящих за столом не оказалось по ломтю. Веко поднялся со своего места:

– Отец отцов наших и всего, что имеет сердце! Глаз Твой да зрит на нас непрестанно. Длань Твоя да сбережёт нас от дорог, не к Тебе ведущих! Направь на путь верный, прямой. Вручаем тебе самих себя! – Лиам читал молитву, а сам украдкой посматривал на тень у камина, но разглядеть, кроме хитрой ухмылки, ничего не смог. – Очисти помыслы наши от скверны. Очисти стол сей от коварства и нечисти, и сидящих за столом сих благослови на дела светлые.

Веко закончил молитву, и все присутствующие, поцеловав свои руки, опустили хлеб в вино. Сделав по глотку, передали чаши монахам, чтобы те отнесли их к алтарю. Льенар жестом

предложил начать Хранителю Малого Ключа. Тот, поднявшись с места, откашлялся:

– Ваше Величество! Ваше Превосходительство, господин посол! Господа! Все мы знаем повод, по которому здесь собрались. В предварительной переписке мы оговаривали некоторые предложения и условия, которые сегодня надлежит обсудить. Всё же, чтобы исключить недопонимания, осмелюсь кратко напомнить. Первое: королевство Фортресс и Эсбор предлагают к продаже шерсть и сукно. На сегодняшний день Торговый Союз закупает эти товары у королевства Эстер. Хотя, – он поднял к потолку палец, – до известных событий покупал эти товары у Эсбора. Объединённое Королевство Фортресс и Эсбор, являясь правопреемником бывшего королевства Эсбор, считает себя вправе предложить возобновить поставки Эсборского сукна и шерсти Торговому Союзу от лица Объединённого королевства. Из нашей переписки я осмелился сделать вывод, что Торговый Союз готов обсудить возможность подобной сделки при условии соблюдения взаимовыгодных условий. В частности, нам следует обсудить вопрос цены поставки и её объёмов. Качество сукна и шерсти из Эсбора не вызывает никаких сомнений.

– Безусловно, – кивнул посол, – качество Эстерской шерсти не идёт ни в какое сравнение с Эсборской. Зато цена привлекательна.

– Ваше Превосходительство! Всё это мы обсудим. Вернёмся к вопросам. Второй вопрос также касается поставок,

но в данном случае Королевство Фортресс и Эсбор выступают в роли покупателя. Торговый Союз поставляет для королевства Фортресс и Эсбор соль. Ранее, до объединения королевств Фортресс и Эсбор, поставки от Торгового Союза на эти территории было раздельным. И цены, как мы выяснили, несколько отличались. Теперь же, после объединения, поставки идут централизованно, причём через порт Рейма. Надобность в доставке товара до Фортресса отпала, – Хранитель Малого Ключа развёл руками, – транспортные расходы, возложенные на себя Торговым Союзом, заметно сократились. Морской путь уменьшился почти вдвое. Внутренние перемещения целиком и полностью берёт на себя покупатель. Этот вопрос тоже обсуждался в переписке, и Торговый Союз также готов обсудить новые расценки.

– Да. Мы не исключаем возможность некоторых уступок с нашей стороны, – посол выпятил нижнюю губу, – В пределах разумного, безусловно.

– Итак, – продолжил Хранитель Малого Ключа, – вопросы ясны, и, если возражений нет, мы могли бы приступить к обсуждению поставок сукна и шерсти.

– Если позволите, Ваше Величество, – глава посольства указал на одного из своих подопечных, – Карл опишет для нас положение дел на сегодня.

– Что ж... – Льенар приглашающе повёл рукой. Худощавый Карл с потеющим носом и дрожащими руками поднялся со своего места.

– Ваше Величество! Ваше превосходительство! Господа! Как уже сказал Хранитель, до объединения Королевства Фортресс и Эсбор Торговый Союз закупал шерсть и сукно у Эсбора. Цена, надо сказать, была немалая. Четыре золотых за десять тюков пуха, два за десять ости и один за мёртвый волос, также за десять тюков. Шерсть была отличного качества, и объёмы в лучшие годы достигали десяти тысячи тюков пуха. Остальное в расчёт не бралось. Мы вынуждены были отказаться от поставок из Эсбора ввиду расторжения договора из-за упразднения королевства Эсбор и перевести закупки в Эстер. По итогам этого года было закуплено четыре с половиной тысячи тюков всех видов. Более половины – мёртвый волос. Это связано с неурожайным годом – Эстер забывает скот. Предполагаем, что в следующем году Эстер не сможет удовлетворить потребности Союза в шерсти. Посему союз рассматривает Ваше предложение возобновить поставки Эсборской шерсти как привлекательное. С тем учётом, что королевство Фортресс и Эсбор смогут гарантировать объём поставки в размере не менее восьми тысячи тюков пуха в год. Поскольку объёмы поставок из Эстер не удовлетворяют спрос на материке. Если мы сможем договориться по ценам, то поставки можно начать со следующего месяца. Сукно. Тут, без сомнения, Торговый Союз готов рассматривать ваши предложения, поскольку поставки из Эстер настолько малы, что ими можно пренебречь.

Карл проглотил сухой ком в горле и, поклонившись,

сел на место.

– Вот, собственно, – натянуто улыбнулся глава посольства, – Так на сегодня обстоят дела. По первому вопросу...

– Восемь тысяч тюков шерсти, а сукна сколько вы желали бы получить? – Хранитель Малого Ключа прищурился.

– Побольше, чем из Эстер, – рассмеялся посол, – По крайней мере, мы рассчитываем ежемесячно получать по триста ярдов неокрашенного.

– Хорошо, – взял слово Льенар, – я уверен, что объёмы мы удовлетворим. В этом можете не сомневаться, так же как в качестве. Цена? Вопрос цены. Думаю, что при такой неудовлетворённости рынка мы вправе требовать по шесть золотых за десять тюков пуха, три за ость. – Хранитель Малого Ключа так выкатил глаза на короля, что, казалось, они выпрыгнут из орбит. – Мёртвый волос мы готовы отдать по той же цене, что ранее Эсбор.

На лице посла не дрогнул ни один мускул:

– Ваше Величество, возможно, шутит. Таких цен на шерсть не было даже после овечьей чумы.

– Один золотой за пять ярдов сукна, – продолжил король, – справедливая цена.

– Невероятная... – посол закашлялся.

Кашель никак не отпускал его, он шумно вдыхал, хватаясь за грудь, и через минуту побагровел. Вокруг него засуетились подопечные, стуча по спине и подсовывая чашу с вином. Так же внезапно кашель отпустил посла. Утирая плат-

ком слёзы с глаз, охрипшим голосом он продолжил:

– Цена, возможно, и невероятная. Но, трезво подумав, я понимаю, что выбора у нас нет. Мы не найдём другого поставщика, – обратился он к подчинённым, – Готового и тем более гарантирующего выполнить требуемые объёмы. – Посол шумно вдохнул и, секунду помолчав, продолжил, словно через силу. – Для приличия мы могли бы поторговаться до цен Эсбора, но, думаю, мы в состоянии платить и предложенную цену.

Члены посольства, потупив взгляды, молча одновременно кивнули, выражая согласие.

Льенар проследил за взглядом Лиама. Тот, не отрываясь смотрел на тень у камина.

– Ну, вот и славно... – произнёс король, – Договор готов, осталось проставить цены и подписать. Мастер Печати, проставьте оговорённые цены. Теперь второй вопрос. Соль. Поскольку объёмы закупок возросли, мы бы хотели получить скидку. Думаю, что золотой за мешок будет достаточной ценой. Транспортный расход при этом Торговый Союз возьмёт на себя.

Хранитель Малого Ключа заёрзал на стуле. Посол выпучил глаза и неожиданно для самого себя согласился:

– Приемлемо.

Посольство дружно кивнуло.

– Ну, что ж... Если мы всё решили, остаётся поставить подписи. Договора готовы?

– Я только внесу пункт о транспортных расходах, – Мастер Печати дрожащей рукой что-то дописывал в свитках, – Такого я не ожидал...

– Не торопись, – ухмыльнулся Льенар.

Один из монахов-слуг приоткрыл дверь и сделал знак рукой. Через минуту монах в рясе внёс писание Говера, и обе стороны, подписав договоры и приложив перстни к сургучу, по очереди возлагая руку на богато украшенный переплёт, дали слово соблюдать условия соглашения. Морис украдкой посмотрел в сторону камина, где тёмной тенью стоял Серый, и заметил, что, когда священное писание проносили мимо него, тот отвернулся и прикрылся плечом.

Посольство покинуло трапезную. Как только двери за ними закрылись, к Льенару тотчас же ринулись Хранитель Малого Ключа и Мастер Печати, совершенно сбитые с толку:

– Ваше величество, простите, но как... Вы предложили такие условия! Это же огромный риск!

Король усмехнулся:

– Как видите, этот риск оправдал себя. Ступайте! Договор подписан.

Льенар взглянул на Мориса. Тот откровенно вытаращил на него удивлённые глаза. Король ухмыльнулся, а потом обратился к стоящему у камина:

– Ну что же, подойди!

Серый приблизился, не торопясь, и король посмотрел на него, сияя от восторга и удовольствия:

– А ты хорош! Ты очень хорош! Как вспомню их лица, – он рассмеялся низким грудным смехом. И, шагнув навстречу чернокнижнику, развязал бечёвки его серого плаща и, резко дёрнув за складку ткани на плече, сбросил его на пол. Король снял с себя плащ из дорогого сукна, подбитый мехом, и набросил на худые плечи колдуна. Затем сам застегнул серебряную пряжку:

– Это тебе больше подходит. Дай руку, – он стянул один из своих перстней и, взяв колдуна за руку, надел кольцо на его палец; в свете оплывающих свечей тускло блеснул изумруд.

Колдун мельком устало взглянул на кольцо на своём пальце:

– Ваше величество! Я не заслужил такие подарки.

Он поднял с пола свой скинутый старый плащ.

– Я лучше надену свою одежду, ваш подарок слишком дорог для меня.

Морис стоял позади своего друга и всё не мог понять, что произошло. Самый последний торговец не согласился бы на такие невыносимые условия, даже если сама смерть подстерегала бы его за воротами замка. Морис, отведя короля за локоть в сторону, зашептал:

– Ваше Величество! Посольство согласилось на такие условия! Ни один уважающий себя купец не согласился бы... Неужели вы не боитесь? Этот Серый затмил их разум. Что стоит ему сделать тоже самое с нами, с Вами? Оседляет

и поедет! Куда он нас приведёт. Для него это все цветочки!

Морис, охваченный паникой, схватил короля за плечи обеими руками и принялся трясти его. Он смотрел в глаза Льенару взглядом, наполненным тревогой, и уже готов был броситься перед королём на колени и умолять его прогнать колдуна прочь. Льенар даже не смотрел на друга. Казалось, что он был охвачен какими-то чарами.

– Морис! Не будь бабой, – небрежно бросил король, – Этот человек только что обеспечил немалый доход нашему королевству. И ты прав – это цветочки. Если, конечно, купцов не перевешают на родине. Но договор-то уже есть, и расторгнуть его нелегко, – он улыбнулся колдуну и снова обратился к нему:

– Я буду решать, что годится, а что нет! От королевских подарков не отказываются. Стоящий рядом со мной должен быть подобающе одет.

Несмотря на высокомерную речь, он смотрел на колдуна с мягкостью во взгляде. В первый раз Хранитель видел подозрительного и недоверчивого Льенара таким неосторожным.

Колдун пристально посмотрел королю в глаза и улыбнулся, и на этот раз его улыбка казалась ласковой и снисходительной, будто перед ним стоял ребёнок.

– Благодарю, – он опустил голову, светлые волосы почти полностью закрыли его лицо.

Веко поманил к себе Мориса. Они отошли в дальний конец зала.

– Морис! Ты заметил, что Серый смотрит только на Льенара? Как если бы они были наедине. Он даже на посольство не смотрел, когда свои чары наводил... Как будто рядом вообще никого нет!

– Меня от него трясёт. Когда он рядом, у меня чувство, что по спине змея ползает.

– Морис, Морис, – сокрушённо покачал головой Веко, – как бы мы не натворили беды.

– Надо было его в лесу застрелить! – Морис раздосадовано хлопнул себя по бёдрам, – Я же держал его на прицеле!

– Так бы он тебе и дал!

– Что же делать?

– Пока смотри за ним. Подмечай. Пошли к столу.

* * *

Стол ломился от изобилия изысканных блюд и горячительных напитков. Посольство не ожидало такого тёплого и щедрого приёма. Они удивлённо шептались, вспоминая, кто ещё из королев устраивал им такую роскошную трапезу. И, не припомнив ничего подобного, послы принялись за угощения.

Морис, заняв своё место по правую руку от Льенара, внимательно следил за ним. Он заметил, как король поискал кого-то глазами среди гостей. «Слава Говеру, что король хотя бы не вздумал сажать его с собой за стол!» – подумал Мо-

рис. Но Льенар всё время обеда был неспокоен, и, когда отвлекался от бесед, взгляд его становился рассеянным.

– Поешь, – сквозь зубы сказал ему Хранитель, улучив момент.

– Да-да, – кивнул король, казалось, не понимая смысл сказанного.

– Не слушаешь меня, – Морис слегка толкнул его коленом под столом, – Сидишь как зачарованный.

Льенар наконец взглянул на него:

– Один его неверный шаг, и я выгоню его, не сомневайся.

Но пока он мне нужен.

– Выгонит... Так он и ушёл! Забыл про два года?!

– Будь рядом.

– Я всегда рядом, – отозвался Морис, чувствуя, как его сердце сжимается от тоски.

В самый разгар застолья, когда уже и с послов сошла напыщенность, и худосочный Карл начал горланить непристойные песенки на радость всем присутствующим, Льенар почувствовал безотчётный страх. Внезапно внутри у него всё похолодело, липкий пот выступил на лбу, и пальцы на руках предательски задрожали мелкой дрожью. Льенар встал. Песни и хохот сразу умолкли.

– Я поднимаю этот кубок, – надтреснутым голосом начал он, но тут же поправился, откашлявшись, – За долгие плодотворные торговые связи между нашим королевством и Тор-

говым Союзом. Мира и процветания всем! Договора, заключённые сегодня, скрепят нашу дружбу и позволят нам развиваться и крепнуть!

За столами разнеслось постукивание кубками и одобрителный гомон. Льенар кивнул Морису, и они вышли из зала. Двое монахов последовали было за ними, но Льенар дал знак, и монахи встали на пост у дверей, прикрыв их за королём и Хранителем.

Поднявшись в королевскую трапезную, они остались наедине. Льенар шумно выдохнул и будто обмяк. Он подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу и посмотрел в ночное небо:

– Морис, я не знаю, что мне делать. Со мною что-то не так. Найди Серого немедленно! Я хочу поговорить с ним. Боюсь, ты был прав, он околдовал и меня. Я прикажу ему снять с меня наваждение и проваливать отсюда!

– погоди! А как же его угроза? Что говорил Веко о страховке? Помнишь?

– Пусть требует, что хочет. Снимает свои чары и катится на все четыре стороны. Я заплачу ему, сколько попросит. Могу его сделать бароном, графом, отдать ему половину Эсбора! Только бы не видеть его!

Льенар поднял к глазам руку. Пальцы тряслись, как у старой прачки. Сжав их в кулак, он спрятал руку за спину.

– Я позову Лиама! Никуда не уходи, – озабоченно сказал Морис и вышел.

Льенар видел, как за другом закрылась дверь. Гардины, колыхнувшись, ещё не вернулись на место, как замерли на полпути. Трепетный огонь на фитилях свечей и пламя факелов будто остановились. Тени на стенах перестали дрожать от неровного света. Время замерло. Король прислушался, но не услышал ни малейшего звука. Всегда живой замок с множеством скрипов, отдалёнными голосами, потрескиванием поленьев в каминах, звуками жизни – умер. Тишина поглотила всё вокруг. Тяжёлая тишина и мертвенный, холодный покой. Король услышал стук своего сердца, пульсирующий сильными ударами в голове.

– Ты хотел меня видеть? – раздался вкрадчивый голос колдуна за спиной Льенара. – Я пришёл.

Ни один мускул не дрогнул на лице короля, но чего ему это стоило! В висках у молодого монарха ещё сильнее застучало. Душа его похолодела, и колени отказывались держать обмякшее тело. Король медленно повернулся на голос и, надменно приподняв подбородок, посмотрел на тень у стены.

– Я звал тебя! Но в моём замке принято входить через двери. Или ты меня поджидал?

– Разве это важно? Ты звал меня, – тень почти вплотную приблизилась к королю, – И я пришёл. Я всегда приду.

Тут ночной гость принял человеческие черты, и Льенар почувствовал запах фиалок. Голова у него закружилась от невероятного аромата, который будоражил и пугал одно-

временно. Король сделал полшага назад, но невидимая рука подхватила его за спину и придвинула обратно к Серому.

– Что нужно моему королю? – колдун смотрел ему в глаза. – Я всё исполню.

– Что... Что мне нужно... – в горле Льенара пересохло и язык словно онемел, – Мне нужно... Нужно, чтобы ты снял... Все чары, что напустил на меня. Снял порчу. Ты сказал, что я заболею и ты мне понадобишься... Вотними эту порчу. Освободи меня! – фальцетом взвизгнул Льенар, и в углах глаз его блеснули слёзы.

Будто что-то отпустило Льенара, и ему удалось сделать шаг назад, отстранившись от Серого. Показалось, что дышать стало легче, и в ноги вернулась сила.

– Я заплачу! – отвердевшим голосом и уже увереннее сказал король, – Любую цену! Бери золото! Сколько надо бери и уходи! Не нужно золото? Я дам тебе власть! Сделаю тебя графом. Хочешь? Но подальше от меня. И ко двору ты являться не будешь!

– Ваше Величество! – Серый медленно наклонил голову и посмотрел исподлобья, – Вы... заблуждаетесь. – он усмехнулся, – Я не напускал на вас никакой порчи. Я пришёл к вам как друг. А отношения между друзьями строятся на доверии. Разве нет? Вы можете мне довериться?

– Мне трудно, – король отошёл ещё на шаг, – Трудно доверять тебе. Ты – не совсем человек! – он взмахнул руками. – Ты как змея! Как человек может довериться змее?!

– Обидны слова твои, мой король. Но! Я понимаю твои чувства. Ты боишься моей силы. А ты не бойся! Я на твоей стороне! И моя сила может стать твоей. Много ли людей вокруг тебя, кому ты мог бы довериться, как себе? Я такой! Мне можно! Поверь! Я бы мог стать тебе другом! – Серый придвинулся ближе, и невидимая рука вновь взяла короля за плечи. – Никакого предательства! Никакого обмана! Полное доверие!

Медленно, как во сне, поднялась тонкая рука Серого и протянулась к лицу Льенара.

– Полное доверие, – повторил чернокнижник и дотронулся своей горячей, как пламя, ладонью до бледной щеки Льенара.

Пару секунд король был в оцепенении, но, очнувшись, схватил Серого за тощее запястье и отбросил его руку:

– Хотел бы я в это верить... Хотел бы быть уверен, что ты не принимаешь меня за дурака. Завтра я пойду в собор и причащусь к дарам Говера. Если после этого мне не захочется тебя сжечь на костре, ты можешь остаться. Но и тогда не надейся, что сможешь управлять мной.

– Так и быть, – весело сказал Серый и подошёл к столу, – Сходи. Причастись! Но вот, что я тебе скажу... – Серый подхватил с блюда яблоко, подбросил его, и оно зависло под потолком, – Если бы... – он посмотрел в глаза Льенару, – Если бы мне было нужно напустить на тебя чары, – глаза его потемнели, – Ты бы так не переживал. Ты бы и знать не знал.

И мыслей бы не имел. Ты бы стал моей куклой!

Льенар слушал его, а сам смотрел на висящее над Серым яблоко.

– И вот эти волнения, – он безразлично потрянул в воздухе рукой, – Те, что тебя обуревают, и есть доказательство того, что ты свободен от чар.

Тут яблоко на глазах Льенара потемнело, сморщилось, стало чёрным и, наконец, осыпалось пеплом в то место, где только что стоял Серый. Самого ночного посетителя там уже не было. Голоса и звуки прорвались через колдовскую тишину, огонь в факелах задрожал, вновь заплясали тени на стенах. Дверь распахнулась, и ворвавшийся сквозняк поднял и разметал пепел по трапезной.

Вбежали Морис и Лиам, плотно закрыв за собой дверь. Льенар смотрел на них стеклянными глазами.

– Мы послали за ним. Мы будем за ширмой во время... – Хранитель осёкся, – Что с тобой?

– Ваше Величество! – Лиам потряс короля за плечо.

– Что... – Льенар пришёл в себя и сел на стул. – Почему так долго? Где вы были? – произнёс он голосом больного человека.

– Что случилось? – Морис сел рядом с другом.

– Он был здесь, – сказал король и провёл ладонью по левой щеке, – Был здесь...

– Кто, Ваше Величество? – Лиам сел напротив и положил ладонь на руку короля, лежащую на столе.

– Кто?! – возмутился Льенар и выдернул руку, – Тот, кого следовало ещё в лесу пристрелить! – король гневно обернулся на Мориса.

– Лиам! Его надо причастить! – сказал Морис, глядя в глаза Льенара, – Ты можешь сделать это сейчас в часовне Эдмунда?

– Как он сюда прошёл? – вместо ответа спросил Лиам, – Караул не пропустил бы его. У потайного дежурит брат Джордж. Он надёжен, как стена...

– Лиам! – повысил голос Морис, – Причастить!

– Не надо... – тихо сказал Льенар, – Без толку...

Он взял с блюда яблоко и крутил его в руках, разглядывая, как невиданную диковинку.

– Лиам причастит, прочтёт песнь очищения! Да, Лиам? – Хранитель в надежде смотрел на Веко, – Лиам?!

– Что?! – раздражённо ответил Веко.

– Вы же братство! Соберитесь все вместе, – Морис потряс кулаками, – И отслужите! Снимите заклятие!

– Нет никакого заклятия, – тихо сказал Льенар и положил на стол яблоко.

– Да?! – Морис подскочил, – Это он тебе сказал? Посмотри на себя! Ты же как...

Внезапно Льенар со всей силы ударил кулаком по яблоку. Брызги мякоти разлетелись во все стороны, испачкав одежду и лица Хранителя и Века. Оба так и подпрыгнули от неожиданности.

– Нет. Никакого. Заклятия. – разделяя слова, сказал король, – Ясно?!

– Но... – начал было Морис.

– Замолчи! – зашипел Льенар.

Он встал, вытер руку о бедро и зашагал по комнате. В лице его вновь зажглась жизнь. Глаза прояснились. В речь снова вернулась уверенность:

– Для вашего спокойствия! Только! Только для вашего спокойствия мы сейчас же отправимся в часовню отца. Я причащусь. Прочтёшь, что нужно, – он указал пальцем на Лиаму, – Зови сколько хочешь братьев. И всё! На этом вопрос о чарах закроем. Я уверен, что нет на мне никаких чар, – он слабо улыбнулся, – И порчи. Нету! – он поклонился, расставив руки, – Я чист!

– Значит, причастие? Сейчас? – Лиаму стряхнул ошметки яблока с бороды. – Ладно...

– Да! Немедля! – Льенар повернулся к Хранителю, который в панике отряхивался, – Распорядись, пока мы заняты моей душой, подготовить комнаты в северной башне. Серый будет жить там. Подальше! – король нервно вздёрнул голову. – Всё необходимое ему – туда! Постель, еда... Что там ещё? Что скажет – всё ему дайте. Ко мне не пускать! Хотя... Вряд ли его это остановит. Всё! Пошли!

Льенар стремительно вышел из трапезной. Оставшись вдвоём, Хранитель и Веко молча смотрели друг на друга. Наконец Морис не выдержал. Опершись на стол руками, он по-

дался в сторону Века:

– Я говорю тебе! Он его околдовал! Скотина! Мразь! Я пойду сейчас и вместо постельки гроб ему закажу! – он в ярости стал молотить воздух руками, кружась на месте.

– Не надо, – тихо сказал Лиам, закрыв глаза. – Во-первых, то, что ты его загонишь в гроб, маловероятно. Скорее он тебя. А, во-вторых, если он какие чары и навёл, то только он и сможет их снять.

Лиам взял со стола бутылку и одним махом отпил треть. Обняв сосуд с вином, как ребёнка, он встал и устало поплёлся к выходу:

– Я пойду... Причащу, – он обречённо махнул рукой, – Отслужу... А ты уложи дорожку в постельку. Поцелуй в лобик. И от меня тоже. Морис! Это не ледяной рейд. Тут оклсы и мечи не сработают. Смотри за ним. Примечай. Ищи слабое место. Я пошёл!

Веко, шаркая, вышел и закрыл за собой дверь. В бессилии Хранитель кинул ему вслед яблоко. Оно попало в толстую гардину и скатилось невредимое на пол.

– Серая тварь! – выпалил Морис.

Отслужив над королём очищающую службу и причастив его, Веко Ока Лиам ободряюще улыбнулся королю и сказал:

– Ну, Ваше Величество!.. Король Фортресса и Эсбора! Льенар Вильгемонт, сын Эдмунда! Герой ледяного рейда! Повелитель половины славного острова Пэй! Укротитель

волков юга! Сошло ли на тебя благословение?

Льенар поднялся с колен и взглянул в ословелые глаза Века:

– Он очень силён, Лиам.

– Я знаю, – сощурившись, кивнул Веко.

– Он очень силён, и он предлагает мне дружбу.

Лиам скривился.

– Он заверил меня в том, что не наводил на меня чар. Он... Он предлагает мне воспользоваться его силой. Во благо государства. На правах друга. Что скажешь?

– Друга... Да? Ну-у-у... Если друга! – Лиам расплылся в странной улыбке.

– Не веришь? – король кивнул, – Правильно! И я не верю! – он подмигнул Лиаму, – Но, похоже, я остался с ним один на один?! А? И Говер мне не поможет. – Льенар перешёл на шёпот. – Всё равно будь рядом!

Лиам взял короля за плечи:

– Льенар, я с тобой, с тобой до гроба. Но, – он цокнул языком, – Боюсь, в этой битве я всего лишь рикассо на твоём мече. Я не дам тебе пораниться об меч. Я прикрою твой зад, мальчик мой! Я всего себя положу на эту борьбу. Я буду бороться за твою душу. Но с этим дьяволом тебе придётся биться самому. Дашь слабину – пропал весь Фортресс! – Лиам опустил на ступени алтаря. – И Эсбор! Да и весь Пэй...

– Нажрался, Ваше Преосвященство! – Льенар стремглав вышел из часовни.

– Да теперь уж что?..

Лиам прилёг на бок и, протянув руку за аналой, извлёк оттуда недопитую бутылку. Он взболтал её, сделал несколько жадных глотков и, удовлетворённо крякнув, вытер губы рукавом:

– Лети, пташка, лети! Ты думаешь, ты один? Дедушка Лиам присмотрит за тобой. И никтошеньки не узнает.

Глава X

На целую неделю в замке воцарилось мнимое спокойствие. Серый, поселившись в дальней северной башне, не появлялся никому на глаза. Слуги, что относили ему еду, шептались по углам о загадочном чужестранце, но этим всё и ограничивалось. Лиам проспался и через день после причастия короля вновь появился в храме, исправно неся службу и присматривая за вездесущими незримыми монахами. Морис, хоть и ходил мрачнее тучи, ни словом не напомнил Льенару о ночном происшествии. На него навалилась куча рутинных дел и поглотила его с головой. Правда, в кабаках и притонах девочки спрашивали друг друга: «Куда это запропастился молодой Хранитель?» А молодой Хранитель по ночам, когда никто не видел, пользуясь положением, по два-три раза поднимался тайным ходом в трапезную короля и заглядывал через приоткрытую дверь в спальню. Льенар неизменно спал крепким сном. Сам же король за дневными делами забывал о своём госте, но с наступлением ночи мысли о Сером, живущем в башне, возвращались и омрачали его. Однако его и влекло к нему, и пару раз он почти послал за ним, но что-то останавливало. Наступления сна он жаждал, как избавления.

Прошла ровно неделя. Льенар ворочался в постели не в силах уснуть. Наконец, не выдержав, он рывком вско-

чил с постели, наспех оделся и через потайной ход спустился на улицу. Дежуривший монах Джордж, надёжный как стена, спал, пристроившись в углу – сон настиг его за минуту до того – и не заметил ухода короля.

Проскользнув вдоль стен, Льенар достиг северной башни. На самом верху светилось одинокое узкое окошко. Взлетев по винтовой лестнице, король остановился у двери, ведущей в комнаты колдуна. Постояв, успокаивая сердце, он расправил плечи и распахнул дверь. Король вошёл с видом хозяина, зашедшего на кухню проверить кухарок.

Сидевший на перевёрнутой корзине в одной длинной рубашке и потрёпанных штанах чернокнижник грел свои худые руки, протянув их к пылающему камину, и даже не оглянулся. Сейчас он выглядел как простой человек: усталый и безобидный. Король не мог знать, что за мгновение до его прихода Серый вытащил из-под себя тень. Теперь она причудливо танцевала на каменных стенах.

– Как ты? Всем доволен? – спросил Льенар, стоя в дверях.

По-прежнему не оборачиваясь, Серый ответил:

– Я привык жить скромно. Мне много не надо. Прикажите, чтобы еду больше не носили. Я ем мало. Но я бы не откасался от одеяла, по ночам становится прохладно, и камин не прогревает такую роскошную спальню.

Король подошёл к постели Серого. Грубые, некоторые даже не до конца отёсанные доски, наспех сколочены в подобие кровати. Укрывался гость, видимо, плащом, подаренным

Льенаром.

– Кровать вполне удобная. С виду она может показаться грубой, но спать на ней одно удовольствие.

– Я вижу, – кивнул король.

– Можешь попробовать, – с усмешкой сказал Серый, не оборачиваясь.

Льенар подошёл к столу, на котором стояла корзина с чёрствым хлебом и мутной бутылью молока, разведённого водой. Несколько подгнивших луковиц стыдливо виднелись на дне.

– У меня есть стол, стул, пергамент, чернила. Я сплю на постели, крыша над головой. Есть мой друг – камин. Мы с ним ведём по ночам беседы. Эти беседы согревают меня и развлекают его. Есть котелок – в нём я готовлю отвар из трав, припасённых в твоих лесах. Бодрит.

Льенар достал из корзины бутыль с молоком и подошёл с ней к Серому.

– Почему не сказал мне? – спросил король и взболтал мутную водицу. – Это с псарни! Моих собак поют таким молоком. Костей тебе случаем не приносили?

– Ты запретил мне приходить к тебе.

– Я тебя умоляю! Когда ты спрашивал разрешения, делать что-то или не делать?

– Мне казалось, я ясно дал тебе понять о своём к тебе отношении.

– Завтра выгляни в своё окно, – король откупорил бутылку и подошёл к окну, – Ты увидишь, как плотник болтается на верёвке, а кухарке отрубят руки.

Он выставил бутылку в окно и вылил молоко.

– Или нет! – бутылка полетела следом за молоком, – Пойдём! Переночуешь сегодня в моих покоях. Завтра тут наведут порядок...

– Нет! Я с тобой не пойду! И не нужно казней!

– Поверь, я не знал... – извиняясь, обронил Льенар.

– Это ничего! – чернокнижник поднялся с корзины и подошёл к королю.

Рука его снова потянулась к лицу Льенара, но на этот раз он не пытался отстраниться. Серый погладил его по голове и сказал:

– Я знаю, что ты не знал. И всё это неважно. Ты и так мне даёшь достаточно и даже больше.

Серый взял Льенара за плечи и заглянул в его глаза, как смотрят в глаза детям, когда хотят их успокоить. Король отвёл взгляд и выскользнул из рук колдуна.

– Оставайся здесь, если хочешь. Завтра я проверю, как тут наведут порядок. Так и быть, казнить никого не буду, – Льенар лукаво улыбнулся, – Пока только выпорю. Как тебя зовут? Узнаю я наконец?

– В колдовской практике имя – ключ к личности человека, издавна принято хранить имена в тайне и не открывать их посторонним. Это ритуал знакомства.

– Не совсем понимаю тебя... Я не посторонний.

– Древнейший и глубинный смысл этого обычая: «Я верю, что, зная моё имя, ты не причинишь мне зла». Знать имя человека – значит знать его судьбу. В древности люди думали, если написать своё настоящее имя перевёрнутыми буквами, то можно изменить жизнь, но нет...

Повисла неловкая тишина, но чернокнижник, потряхнув длинной чёлкой, резко сказал:

– Пообещай, что никому не скажешь?

– Обещаю, – тревожно сглотнул король.

– Моё имя – Марк. Сейчас сказал это и сам не поверил!

Давным-давно на свет появился мальчик, и его назвали, – он смаковал своё имя, – Марк! Меня так не называли уже более ста лет... Однажды, когда возраст неумолимо перевалил за двести, я перестал считать, да и незачем уже. Сотня лет больше, сотня лет меньше!

– Более двухсот лет?! – Льенар изумлённо уставился на Серого, – Но на вид ты немногим старше меня!

Колдун подошёл к огню, размял руками свои плечи и устало произнёс:

– Когда столько живёшь на этом свете, узнаёшь людей и становишься жестоким. Что триста лет назад, что сейчас всех заботит одно и то же: деньги и власть. Люди завистли-

вы, глупы, безжалостны друг к другу, скупы и бессердечны. Причём с детства. А если нет – они должны такими стать, иначе их сожрут. И ведь жрут! Шестьдесят лет назад я был в одной стране за Чёрными Горами. У тамошнего короля рос сын. Чудный мальчуган, – Марк улыбнулся своим мыслям, – Нежный, умный ребёнок. В следующий раз я увидел его через тридцать лет... Он стал королём. Как изменила его жизнь под небом Говера! Что с ним стало! – он покачал головой, – Каждый вечер... Слышишь? Каждый вечер! Он развлекался тем, что заставлял провинившихся в чём-нибудь слуг драться друг с другом на смерть. Голыми руками. Когда один из них падал без сил, король радостно вскакивал, хлопая в ладоши. И сам перерезал горло проигравшему. Победителя прощали. А если кто-то отказывался участвовать в поединке, с него сдирали кожу... С живого! Вот так! Знаешь, ещё что? Если провинившихся не было, старший дворецкий назначал их!

– Прости, – Льенар замялся, – Я ни в коем случае не хочу спорить с человеком так долго живущим... Но...

– Ты хочешь сказать, я гребу всех под одну гребёнку?

– Я знаю людей верных и чистых сердцем. Храбрых и справедливых!

– Морис, например? – ухмыльнулся Марк.

– Хотя бы! Да, и не только!

– Зависит от того, где и как растёт роза. Если за ней ухаживать, поливать, удобрять, обрезать отцветшие бутоны, обере-

гать от сорняков и тли, на зиму укрывать от мороза, она вырастет прекрасным сильным растением с множеством крупных соцветий. Но! Если садовника нет... Некому ухаживать за розой... Она или погибнет, или переродится в шиповник. Сильный, крепкий, но безобразный. Его цветы ничего не стоят. Только очень стойкие избегают такой участи.

– Значит, люди, по-твоему, хотят денег и власти?

– Даже те, кто в этом не признается. И те, кто это уже имеют. Они просто боятся это потерять. А кто не боится... Обязательно потеряют! И Морис такой, – Марк поднял руку, останавливая несогласное возмущение короля, – Такой-такой! Забери у него власть! И, может, не завтра, но он приведёт под твои стены армию мятежников. Или сопьётся с горя.

– А ты? Золото и власть тебе не интересны. – Льенар хмыкнул. – Чего ты хочешь?

– Чего я хочу? – вопрос удивил Марка, – Чего может хотеть трёхсотлетний старик? – он опустил на край кровати, упёршись руками в колени.

В этой усталой позе, в сгорбленной спине его, во взгляде, устремлённом в никуда, Льенар действительно увидел старика.

– Покоя, – уверенно сказал Марк. – Я устал ходить по свету. Я хочу преклонить свою голову. Найти место, где смогу жить в покое. А что такое покой? – спросил он сам себя, – Покой – это защита. Покой – это когда не ждёшь удара в спину каждую секунду. Ты никогда не видел, как дерутся

воины Периамских гор? Нет? – Льенар покачал головой, – Они встают по двое, спина к спине. Когда спина прикрыта, каждый из них в два раза сильнее. Их с детства так приучают. Ещё мальчишками их связывают ремнями и так тренируют. Они учатся действовать как один воин. Не мешать друг другу и всегда чувствовать спиной товарища. Так они делают не только когда их окружили враги. Даже в простом бою они действуют так же. Один бьётся, другой отдыхает.

Марк замолчал. Провёл ладонями по лицу, словно снимая паутину:

– У нас есть, что предложить друг другу. Мы могли бы, как периамские воины, прикрыть друг другу спины. Твоя власть. Мои возможности. Я бы получил покой, а ты усилил бы своё положение. Тебе ведь тоже нужна помощь...

– Возможно. Возможно, ты прав. Может быть, однажды мы смогли бы довериться друг другу. Недостижимая роскошь для меня... Полагаю, и для тебя тоже. Теперь я знаю твоё имя, будем считать это первым шагом на пути доверия.

– Ты разумный правитель. Не по годам разумный, – чернокнижник поднялся с постели, подошёл к молодому королю и провёл большим пальцем от его носа до виска, будто стирая невидимые слёзы.

– Тебе пора идти. Приходи завтра вечером, обсудим, как нам быть.

– Завтра... – эхом отозвался Льенар, кивнул и вышел прочь, едва держась, чтобы не броситься бегом вниз по лест-

нице. Очутившись под тёмным небом, он вдохнул холодный воздух полной грудью и отчего-то засмеялся, закрыв лицо руками.

Невидимый в тени стены отец Лиам в ужасе закрыл рот рукой.

Льенар не стал таиться и прошёл в свои покои не через тайный ход. Караул брякнул доспехами и распахнул двери. В трапезной его подждал Морис.

– Чего не спишь? – бросил король, проходя мимо него к дверям спальни.

– Был у него? – Морис поднялся и пошёл за другом, – Почему один? Рискуешь!

– Нисколько! – весело ответил Льенар, на ходу снимая камзол, – Теперь у нас есть с ним договор.

– Сделка с нечистым? – хмыкнул Хранитель, – И какова цена? Твоя душа? Или, может, и моя заодно? Или Фортресс?

– Прекрати! – Льенар упал на постель, – Цена – его покой.

– Ладно! А что за услуга?

– Скажи мне, Морис! – король приподнялся на локтях, – Кто распоряжался подготовкой комнаты для М... Серого?

– Почём мне знать? Я распорядился монахам. А уж дальше... Не моего ума дело. У меня хлопот поважнее, – и он провёл пальцем по горлу.

– Как именно ты распорядился? – прищурился король, – Помоги мне с сапогами, – он вытянул ногу.

Морис покосился на сапог, но тут же принялся его стаскивать:

– Я сказал... Не помню, кто был из монахов... Но я сказал: «Подготовьте для Серого комнаты в северной башне».

– Всё?

– Всё! – Морис держал в руках снятый сапог, – Да что не так-то?

– Зная, каким ты можешь быть коварным и циничным, можно предположить, что это твоё распоряжение. Или монахи от неприязни устроили. Или плотники.

– Я не пойму, что не так? Что устроили? – Морис принялся стаскивать второй сапог.

– Это не кровать. Это ящик для картошки.

По лицу Мориса пробежала короткая усмешка.

– Неужели нельзя было поставить готовую кровать? Зачем надо было из досок колотить чёр-те что? А?!

Льенар встал с постели и принялся ходить по комнате, всё больше возбуждаясь, пока не перешёл почти на крик:

– Вместо кровати – гроб. Постели не дали. Пол голый... Что, ковры кончились? Вместо еды помои! Кто носит ему еду?

– Мальчики с кухни.

– Морис! Я не хочу искать виновных. Знаешь что? Я всю эту вину возьму на себя!

Льенар подошёл к другу вплотную и посмотрел ему в глаза.

– Я лично! Лично! Прослежу за выполнением моего приказа! Покои Серого привести в порядок! Всё лучшее ему! Постель, еду, одежду! Завтра перед закатом я поднимусь к нему и проверю! Если увижу, что меня ослушались – полетят головы! – Король вырвал сапог из рук Хранителя.

– Будет исполнено, Ваше Величество! – Морис поклонился, и в его поклоне не было издёвки, – Могу я идти?

– Да! – крикнул Льенар.

Морис поклонился ещё раз и вышел из спальни, аккуратно закрыв за собой дверь. Он не пошёл к себе, а направился в штаб братства. Монахи у дверей приветствовали его и пропустили внутрь. Лиам молился на коленях перед миниатюрным алтарём.

Морис коротко приложил руки к губам и сел за стол. С минуту он молча ждал, играя желваками и глядя перед собой. Потом схватил со стола бутылку, налил себе полную чашу, выпил, не отрываясь, до дна и снова налил. Монах, стоявший в углу, вышел через заднюю дверь и вернулся с жареной куропаткой на блюде. Он молча поставил закуску перед Хранителем и вышел из штаба. Морис с отвращением отодвинул куропатку и снова выпил.

Кряхтя, Веко Ока поднялся с колен и, сев рядом с Морисом плечом к плечу, подвинул ему свою чашу. Хранитель налил, и они выпили, не чокаясь.

– Когда я был ребёнком и жил ещё в Эсборе, – вдруг начал Лиам, – Я нашёл в лесу волчье логово. Там был всего один

волчонок. Ну, ты знаешь, такой уже... подросток. Не беспомощный. Но очень слабый. Не могу сказать, что мне стало его жалко... Мне просто стало интересно, смогу ли я его приручить. И я взял его домой, принёс на руках. Пока нёс, он все норовил лизнуть меня в лицо. А я хохотал. И, знаешь, я чувствовал, как его сердце билось у меня под ладонью. Часто так: тук-тук-тук! Я знал, что отец не разрешит держать дома волка. Но всё равно нёс. Отец, скорее всего, прибил бы его. На что я надеялся?! – Лиам взял в руку чашу. – Налей ещё.

Морис налил Веку и себе, а когда они выпили, Лиам продолжил рассказ:

– Вот. Но отец ушёл в море. Он ходил не на утлой лодочке. У них с тремя братьями была отличная шаланда, и они уходили на неделю. Как раз тем утром они отчалили. У меня была целая неделя, и я старался не думать, что будет потом. Мать только лишь пожала плечами, и я отнёс волчонка в сарай. Я напоил его молоком, принёс вяленой рыбы, устроил подстилку. А наутро мать позвала меня. Все цыплята, штук двадцать, наверное, были передушены.

Морис посмотрел на Веку и вздохнул. Он уже понял, к чему тот клонит.

– Мой волчонок порезвился ночью на славу.

Лиам взглянул в глаза Хранителю, в уголках глаз его блестили слёзы.

– И что ты сделал?

– Я? – Лиам устался в стол, – Взял мешок. Вытер им

сопли. Усадил в него волчонка. Завязал верёвкой и отнёс на пирс.

– Оставил на пирсе?

Лиам покачал головой.

– Утопил?

– Попросил соседа. Он тогда вернулся, чалили лодку. Как сейчас помню, – Веко пробасил, изображая соседа, – «Что это у тебя там, Лиам? Котята?» – и ответил сам себе писклявым голосом, – «Нет! Это волчонок!». «Кто-кто?».

– Понятно...

– Он тоже не смог. Отнёс к себе. Построил вольер. Назвал его Счастливым. Я заходил проведать волка. Тот радовался, когда я приходил. Я приносил ему воблу, очень она ему нравилась. Волчонок жил у него года три. Пока не загрыз четырёхлетнюю дочку...

– Господи...

– Он разбил волку голову молотком. Потом пошёл в сарай и повесился. Дурак! У него остались ещё две дочери. Мой отец, как мог, помогал им. Нас самих в семье четверо детей было. Да и остальные в посёлке помогали. Вдова пошла работать в бордель. Сифилис сожрал её и старшую дочь лет за пять. Младшая пропала.

– Лиам! Меня так просто не возьмёшь! – Морис повернулся к нему всем телом, – Я не цыплёнок!

Веко пристально посмотрел в глаза Хранителю:

– Но я по-прежнему тот мальчик, что принёс домой волка.

Хранитель и Веко Ока беседовали долго. Когда закончилась первая бутылка форгийского, они приступили ко второй. Морис ходил из угла в угол, размахивая руками, и с волнением пересказывал разговор с королём:

– ... лично! Прослежу за выполнением моего приказа! Всё лучшее ему! Постель, еду, одежду! Завтра проверю! Если ослушаются – полетят головы!

– Не скажу, что он получил всё лучшее, – усмехнулся Лиам, – Но жаловаться на еду и постель точно не было повода. Я назначил к Серому брата Гарри. Ты знаешь, этот смышлённый не упустит из вида ничего. Он следит за Серым, за теми, кто к нему ходит, за тем, что ему носят, во сколько тот ложится спать и что выносят из башни в ночных горшках. Горшки, кстати, выносят не каждое утро. И вот сегодня прибегают его послушник и кладёт передо мной красную фасолину. Я аж подскочил...

– Чего кладёт? – Морис подавился вином.

– Фасолину... красную. Ты не знаешь! – отмахнулся Лиам, – Условный знак «Бегом ко мне».

Морис сел на стул и выставил руку вперёд, останавливая рассказ Лиама:

– Тебе не кажется, что вы заигрались в эти знаки и тайны? Ну ладно там пальцы гнёте, каблуками стучите... Ленточки эти... Теперь ещё фасоль! Как дети! Сами не путаетесь ещё? Записку бы передал, ну, или на словах.

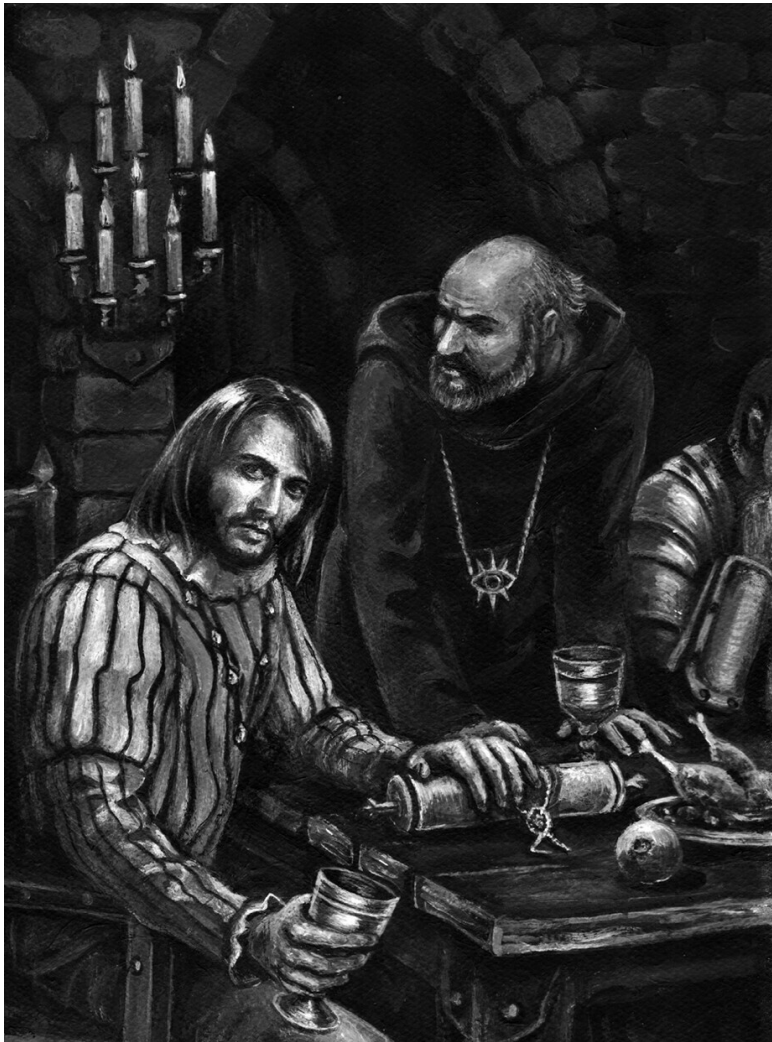
– Мори-и-ис! – пьяно протянул Веко, хитро улыбаясь, – Бежит послушник... Ты ему: «Стой, паразит! Куда бежишь?». «Меня брат Гарри послал к Веку, велел фасольку передать». Что ты поймёшь?

– Что вы чокнутые!

– Правильно! – Лиам было захохотал, но серьёзно продолжил. – А фасольки-то разные бывают... Красные, белые, неспелые; половинки вдоль и поперёк. Ещё можно две фасольки послать... Белую и половину красной поперёк...

Дверь открылась без стука. На пороге стоял тот самый послушник – посыльный брата Гарри. На молодом парне не было лица.

– Что? – прищулив один пьяный глаз, покосился на вошедшего Веко.

– Ваше Преосвященство! Брат Гарри мёртв...

Лиам и Морис вскочили, опрокинув стулья, и выбежали из комнаты, бесцеремонно оттолкнув послушника в сторону. Тот побежал за ними крича: «На стене... У башни! Слева от башни!».

Когда они поднялись на стену, там уже было человек пять монахов и столько же стражей из дозора. Брат Гарри лежал на спине с широко открытыми глазами. Первые снежинки ложились на белки его глаз и на оскаленные зубы и не таяли. Правая рука его скрывалась под другим телом, навалившимся сверху. Ещё поднимаясь по лестнице, Лиам и Морис слышали возбуждённо спорящие голоса, но при их появлении они стихли. Монахи и стражники расступились, и Морис, присев у тел, приложил пальцы сначала к горлу монаха, потом к горлу второго трупа.

– Холодны как камень, – доложил Морис, – Что случилось? Переверните этого! Кто он?

Двое стражников перевернули тело, лежащее лицом вниз.

– Вилли? – вырвалось у Мориса, – Это Вилли?

– Вильям Брок! – доложил один из гвардейцев, – Капитан королевской стражи.

Рука брата Гарри сжимала оклс, вошедший по рукоятку в грудь Вилли, но и рука капитана не отпустила короткий клинок, пронзивший сердце монаха. Грубые переворачива-

ния тел не заставили их мёртвые руки выпустить оружие.

На лестнице послышался топот ног и крики: «Ви-и-и-лли! Я бегу! Ви-и-илли! Погоди! Вилли!»

– Это Ноэль. – сказал один из стражников.

Все гвардейцы приготовились к появлению долговязого Ноэля, и когда тот выскочил на стену, обхватили его со всех сторон, скрутили руки и отобрали меч.

– А-а-а! – грохотал Ноэль, – Твари! Убили Вилли! Поганные монахи! Я вас всех порву! Всех! Отпусти меня! Отпусти! Дайте мне их! А-а-а-а!

Пена взбилась в уголках его рта. Глаза бешено вращались. Он почти вырвался из рук товарищей, но, споткнувшись о вовремя выставленную ногу, упал лицом вниз. Сверху навалились его собратья, и, снова подняв на ноги, потащили на лестницу. По бороде и усам Ноэля струилась кровь из разбитого носа. Он уже не кричал, а ревел, как медведь.

– Оба тела в штаб! Быстро! – Веко развернулся, взял под руку Мориса и потащил его со стены.

– Подожди! – сопротивлялся Морис, – Надо всё осмотреть!

– В штабе осмотрим, – ответил Лиам и покосился на освещённое окошко под самой крышей башни.

– Капитан Брок обходил посты. Я и Дэрек, – гвардеец махнул головой в сторону друга, стоящего рядом, – Сопровождали его. У северной башни капитан остановился, он искал

кого-то взглядом.

– Я ещё подумал: «Кого он ищет?», – вставил Дэрек, – И Бранд подтвердил, что там поста уже лет пять нет.

– Да! И тут из амбара... – подхватил Бранд, – Знаете, там амбар напротив башни?

– Знаем, – подтвердил Морис, – продолжай.

– Из амбара вышел брат Гарри и подошёл к нам. Они пожали друг другу руки. Они вообще друг друга уважали. Я понять не могу, как они...

– Сейчас не об этом, – остановил Лиам гвардейца, – Рассказывай, что видел!

Бранд кивнул и продолжил:

– Пожали они руки, значит... И брат Гарри говорит: «Надо бы вернуть сюда пост, Вилли!» А мы только что с Дэрekom вспоминали, что поста лет пять как нет... Да, извините, Ваше Преосвященство! Опять я не о том... Вот. И вот этот малой, – Бранд показал пальцем на послушника брата Гарри, – Тоже из амбара вышел и стоял в дверях. Капитан Брок говорит: «С какого чёрта?! Пост... Крыс амбарных гонять?». А брат Гарри на нас покосился и говорит: пойдём, дескать, покажу тебе кое-что!

– Мы сначала за ними пошли, – подхватил Дэрек, – А брат Гарри шепнул что-то капитану, и он приказал нам остаться. И мы остались. Вот и малой с нами был. Он нас в амбар позвал. Угостил солониной и по чарке поднёс для сугрева. Сегодня особенно холодно, и очень это кстати пришлось!

Мы сидели в амбаре и болтали о том о сём.

– А куда они ходили, мы не видели, – закончил Бранд, и оба гвардейца покосились на трупы у алтаря.

– Ясно... – Морис, сидя за столом, вырезал ножом из куска полена фигурку какого-то животного, – А как думаете... Откуда могла возникнуть потребность, по мнению брата Гарри, в организации поста у северной башни?

– Простите, Ваше Превосходительство! Не понял, чего поста у башни?

– На хрена пост у башни? – пояснил Лиам. Он перестал маячить и сел рядом с Морисом.

Гвардейцы пожали плечами, посмотрели друг на друга в недоумении, и Дэрек промямлил:

– Говорят, там в башне поселился кто-то... Но мы толком не знаем ничего.

– Кристина-кухарка говорила, что леший из леса на цепи сидит наверху, – Бранд будто стеснялся того, что говорил. – Но у Кристины и сорока – ведьма, и башмак – копыто!

– Ладно! – Лиам сдул стружки от фигурки животного Мориса на пол, – Дальше что было?

– Мы сидели... Долго сидели, – продолжил Дэрек, – Ещё по чарке выпили. Малой всё в окошко поглядывал. Вдруг слышим, кричит кто-то: «Стража! Караул!». Мы выскочили на улицу. А там этот белобрый эсборец стоит и орёт. Он нашёл на земле шлем капитана и в руках его держал. Мы подошли, он нам шлем отдал и говорит: держите,

мол, нашёл вот тут. И на землю показывает. Как раз под тем местом, где на стене, – он кивнул на трупы, – Их нашли.

– Я Дэреку говорю: «Не отпускай его», – вступил Бранд, – А мы с малым на стену побежали.

– Да он и не собирался уходить. Стоял как миленький, – вставил Дэрек. – Улыбался всё...

– А чего он лыбился-то? – Лиам покосился на фигурку, вырезанную Морисом, которая стояла теперь перед ним на столе. – Эсборец-то?

– Пёс его знает! – пожал плечами Дэрек, – От нервов, наверное. Он всё время лыбился и даже подмигивал. Дурачок какой-то...

– Ну ладно. – Лиам взял фигурку со стола и крутил её в руках, разглядывая. – И вы его, значит, в каземат отвели.

– Дэрек отвёл и запер. А я остался у тел. Малой к вам побежал. Ну а тут набежали монахи и наши. Потом и вы пришли.

– Дэрек! Бранд! – Морис подошёл к гвардейцам и протянул им по очереди руку.

Те растерялись, и Дэрек было хотел поцеловать протянутую кисть, но Бранд стукнул его в бок, и тот неуверенно пожал её, слегка присев.

– Вы всё верно сделали. К вам вопросов у меня лично нет! – Морис напустил на себя грозный вид. – Если ещё что-то вспомните, сразу идите ко мне или к Веко. В любое время! Король полностью вам доверяет. Вы свободны!

Спешно поклонившись, стражники протиснулись в дверь.

– Ты тоже иди! – отпустил Лиам послушника Гарри, – Ни-
кому ни слова. Сразу в келью. Запрись до утра.

Малой исчез за дверью, а Лиам встал и подошёл к бюро. Позвонев стекляшками, он нашёл нужную и вернулся с ней за стол, поставил фигурку, вырезанную Морисом, в чашу и полил из стекляшки красными чернилами.

– Красный волк? – Морис смотрел на покрасневшую фигурку.

– Кровавый, – вздохнул Лиам, – из его снов, с моей салфетки, из моего детства...

– Эсборца сюда позовём или сами ходим?

– Са-а-ами! – протянул Лиам, вынимая фигурку из чаши.

Они шли вдоль стены замка по свежему белому снегу.

– Если бы снег пошёл на пару часов раньше, то могли бы остаться следы, – в задумчивости сказал Морис, – И если бы там был кто-то третий, мы бы увидели.

– Зачем они на стену полезли? – спросил Веко.

– Гарри хотел показать что-то Вилли. Уж не к самому ли они зашли?

– А этот эсборец? Как думаешь? Правда шлем нашёл? Может, это он их?

– Один двоих? Вилли и Гарри? – Морис покачал головой. – Силёнок бы не хватило. В прямом бою! В сердце обоих! Ладно бы исподтишка в спину. Потом можно было бы

изобразить, что они друг друга... Но ран только по одной. Обе смертельные.

– А может, он не один был!

– И потом, где они так долго ходили, что гвардейцы даже заскучали без капитана. Ты же видел! Там двумя чарками не обошлось! И трупы остывшие были. Час, не меньше, пролежали. Значит, погибли почти сразу, как ушли.

– Всё равно эсборец подозрительный! – хмурился Лиам.

– Если он причастен, зачем ему стражу звать? Зарезал и свалил! Кстати, кто он?

– Братья говорят – мелкий дворянчик. Живёт здесь с охоты. Оставили как советника по картам. Помогает составлять карту единого королевства. Эсбор он как свои пять пальцев знает. Королевский картограф.

– М-да... Картограф-убийца. Скорее всего, нашёл он шлем. Можно не ходить даже. С ним всё ясно. Замухрышка чернильная.

За несколько шагов до каземата Хранитель и Веко услышали брань и шум борьбы. Распахнув дверь, они увидели, как дерутся охранявшие эсборца монах и гвардеец. В руках у каждого были оклсы, которыми они старались дотянуться до шеи друг друга. Переворачивая скудную мебель, они кружили по крохотному каземату, врезаясь со всей силы в стены. При этом рычали, как звери, и поминали матерей друг друга, сестёр и бабок. Растерянный эсборец зажался в угол и глупо улыбался, сверкая белыми зубами.

– Отставить! – заорал Морис что было сил, – Отставить, сукины дети!

Дерущиеся оттолкнули друг друга, не обращая ни на кого внимания, и ножей не выпустили.

– Обоих вздёрну! – прокричал Морис и, подняв с пола стул, запустил его в стену между драчунами.

Наконец те опомнились и посмотрели на них.

– В чём дело, сынки? – спокойно спросил Лиам и встал между ними, взяв обоих за руки, – о чём поспорили?

Гвардеец рухнул на колени:

– Ваше Преосвященство! Не велите казнить! Но вы же знаете, что случилось! – затараторил бородатый воин, и глаза его увлажнились, – Капитан Брок погиб! От руки монаха, не прогневайтесь! Но что происходит?

– Ты забываешься! – вмешался монах. – Брат Гарри тоже мёртв! Рука, что держала нож, принадлежала капитану!

– Дети мои! – Лиам встряхнул их за руки. – Дети мои! Они мертвы! Оба! Нам надо понять, что случилось. Вы же знаете, они уважали друг друга. Можно сказать, дружили. Тут что-то нечисто! Вы... Вы должны, хотя бы во имя их светлой памяти, помочь нам выяснить, что случилось. Кто знает, может, их смерть подстроена, чтобы перессорить братство и гвардию! А? Не думали?

Монах и гвардеец покосились на эсборца. Он стоял в углу и испуганно улыбался.

– Что? – Лиам снова дёрнул их за руки, – Нет! Это свиде-

тель. Так, выйдите на улицу! Но перед тем пожмите руки.

Не переставая бросать косые взгляды на несчастного картографа, драчуны пожали руки и вышли на мороз. Морис и Лиам подняли стулья, затем стол и, усевшись за него, пригласили присоединиться к ним задержанного. Тот неохотно сел, положив руки на стол, но через секунду спрятал их на коленях. Эсборец переживал так, что сапоги его отстукивали дробь на деревянном полу каземата.

– Ба-а-а! – удивился Морис, – Да это наш краснокамзольный друг! Вот бы не подумал, что картограф короля так молод и так резв в охоте! Ну, здравствуй!

– Вы знакомы? – Лиам приподнял бровь.

– Ты же на охоту не ездил. А поехал бы – увидел, как этот молодой человек летел над полем, как сокол! Он всех обставил. Если бы лиса не ушла тогда в лес, то он был бы героем последней охоты, а не Льенар. Да! Конь у него просто... Птица, а не конь! В лесу сплеховал, конечно...

– В Эсборе мало лесов. Мы пре... предпочитаем поля, – выдавил из себя картограф.

– На охоте я вас видел, и вы произвели на меня впечатление смелого человека. Что же вас так сейчас напугало?

– Меня в чём-то подозревают? Я так понял, что шлем который я п... п... нашёл, был с трупа? Я никого не убивал!

Эсборец сторбился и утёр лицо рукой. Плечи его вздрогнули.

– Я картограф! Я не убийца! Вы думаете, раз эсборец, зна-

чит преступник? Это не так! – внезапно он выпрямился.

Взгляд его прояснился, с губ сошла нелепая улыбка. Чётким уверенным голосом он продолжил:

– Если на то пошло, это ваши солдаты устроили резню в Рейме! Я там был! Я всё видел! Вот кто убийцы! Мы, эсборцы, – жертвы вашего насилия. И здесь я потому, что волосы мои светлы и лицо без бороды!

– Молодой человек, – тихо сказал Лиам, – Я сед и лыс. Просто поверьте, что когда-то я не носил бороды и был красивым блондином. И я распевал в кабаке «Трироль» песню о голубой макрели.

Хриплым голосом он затянул:

Когда в шаланду ты возьмёшь,
Чего домой не довезёшь!
Пудов шестнадцать и-я-хо!
Пья-я-янющих моряко-о-ов!

– Вы эсборец? – удивился картограф.

– Я родился в Лорионсе. Это...

– В пяти милях от Рейма. Рыбацкий посёлок. Часовня. Шестьдесят пять дворов... – пробормотал удивлённый картограф.

– А ты и вправду хорош! – засмеялся Лиам и хлопнул эсборца по плечу, – Как твоё имя?

– Коналл. Коналл Грант.

– Вот что, Коналл! Скажи, что ты делал там, у северной

башни?

– Да я сам не пойму! Обычно я сижу допоздна за картами себя в комнате. Сегодня зачем-то подошёл к окну, – он пожал плечами, – Душно, что ли, стало... Выглянул и увидел, как в-в-вдоль стены бежит тень. То ли собака, то ли волк... А когда на неё упал лунный свет, я заметил странный окрас. Почти красный. «Лиса!» – подумал я. Но слишком крупная для лисы.

Морис с Лиамом переглянулись, и Хранитель присвистнул.

– И ты решил пройтись посмотреть, что за зверь? – спросил Лиам.

– Да. Вышел и пошёл вдоль стены, пока не наткнулся на этот чёртов шлем.

– Ну а лису-то? Лису видел?

– Нет. Да не лиса эта была... Побольше что-то.

– Ну, ладно! Иди к себе. Возвращайся к картам. Ни о чём не думай.

Морис открыл дверь и кликнул гвардейца:

– Проводите господина картографа до его комнаты. До дверей!

Глава XI

Льенар стоял посреди опушки леса. Лунный свет струился через вековые сосны, причудливо играя тенями на снегу. Он не знал, как очутился здесь, откуда пришёл и что здесь делает. Ни коня, ни меча при нём не было. Страх прокрался в его сердце. Льенар попытался крикнуть, позвать кого-нибудь, но крик застрял в горле. Он сделал несколько шагов, оглядываясь по сторонам. Тёмные стволы деревьев стеной окружали его и тянули к нему свои голые ветви. Каждый шаг раздавался чудовищно громким хрустом снега, разносившимся, казалось, на весь лес. Он замер и обернулся. На краю опушки стоял красный волк и смотрел ему в глаза.

Король проснулся в холодном поту. Сон, мучивший его всю жизнь, возвращался к нему снова и снова. Он сел на краю постели и в тяжёлом отрешении уставился на свои босые ноги. Не было сил двигаться, мысли в голове скакали, спутываясь в бред.

Дверь отворилась, вошли слуги со всем необходимым для утреннего монаршего туалета. За ними вошёл Морис и прикрыл дверь. Он встал в углу комнаты, ожидая, когда Льенар обратит на него внимание. Король поднялся с постели, позволив себя переодеть. Пока слуги суетились вокруг, он, не оборачиваясь к Морису, спросил:

– Моё распоряжение выполнено?

– Ваше Величество! Сегодня ночью произошло событие, о котором вы должны знать. Погибли капитан королевской стражи и брат...

– Хранитель! Я спросил о моём распоряжении, а не о каких-то несчастных случаях. Сейчас идём на кухню. Я хочу лично посмотреть, что понесут на завтрак в башню.

– Как прикажете, ваше Величество!

Льенар наконец посмотрел на Мориса. Их взгляды встретились. Оба бледные, с запавшими глазами, смотрели они друг на друга и будто не видели.

Внезапное появление на кухне самого короля в сопровождении Хранителя Большого Ключа вызвало немую оторопь среди кухарок и поваров. Смех и разговоры оборвались, и только шипение масла и бульканье котлов нарушало тишину. Растерянные обитатели кухни не знали, как себя вести. Кто-то склонился в поклоне, кто-то замер как истукан, мальчишки же вовсе дали дёру через чёрный ход.

– Ну, что же! Покажите мне, что вы подготовили для завтрака в северную башню! Жареных крыс или отварных жаб?

– Ваше Величество! – подал голос старший кухмейстер, – Вот корзина для башни... Северной. Там один человек всего... Но покойный брат Гарри приказал как на троих чтобы... Вот...

Он снял с корзины полотенце. Король подошёл и заглянул внутрь. Каравай свежего хлеба, шесть куриных яиц, бутыл

молока, большой кусок ветчины.

– А где крысы? – невозмутимо спросил король и уставился на повара.

– А надо было?.. Ваше Величество... – кухмейстер чуть не умер от страха.

– Вчера же носили на ужин? Разве нет?

– Крыс? – у кухмейстера затряслась рука.

– Я больше не буду спускаться на кухню, чтобы проверять как кормят моих гостей. Слыханное ли дело! В следующий раз, когда мне пожалуются на еду, – король ткнул пальцем в грудь кухмейстера, – Ты пойдёшь на эшафот. А его место займёт кто-то из вас, – он обвёл взглядом челядь. – Но если и он не справится, тоже пойдёт на эшафот! Вот так мы поступим.

Льенар обратился к Морису:

– Ясно?

Морис молча поклонился, и за ним вся кухонная прислуга склонилась в глубоком поклоне. Король резко повернулся и вышел с кухни. Когда его шаги стихли, Морис подошёл к старшему кухмейстеру и взял его за плечи:

– Дружище! Ты уж постарайся! Как следует!

– Ваше... Ваше... – по щекам кухмейстера текли слёзы, исчезая в седой бороде, – Мы... Я... Да никогда... Никогда! Всегда все довольны...

– Ну-ну! Тише!

Вдруг с лестницы раздался крик короля:

– Морис! Сукин сын! Ты где? Бегом ко мне!

Морис усмехнулся, подняв указательный палец:

– Вот видишь? – сказал он кухмейстеру. – Вместе с тобой на эшафот пойдём, если что.

Хранитель догнал короля на лестнице:

– Ваше Величество, я здесь!

Остановившись на пару ступенек выше Мориса, Лъенар обернулся:

– Куда ты к девкам ходишь?

– Ваше Величество! – Морис развёл руками, – Вы мне запретили, и всё... Ни ногой!

– Мне надо!

Морис в удивлении открыл рот.

– Ну, надо! Понял? Надо! – настаивал Лъенар.

– Ваше Величество, – оглянувшись, зашептал Морис, – идёмте в ваши покои. Там обсудим. Такое щепетильное дело. Тут лишние уши не нужны.

– Да-да. Идём!

– В замок, думаю, звать не стоит, – заговорщицки шептал Морис, – Шила в мешке не утаишь, лучше мы сами съездим. В одно укромное место за городом. Поступим так... В городе есть дом, о котором никто не знает. Я там встречаюсь с соглядатаями. Вы сейчас переоденетесь в рясу, накинете капюшон поглубже, и мы пойдём туда пешком. Там ещё раз переоденетесь – в простолудина. Возьмём лошадей – и через

полчаса мы на месте.

– Хорошо.

– Обратно вернёмся тем же путём.

– Давай уже рясу!

Они скакали по полю плечом к плечу, удаляясь от города. Хранитель украдкой поглядывал на короля, одетого в простой камзол, и не узнавал друга детства. Черты лица его заострились, взгляд пьяно блуждал, ни на чем не останавливаясь. Морису вспомнился ледовый рейд. Тогда ещё принц, Льенар спешил на выручку к своему отцу. В лице его была жизнь, в осанке сила, в словах тревога. Сейчас же рядом с ним в седле трясся живой труп. Добравшись до придорожного трактира, они спешили, передав поводья мальчишке.

– Кто я, тут знают. Я буду называть вас Ли, – сказал Морис, – Вы из прислуги, скажем, писарь. Ну, и обращаться к вам я буду соответственно. Вы уж подыграйте!

Он толкнул дверь в трактир и вошёл первым. Льенар последовал за ним.

– О! Какие люди нас посетили! – крикнул полный неряшливый трактирщик и шутливо поклонился, – Наш драгоценный Хранитель, прямиком из королевского замка! А мы скучали, вспоминали, особенно ваши любимицы!

Тут же к Морису подбежали три хохочущие девицы и повисли у него на шее. Все три были во хмелю, пышногрудые, пышущие здоровьем и весельем.

– А вы не один сегодня! Что за красивого мальчика вы к нам привели? Да такого скромного!

Морис подтолкнул Льенара вперёд.

– Познакомьтесь.

– Какой миленький, – одна из них подхватила короля под руку и заглянула ему в лицо, – Как тебя зовут, синеглазый?

– Ли, – сдавленно ответил он и добавил, – Сударыня.

– Сударыня?! – та залилась смехом, – Слышали, девчонки? Меня отродясь так никто не называл. Откуда ты, милый?

– Он мой писарь, – встрял Морис, – Вы уж не обидьте его своим вниманием, красавицы.

– О, мы не обидим! – захихикали все трое. И не успел новоиспечённый писарь опомниться, как девицы увлекли их обоих в дальний угол трактира. Они пили вино, и Льенар пил больше всех, а потом, хохоча и спотыкаясь, отправились наверх. Морис оставил его на попечение двух подружек, а сам шмыгнул в соседнюю каморку с третьей.

– Ты не обижайся, Мерси, но я посплю. А ты разбуди меня, когда мой дружок управится. Хорошо? На вот, – он протянул ей золотой.

– Опять шпионские дела? – разочарованно пробормотала Мерси, пряча монетку в пояс.

– Шпионские... Да...

Морис завалился на сальную постель и забылся сном.

Мерси трясла его за плечо:

– Морис! Проснись же! Твой дружок закончил.

– Сколько я спал? – подскочил Хранитель.

– Пф... Ну час, может...

– Где он?

– На улицу вышел.

Морис скатился по ступеням и вышел во двор. Льенар умывался из бочки, чуть вздрагивая от холода.

– Как ты, Ли?

Льенар провёл руками по мокрому лицу, схватил недопитую бутылку и залпом из горла допил её.

– Откуда они всё это умеют?

Морис лукаво ухмыльнулся, подняв одну бровь:

– Я научил!

Льенар рассмеялся тем самым смехом, который Морис помнил с детства. И Хранитель почувствовал облегчение. Но через секунду смех короля стал нервным, он присел на корточки, облокотившись на стену трактира и борясь с подступившей тошнотой.

– Я схожу с ума, Морис.

Хранитель присел рядом и кивнул, поджав губы:

– Поезжайте в Латриан. Навестите деда. Пока он ещё жив. Я всё устрою. Завтра же с утра яхта будет готова. Мы тут с Лиамом за всем приглядим, на меня можно положиться, я никому спуску не дам.

Льенар приобнял друга за плечи:

– Ты не знаешь, о чём я говорю. И слава Говеру, что не знаешь. Я возьму себя в руки. Я справлюсь. – он закашлялся. – Пойдём, нам пора обратно.

На обратном пути они болтали как раньше, прихлёбывая из одной бутылки. Душа Хранителя ликовала.

После заката монах доложил Морису, что король тайком покинул покои.

Льенар неуверенно поднимался по крутой лестнице. Пройдя полпути, он остановился перевести дыхание. Теперь он вполне отдавал себе отчёт, что с ним происходит, и осознавал, что помочь ему некому. «Что чувствуешь ты? Мучаешься ли, как мучаюсь я? Ах, если ты тоже страдаешь!» – думал он, и эти мысли погружали его в сладостную истому с ядовитой горечью.

Глотнув из бутылки, он толкнул дверь и вошёл внутрь.

– Доброй ночи... Марк! – крикнул Льенар. Он искал глазами колдуна, но вдруг голова его закружилась, и король рухнул на пол.

– Здравствуй, – поприветствовал Льенара колдун.

Он появился из тени комнаты и, подойдя к королю, посмотрел на него сверху вниз. Светло-серая рубашка Марка была расстёгнута, и король успел разглядеть худой, но привлекательный торс колдуна. Тело его было молодым и прекрасно сложенным.

– Я пришёл поговорить с тобой... Поговорить о наших

делах! – Лъенар глупо рассмеялся, представив, как выглядит со стороны. – Непохоже, да?

– О каких делах? Всё, что ты сейчас можешь, это спать, посапывая в шёлковую подушку, – улыбнулся Серый и, схватив Лъенара за плечи, одним рывком поднял на ноги.

Король охнул:

– Ты сильный, а так и не подумаешь! – он приобнял колдуну одной рукой, – Я обещал прийти к тебе сегодня. И я пришёл! Невежливо было бы с моей стороны не выполнить обещанное. И я уже почти трезв. А куда я бутылочку-то дел? – он оглянулся в поисках вина. – А, ладно! Как тебя сегодня кормили? Лучше? Или мне всех переубивать? Ты только скажи! Всех на эшафот! Всех!

– Ты слишком много выпил сегодня. Хочешь, чтобы я тебе помог? Чего ты желаешь?

Король очень хотел сказать правду, но всё же удержался. Своё истинное желание он скрыл. Стыд, неуверенность и какой-то непонятный страх остановили его.

– Я хочу побыть с тобой. – промолвил Лъенар. – Просто побыть. И пусть даже беседы у нас не получится, пусть мы ничего не обсудим... Я... Я просто хотел увидеть тебя... Марк...

– Ты можешь остаться. – прошептал колдун в ответ. – Мы сядем у огня.

– Хорошо, Лъенар, как зачарованный, последовал за ним, сел рядом и словно невзначай прижался своим плечом к пле-

чу Марка. И тепло стало расходиться по телу короля от плеча, которое магнитом примкнуло к плечу Марка. Болезненное бессилие овладело Льенаром, и даже если бы он и хотел отстраниться от колдуна, у него бы ничего не вышло. Однако он и не хотел. Он чувствовал всем телом место их соприкосновения. И он был счастлив. Болезненно, невыносимо, но счастлив.

– Расскажешь мне что-нибудь? – спросил он тихо. – Или помолчим? Я не стану мешать твоим размышлениям.

– Прости, но мне нечего тебе рассказать. Моя жизнь тяжела, если не сказать больше – страшна. Я почти забыл то время, когда был обычным человеком.

Марк взглянул на Льенара:

– Знаю, тебе тоже нелегко, – колдун взял холодную руку Льенара в свои ладони. – Ты видишь во мне человека, который готов научить тебя многому. Рассказать то, о чём никто не знает. Я мог бы быть для тебя большим, чем друг или отец. Но не вздумай ко мне привязаться! Я опасен, мне нельзя никого полюбить, и меня тоже любить нельзя.

Льенар смотрел Марку в глаза и боялся дышать. Он понимал, что чернокнижник предостерегает его, но воспринимать его предостережения всерьёз, когда тот делится теплом своих рук и говорит о любви, он попросту не мог.

– Но почему нельзя? – так же тихо спросил король. – Ты меня ничем не испугаешь.

– Я не пугаю тебя, просто хочу, чтобы ты это знал. Ты раз-

решил мне жить в замке ради своей выгоды. Правильно? Ты хочешь власти, силы и богатства? Я дам тебе это. Самые красивые женщины будут у твоих ног.

– Я разрешил тебе жить здесь, – Льенар сжал его руку, – Потому что ты меня поразил. Ещё до того, как я узнал, чего ты стоишь. Я потерял разум. Никого я раньше не подпускал так близко к себе, как тебя. И мне наплевать, пожалею ли я об этом позже. Власть? Конечно, я хочу силы и власти... Но если ты ничего из этого мне не дашь, я всё равно не прогоню тебя. Ты и сам всё видишь. Не играй со мной, я знаю, что видишь.

Серый выпустил его руку из своих ладоней и встал со стула. Огонь начал затухать, пришлось добавить ещё дров.

– Тебе надо поспать, – мрачно проговорил Марк, глядя на огонь.

Он рукой откинул пряди непослушных волос с лица, и Льенар, пожалуй, впервые увидел полностью открытым его достаточно красивое, но измождённое лицо с тёмными кругами у глаз и цепким взглядом.

– Да! Ты прав, – Льенар слышал свой голос, и он ему казался чужим и безжизненным. – Я, вероятно, ещё не совсем трезв. Прости, если вдруг оскорбил тебя. Поговорим завтра.

Он нервно распахнул дверь и пошёл вниз, опираясь на стену. Остаться сейчас было бы худшим унижением из всех возможных. Он и так уже опозорил себя перед колдуном, как только мог. «Сумасшедший! – думал король. – Гряз-

ная тварь! Даже чернокнижник – и тот отшатнулся от меня. Кто ещё понял, кроме него? Морис? Лиам? Все при дворе?».

Он вышел из башни, набрал в ладони мокрого снега и умылся им.

– Идиот! – выдохнул Лъенар и поспешил к себе.

Лиам и Морис, стоящие в тени стены, остались им не замечены.

– Морис! – Лиам подтолкнул оторопевшего Хранителя в плечо, который с паникой во взгляде наблюдал за другом, и они отправились в штаб братства.

– И ты знаешь? Когда мы ехали обратно, мне казалось, он снова прежний. Но чем ближе мы подъезжали, тем мрачнее он становился. Как будто... Я не знаю... Вокруг замка появилась невидимая стена, и когда пересекаешь её, становишься совершенно иным человеком.

– А девок ты не расспросил? Было ли что?

– Мне хватило его смеха. Говорю тебе, надо их растащить. Отправить его в Латриан к деду. Я предложил ему, но он как будто не услышал.

– А ты слышал, что случилось после гибели Вилли и Гарри?

– Драки?

– И поджог. Шестеро братьев лежат по кельям. Встать не могут. Переломы, ушибы, один очень плох... Надо назначить нового капитана стражи. Они остались без командира, а им нужна сильная рука и поводок.

Где-то над их головами заухал, захохотал филин, бесшумно размахивая крыльями.

Отец Лиам, Веко Ока, Глава Церкви Говера объединённого королевства Фортресс и Эсбор, одетый в плащ бедного рыбака, шёл по узким нищим улицам Глотчера, высматривая приметы, известные ему одному. Увидев, что, в отличие от соседних домов, на крыше одной из хибар нет снега, он остановился. Вокруг не было ни души, только неизвестно откуда взявшаяся сорока смотрела на него из кроны каштана, склонив голову. Лиам погрозил ей кулаком:

– У! Зараза!

Сорока сорвалась с ветки и стремительно улетела в сторону столицы.

– Это мы ещё посмотрим... – проговорил Лиам, отпив из фляги, – Поглядим-посмотрим!

Встряхнув плечами, он решительно постучал в дверь домика. Дверь открылась, но за ней, в густой темноте, никого не было. Это несколько не удивило Веко, и он вошёл. Когда старые хмельные глаза его привыкли ко мраку, царившему в доме, он разглядел в глубине мерцающие угли в очаге и двинулся на ощупь в их сторону. Споткнувшись пару раз о какое-то барахло под ногами, он всё же достиг цели и остановился возле слабого огня.

– Севелина, – тихо позвал он.

Ни шороха, ни скрипа. Только угли потрескивают в тём-

ном очаге. Лиам почувствовал, что дышать стало трудно, воздух стал тяжёлым и вязким. Принюхавшись, он почувствовал слабый запах фиалок.

– Не надо, Севелина! Я Лиам!

– Ты постарел, – нежный женский голос раздался за его плечом.

Веко обернулся, но в темноте ничего не разглядел, кроме нечётких теней.

– Снова пьян... – расстроенный голос ласково укорял его.

– Севелина... Ты не могла бы...

Очаг вспыхнул, освещая комнату, и в его трепещущем свете Лиам увидел собеседницу. Она стояла напротив. Длинный, до пола, серый, кажущийся в темноте чёрным плащ с огромным остроконечным капюшоном скрывал облик ведьмы.

– Веко! – с раздражением сказала она, – Ты пришёл не один!

– Один! – недоумевал Лиам, – Ты теряешь прозорливость, – съехидничал он.

– Это ты теряешь зрение.

– Если ты про сороку...

– А-а-а... – протянула Севелина, – за тобой следят! Поэтому ты здесь?

– Не совсем. Могу я сесть? Я так устал, пока искал тебя! Ты стала чаще менять дома. Я прошёл мимо...

– Сядь уже, Лиам, и заткнись!

Веко послушно замолк, нащупал какой-то мешок и, тяжело кряхтя, уселся.

– Ты в беде, Лиам! Я не могу тебя видеть. Лишь слабо ощущаю... А это может значить только одно: ты спутался с Серым посильнее меня!

Севелина рассмеялась звонким смехом и быстро скользнула к Лиаму так, что капюшон, скрывающий её лицо, почти коснулся его носа. Она шумно вдохнула.

– Это не форгийское! Ты перешёл на напитки покрепче? Что-то с травами?

– Холодно! – усмехнулся Лиам.

– И что же ты от меня хочешь? А я-то думала, куда он подевался? То чуть ли не каждый год я ему надобилась, а то пропал совсем. А он изменяет мне!

– Ты говоришь со мной, как ревнивая жена, – посмеялся Лиам, – тебя же не трогают? Живёшь припеваючи! У нас уговор. Ты немного ошиблась... Не я в беде. Помнишь Лье-нара? Наш молодой правитель...

– Вот как? А куда же ты смотрел?

– Ты права, я сплеховал. Очень уж он силён! Этот Серый... Околдовал мальчишку так, что он влюбился в него по уши!

– Я знала... – грустно протянула Севелина и отошла от Лиамы, скрывшись в тени, – Я знала, что этот день придёт... Это неотвратимо.

– Судьба?

– Воля! Так вы это называете? Ты теперь боишься и носишь Око на своих тряпках? Я слышала про Серого. И кто он? Кто этот невидимый мне собрат? Дай угадаю! Он красный?

– Красный волк из снов Льенара.

– Я не смогу тебе помочь, мой милый священник, – с сожалением и лаской проговорила Севелина, – если хочешь, можешь считать наш уговор расторгнутым. Но я не в силах ему противостоять!

– Я! Я соберу все свои последние силы и буду с ним бороться! С тобой или без! Если можешь мне помочь – помоги! Я не прошу тебя лично с ним встречаться! Дай мне инструмент! Дай что-нибудь, что поможет мне! И, клянусь Го... Клянусь, я к тебе не вернусь! Не попрошу ни о чём!

– Поздно, мой святоша! Поздно... Он всё знает. Сорока унесла на хвосте весть о нас! Боюсь, нам с тобой пришёл конец. Это всё...

– Так давай же опередим его! Надо действовать сейчас! Пока он ещё не знает! Сорока ещё в пути!

– Нет, мой хороший. Нет... – она недолго помолчала. – Я дам тебе соль. И лучше передай её с кем-нибудь. Сам ты вряд ли вернёшься. Пусть кто-то добавляет её ему в пищу. Это ослабит чары. Но... это всё...

– Как всё?! Ослабит и всё?! – Лиам замотал головой. – Этого мало!

– Эта соль – единственное, что может противостоять вол-

ку. Она может даже убить его, если он её проглотит. Но ты понимаешь, такого не случится... – она хохотнула, – Вот, держи!

Севелина вытащила стройную руку из-под плаща и положила на стол маленький бордовый кисет.

– Торопись! Он уже рядом.

Лиам схватил кисет и стремглав бросился на улицу. Добежав до угла улицы, он пронзительно свистнул. Через минуту к нему подбежал монах. Лиам вдавил в его грудь кисет.

– Немедленно! Быстрее стрелы! Скачи в Фортресс! Это соль! Отдашь Хранителю Большого Ключа! Добавлять в пищу королю. Всё! Бегом!

Монах, прижав кисет к груди, развернулся и скрылся за углом.

– М-да... – протянул Лиам, усмехаясь в бороду, – М-м-да-а...

Он неспешно вернулся в дом Севелины. Входя внутрь, он заметил, как над домом сгустились облака, превращаясь в синие тучи. На ощупь пробрался к очагу, снова сел на мешок и произнёс в темноту:

– Что же нам делать? Ждать конца? Неужели мы не будем бороться? Вот так сложим руки и будем ждать? Не верю, что ты сдаёшься...

Он замолчал на полуслове, вглядываясь в тлеющие угли. Тонкие алые прожилки жара, переливаясь, соединились в два маленьких шара.

– Не бойся, Лиам, – услышал он голос Севелины, – Это начало нового пути для тебя. Для меня же всё кончено. Я обменяла свою вечную жизнь на семьсот лет на Земле. Сдаётся мне, я продешевила.

Маленькие алые шарики в очаге набирались силы. Пульсируя, они распухали, обретая вид хищных глаз.

– Ты видишь это? – Лиам указал на очаг. – Видишь? Сделай что-нибудь! Ты же сильная Серая!

Веко вскочил с мешка, приложил к губам руки и принялся читать молитву:

– Отец наших отцов и всего живого под солнцем! Призываю к помощи твоей в святом деле церкви твоей! Не оставь нас без обороны твоей пред лицом врага твоего!..

– Кайлам си ариа лоз! – подхватила Севелина, скинув с лица капюшон и показав сморщенное лицо древней старухи, – Ви эртом сай ри ом нейло! Ван! Варо! Раор!

Голоса их сливались в общей молитве, обращённой к свету и тьме, переплетаясь в безумную песню:

– ... светом своим огради... Хейлурам рех зайвин... И прими... Ван! Варо! Раор!.. В царство своё... Армиро лоз бериам тогх... Да не угаснет око твоё... Ван ыр! Варо ыр! Раор Кайлам! Кайлам! Кайлам!.. Свет ока твоего! Свет ока твоего! Свет ока твоего!.. Кайлам!.. Свет ока твоего!.. Кайлам!.. Свет ока твоего!

Лиам выхватил флягу и плеснул в очаг. Алые глаза будто зажмурились, на секунду исчезнув, но вновь появились,

злобно щурясь. Под глазами начал проступать кровавый оскал острых зубов. Севелина, громко выкрикивая: «Кайлам! Кайлам!», бросила в очаг пучок трав. Очаг вспыхнул зелёным пламенем, и комната, на миг осветившись, наполнилась едким дымом. Лиам закашлялся и принялся поливать угли из фляги. Севелина подбрасывала всё новые пучки сушёных трав. Когда дым рассеялся, в очаге остались лишь остывшие угли.

Глава XII

Впервые со времён ледового рейда на малом совете не присутствовал Веко Ока. Генерал Большого Шлема, прославленный сэр Грегор, Хранитель Большого Ключа сэр Морис и сам король Фортресса и Эсбора заняли свои места за столом.

– Что ж... – начал Морис, – если Ваше Величество позволит, я начну.

– Прошу, – Льенар одобрительно повёл рукой.

– Акт об унии Фортресса и Эсбора признан всеми графствами Эсбора за исключением графства Эллиот. Александр Роттен, граф Эллиот, провозгласил себя королём, – Морис скорчил ухмылку, – И отказывается признавать власть короля Фортресса и Эсбора.

– Я предлагал решение этого вопроса, – вступил генерал Грегор, – Простое, эффективное, и самое главное – быстрое!

– Генерал! – король умиротворяюще поднял руку, – хватит крови! И... Мы же не хотим, чтобы Александра Эллиотского воспевали в песнях как борца за свободу? Продолжай, Морис.

– Благодарю! Несогласные с Вашим правом на трон, Ваше Величество, собираются под его крылом. Мы знаем, что поначалу политическое несогласие одного графства преобразуется в движение за освобождение всего Эсбора. К зам-

ку Шербор стекаются смутьяны со всего восточного побережья. Но, безусловно, идейный вдохновитель и глава этого движения – Александр Роттен.

– Какова численность этих смутьянов? – спросил король.

– Постоянно проживающих при замке и в лагере, организованном в прилегающем лесу, не более трёх сотен.

– Это сброд! – Грегор поморщился. – Что они могут?!

– Компания и вправду разношёрстная, – согласился Морис, – Тут и недовольные дворяне, и мещане с крестьянами, разорённые войной. Больше всего желающих личной мести. Резня, устроенная наёмниками Глотчера, не прошла даром. Генерал прав, военной угрозы они не представляют. С этой точки зрения нас может беспокоить лишь отряд в полсотни человек – личная маленькая армия Александра. Но он не сумасшедший. Этот старик не собирается противостоять двум королевствам на поле боя. Он делает ставку на народное недовольство. Около десятка священников эсборской церкви Говера объявили схизму и не признают патриархата Века Ока. Ими основана Вселенская Говерианская Церковь, набирающая силу по всей территории Эсбора. Последователи отправляются с миссиями даже на территорию Фортресса. Каждая служба, проводимая ими, заканчивается проповедью с призывами к сопротивлению и неповиновению и восхвалениями Александра как единственного наместника Говера на земле. Пестуется идея независимости Эллиота с последующим присоединением прочих графств Эсбора...

– Спасибо, Хранитель, – прервал его Льенар, – В общих чертах картина мне лично ясна. Какие будут предложения?

– Позвольте начать мне? – Генерал Грегор поднялся с места, – Я хоть среди вас старик... Ещё и без Века сегодня... Но, думаю, я решительнее настроен, и Лиам бы меня поддержал. Нельзя терять время! С каждым днём приспешников у Роттера становится больше. И каждый из них приводит ещё несколько... Как плесень, они расползаются по королевству. Нужно действовать жёстко и без промедления! И начать необходимо с гнезда смуты и еретичества – замка Шербор. И мы могли бы поручить это дело самим эсборцам. Среди них есть возвысившиеся после образования объединённого королевства и многим обязанные лично Вам, Ваше Величество! Думаю, они не упустят случая подняться ещё ближе к новому трону. Поручив это, к примеру, Князю Корнфилскому, вы убьёте сразу двух зайцев. Князь в стремлении выслужиться сделает всё в лучшем виде. Вы избавитесь от гнезда ереси и приобретёте преданного слугу, если приблизите его к себе. Пусть к своим титулам присовокупит «граф Эллиотский». Уж он наведёт там порядок! А у нас и руки чисты!

– Давать ему столько власти не входило в мои планы! – король поморщился. – И всё равно будет понятно, кто стоит за ним...

– Но склонить его на нашу сторону вовсе не представляется возможным, – задумчиво сказал Морис, покусывая ус.

– Нет... Почему же? Есть одна мысль! – Льенар улыбнулся.

– Какая же? – Грегор удивлённо приподнял бровь.

– Где Лиам? – Льенар как будто только сейчас заметил его отсутствие на совете.

– Завтра-послезавтра вернётся, – ответил Морис, – дела церкви заставили его отлучиться в Глотчер.

– Пусть его монахи пока начнут зачищать проповедников этой вселенской ереси. А я займусь самим Александром.

– Ваше Величество! – генерал Грегор нахмурился. – Так советы не заканчиваются! Вы не хотите поделиться планом, чтобы совет выслушал и вынес решение?

– Генерал! – вмешался Морис, заметив на лице Льенара удивление. – У короля нет чёткого плана, есть только мысль...

– Верно. – согласился Льенар. – Я обдумаю всё и на следующем совете доложу. На этом всё!

Недовольный Грегор поднялся, прогрохотав стулом, и, откланявшись, удалился. Льенар вопросительно посмотрел на Мориса.

– Я... – мрачно сказал Хранитель, – Не хочу поднимать эту тему, но... Я догадываюсь, к чьей помощи Ваше Величество собирается прибегнуть, и настоятельно просил бы Вас повременить до возвращения Века. Без его совета как бы не наломать дров. В этой тонкой сфере совет опытного...

– Морис! Я наперёд знаю всё, что может посоветовать мне

Веко. Он стал предсказуем. Ты, возможно, в последнее время почувствовал мою отстраненность... Мы несколько отделились... Но позволь мне тебя заверить в моей дружбе и любви к тебе, – Льенар сжал ему руку, – И ты можешь, как и раньше, называть меня по имени, опуская всю эту официальность.

– В таком случае, Льенар, я скажу одно: заканчивай эту историю. Расквитайся с ним и распрощайся. Ты пригрел змею. Рано или поздно она укусит тебя! Ты знаешь, что в замке видели красного волка? И смерть капитана...

– Я всё знаю! – Льенар высвободился из рукопожатия, – Всё знаю... Наши с ним отношения не так просты, как может показаться. Уверю тебя, мне он не причинит вреда. Что бы ты там ни думал. Не переживай!

– Я не могу не переживать. Ты не просто мой друг. И то, что я испытываю, это не ревность. Ты ещё мой король! А я – Хранитель! Я чувствую опасность, исходящую от него! Опасность для всего королевства.

– Оставим это! Я не могу тебе всего рассказать...

– Хочешь, съездим к шлюхам?! – внезапно выпалил Моррис.

Льенар рассмеялся.

* * *

Колдун, как обычно, читал в своей комнате, когда услы-

шал скрип отворяющейся двери.

– Ты снова здесь... Что тебя тревожит? – он обернулся к Льенару, стоящему в проходе, и улыбнулся. – Я не ждал тебя так скоро. Тебе нужна моя помощь? Скажи, какая?

Он поднялся, подошёл к окну, прикрыл гардину и расправил свою длинную рубашку. В его движениях чувствовалось встревоженность. Льенар остановился у входа и сжал дверную ручку.

«Наверное, мне лучше уйти. Я слишком часто к тебе прихожу... Я не чувствую себя правителем с тобой. Ты заставляешь меня унижаться, вставать на колени. Это плохо, это ужасно!» – пронеслись пугающие мысли в его голове.

– Да, я пришёл просить тебя об одной услуге. Эта работа будет тяжелее, чем предыдущая. Но ты, кажется, чем-то обеспокоен? Знаешь, о чём я пришёл просить? Скорее всего – да.

– Нет, я не знаю... Я не ждал тебя так скоро.

– Я пришёл не вовремя? У тебя нет сил?

– У меня всё отлично, – хмурил брови чернокнижник, – Я плохо спал. Сны последнее время мучают меня.

Он наполнил бокал и поднёс королю.

– Выпей со мной, Льенар!

Король принял бокал из рук колдуна, посмотрел на вино, казавшееся чёрным за толстым зелёным стеклом, и снова посмотрел в глаза чернокнижнику:

– Жаль, что ты, как говоришь, не пьёшь и не пьянеешь.

После этого легче спать. Твоё здоровье!

– Твоё здоровье! – в ответ поднял бокал колдун. – Ты пришёл сюда выпить? Или по делу? – Марк подошёл и понюхал шею и голову Льенара. – Ты хочешь со мной выпить...

Льенар замер, потрясённый. После того, как он слишком много сказал колдуну, тот больше не пытался коснуться его. «Что с ним теперь? Я ошибся?» – мысли путались, и кровь опять начала стучать в висках; под пристальным взглядом колдуна его собственные разум и тело снова начинали предавать его. Он даже не знал, что ответить, только смотрел на Марка, который был сейчас похож на беспокойного зверя – и с этим зверем он был заперт в клетке. Марк снова подлил ему вина.

– Чёрт возьми, что ты сейчас сидишь здесь со мной? Ты молчишь и ничего не говоришь!

Колдун подбежал к окну, раскрыл ставни и вдохнул свежий ночной воздух.

– Зачем ты меня держишь рядом с собой? – задыхаясь, спросил колдун. – Что тебе от меня нужно?

Льенар медленно поднялся на ноги и подошёл к нему.

– Да что с тобой такое? – спросил он, – Ты как будто сам не свой. Быть нервным, когда мы вместе – моя роль.

Они снова стояли лицом к лицу; губы чернокнижника кривились, глаза горели яростью и отчаянием. И от этого Льенара захлестнуло жаром. Как он ненавидел себя за это!

– Мы же с тобой всё обсудили, разве не так? Я сказал те-

бе всё. Даже то, что ты не хотел слышать. Колдун чуть ли не скалился на него. Льенар стиснул его худые плечи:

– Что ты ещё хочешь услышать?

– Ты слишком добр ко мне, мой король, каково твоё новое задание? Я выполню всё, что ты пожелаешь!

– Скажи! Ты сумеешь вызвать расположение в людях? – спросил тот, чувствуя, что снова оказывается втянут в эту жуткую мучительную игру, когда колдун как будто тянет его к себе, принуждая почти перейти черту, а потом отталкивает, заставляя умирать со стыда. – Не к себе. Ко мне.

– Я могу вызвать расположение в любом человеке. Но ты пришёл не по этому вопросу? Расскажи, что тебя мучает?

Чернокнижник усадил Льенара на стул и, как обычно, взял его руку, согрев ладонь своим горячим дыханием. Король на секунду закрыл глаза, а потом заговорил тихо, горячо и резко:

– Хорошо, я расскажу тебе. Меня мучает некий странник, которого около месяца назад я встретил на охоте. Мы с ним условились быть полезными друг другу, но я не затем держу его у себя. Правда, он делает вид, что не понимает, зачем. Он то высокомерен со мной, будто я ребёнок, то мечется, словно он мой пленник. То касается меня так, что меня бросает в жар, то отталкивает, и тогда я мучаюсь стыдом. Чего я хочу? Я хочу, чтобы он понял, что не пугает меня, чтобы он доверился мне, и чтобы сходил с ума так же, как я. Чтобы спать не мог, чтобы горел и мучился, как я. Сможешь это

сделать, а, Марк?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.